

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР 4(105)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Россия в международном энергетическом сотрудничестве
Russia in International Energy Cooperation

Проблемы миграции в современной Чехии
Migration Problems in Today's Czech Republic

Из истории внешней разведки в СССР
From the History of Foreign Intelligence in the USSR

Страны бывшего СССР между Россией и Западом
The Former Soviet UNION Countries Between Russia and the West

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2019

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2019.04.00

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Редактор *О.Б. Константинова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

М. И. Воейков
*Огосударствление экономики:
Уроки истории и идеологии
(К 100-летию
«военного коммунизма»)*

6

Я. В. Мищенко
*Азиатско-Тихоокеанский
регион в международном
энергетическом сотрудниче-
стве России в XXI веке*

24

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

*И. И. Болотина,
А. А. Лаврикова*
*Современные формы участия
граждан в политической жизни
европейских государств*

42

Д. А. Волкова
*Миграционный вопрос в зако-
нодательстве и программах
политических партий
Чешской Республики*

57

Ф. О. Трунов
*Позиция ФРГ
по урегулированию арабо-
израильского конфликта*

75

А. В. Шурубович
*Белоруссия в ЕАЭС: Тенденции,
проблемы, перспективы*

91

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

M. I. Voeykov
*The «Statistation» of the
Economy: The Lessons of History
and Ideology (To the 100th Anni-
versary of «War Communism»)*

Ya. V. Mishchenko
*The Asia Pacific Region
in Russia's International
Energy Cooperation
in the 21st Century*

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

*I. I. Bolotina,
A. A. Lavrikova*
*Modern Trends in Citizens'
Participation in the Political Life
of European Countries*

D. A. Volkova
*The Migration Issue
in the Legislation and Programs
of Political Parties of the
Czech Republic*

Ph. O. Trunov
*The German Position
Towards the Settlement
of the Arab-Israeli Conflict*

A. V. Shurubovich
*Byelorussia in the EAEU: Trends,
Problems, Prospects*

А.С. Левченков Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 – начале 2019 г.	111	A.S. Levchenkov The «Policy of Memory» in the Context of Ukraine's Foreign Policy in 2014 – Early 2019
--	-----	--

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман Одесса времен Гражданской войны в мемуарах Натальи Логуновой	127	O.I. Kiyanskaya, D.M. Feldman The Civil War in Odessa in Natalya Logunova's Memoirs
С.Б. Брилёв, Б. О'Коннор «Тоник» и «содовая»: Неудач- ный коктейль. Провал немцев и австрийцев – участников англо-советской разведыва- тельно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г.	145	S.B. Brilev, B. O'Connor «Tonic» and «Sodawater»: A Wrong Cocktail. The Causes of Failure of Austrian and German Communists Enrolled in the Anglo-Soviet Pickaxe Intelligence and Sabotage Scheme in 1943

**РАЗМЫШЛЕНИЯ.
СООБЩЕНИЯ.
КОММЕНТАРИИ**

Е.Е. Савицкий Декадентская эстетика и им- перские идентичности: Нидер- ландская Индия 1890-х годов глазами русского консула	171	E.E. Savitskiy Decadent Aesthetics and Imperial Identities: Netherlands Indies of the 1890s as Seen by the Russian Consul
Л.М. Лысенко «Запись» в партию: Превращение РСДРП (б) из конспиративной в массовую	186	L.M. Lysenko «Joining» the Party: The Tran- sformation of the RSDWP (b) from a Clandestine Organization into a Mass Political Party
М.В. Ковалев Профессор Д.Д. Гримм и конституционный процесс в межвоенной Эстонии	198	M.V. Kovalev Professor D.D. Grimm and the Constitutional Process in Interwar Estonia

<i>А.В. Гизатуллина, Н.С. Зимова</i> Проблемы занятости женщин с детьми дошкольного возраста в современной России и мире	<i>A.V. Gizatullina, N.S. Zimova</i> <i>The Employment Problems of Women with Pre-School Children in Today's Russia and World</i>	219
---	--	-------------------

**ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ.
РЕЦЕНЗИИ**

<i>Б.А. Шмелев</i> Понять Украину. О книге П.П. Толочко «Украина между Россией и Западом. Историко- публицистические очерки» (СПб.: Изд-во СПбГУП, 2018. 627 с.)	<i>B.A. Shmelev</i> <i>To Understand Ukraine. About the Book by P.P. Tolochko</i> <i>«Ukraine Between Russia and the West. Historical and Publicistic Essays» (St. Petersburg: SPbGUP, 2018. 627 p.)</i>	229
---	---	-------------------

**СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА
«РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР» ЗА 2019 Г.**

236	<u>CONTENTS OF «RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD» FOR 2019</u>
-------------------	---

М.И. Воейков

**ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ:
УРОКИ ИСТОРИИ И ИДЕОЛОГИИ
(К 100-ЛЕТИЮ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»)**

***Аннотация.** В статье рассматривается политика «военного коммунизма» как начало формирования огосударственной экономики России. Показывается, что эта политика имела две основы: объективные обстоятельства мировой и гражданской войн и идеологические представления большевиков о коммунизме. К последним можно отнести отмену денег, сворачивание рыночной экономики, прямое централизованное управление каждым предприятием, трудовую обязанность каждого гражданина. Однако объективные причины милитаризации экономики имели главное значение, что лишь в конечном счете и в некоторых аспектах совпадало с коммунистической идеологией большевиков. Таким образом, политика «военного коммунизма» была противоречивой и в основе своей двойственной. Наряду с развалом товарного хозяйства и денежной системы, усилением милитаризации экономики продолжали существовать многие рыночные элементы, товарный обмен, деньги, материальная заинтересованность и частный интерес. Существовало многомиллионное крестьянское хозяйство, основанное на частной собственности и рыночном обмене. В этот период, наряду с огосударствлением экономики, существовали демократические завоевания революции: многопартийная система (кроме буржуазных партий), свобода слова и собраний, демократические выборы и т.п. Показывается, что основные характеристики огосударственной экономики и ее двойственность сохранялись весь советский период. Это относится к ограничению товарного производства и рыночной экономики, государственной опеке каждого предприятия, ограничению материальных стимулов труда, запрете частной собственности и частного предпринимательства. При этом в советский период были утрачены демократические интенции «военного коммунизма»: многопартийность, альтернативность выборов, допустимые свободы слова и собраний, плюрализм в творческой и художественной сферах.*

***Ключевые слова:** «военный коммунизм»; рыночные отношения; капитализм; социализм; жесткое государство; двойственность советской модели.*

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, зав. сектором Института экономики РАН.
E-mail: mvok1943@mail.ru

M.I. Voeykov. The «Statisation» of the Economy: The Lessons of History and Ideology (To the 100th Anniversary of «War Communism»)

***Abstract.** Discussing the policy of «war communism» as the beginning of the formation of the national economy of Russia, the author argues that this policy had two key preconditions, those being the objective circumstances of the world and civil wars, on the one hand, and the ideological ideas of the Bolsheviks about communism, on the other. The latter included: abolition of money, elimination of market economy, direct centralized management of all enterprises, compulsory labor duties of all citizens, etc. However, of paramount importance were the objective reasons for the militarization of the economy, those only in the long run and in some aspects coinciding with the Bolshevik communist ideology. Thus, the policy of «war communism» was controversial and essentially dual. Along with the collapse of commodity economy and the monetary system as well as the increased militarization of the economy, there continued to exist many market elements, commodity exchange, money, material interest and private interest. There also existed a multi-million peasant economy based on private land property and market exchange. Notwithstanding the nationalization of the economy, the society still enjoyed some of the democratic gains of the revolution: a multi-party system (with the exclusion of «bourgeois» parties), freedom of speech and assembly, democratic elections, etc. It is shown that the main characteristics of a nationalized economy and its duality were preserved during the entire Soviet period. This applies to the restriction of commodity production and market economy, the state control and guardianship of every enterprise, the restriction of material incentives for labor, the prohibition of private property and private entrepreneurship. At the same time, during the Soviet period, the democratic intentions of «war communism», such as a multi-party system, alternative elections, freedoms of speech and assembly, pluralism in creative and artistic spheres, were lost.*

***Keywords:** «military communism»; market relations; capitalism; socialism; rigid state; the duality of the Soviet model.*

**Voeykov Mikhail Illarionovitch – Doctor of Economic Sciences,
Professor, Head of the Section of the Institute
of Economics, RAN. E-mail: mvok1943@mail.ru**

**«Военный коммунизм»
в идеологической концепции большевиков**

В истории России после 1917 г. много событий и дат, юбилей которых приходится на наше время и которые заслуживают более внимательного изучения. В некоторых случаях они требуют корректировки оценочных суждений, привычных нам еще с советского времени. Таков, например, «военный коммунизм», получивший в нашей литературе прочную негативную коннотацию. Не отрицая в целом такой подход, все же имеет смысл более детально приглядеться к этому явлению.

«Военный коммунизм» – определенная экономическая политика, которую стали проводить большевики с началом Гражданской войны в стране, т.е. с 1918 г. Однако формально началом «военного коммунизма» можно считать 11 января 1919 г., когда была введена продразверстка. Ведь именно продразверстка, т.е. насильственное изъятие у сельскохозяйственных производителей (в основном, у крестьян) излишков продукции, но часто не только излишков, является центральным пунктом политики «военного коммунизма». Так что в 2019 г. исполнилось 100 лет этой политики, которая до сих пор вызывает интерес и научные дискуссии. Это была жесткая экономическая политика, мобилизующая все силы и средства на сохранение завоеваний революции и удержание власти большевиков. По мнению большевиков и их сторонников, «военный коммунизм» открывал дорогу для строительства нового, социалистического общества в России. По мнению противников большевиков, эта политика вела к созданию в стране тоталитарного государства.

Действительно с началом Гражданской войны экономическое положение страны усложнилось. Необходимо было любой ценой обеспечить материальные нужды как красноармейцев, так и городского населения, и прежде всего рабочих и служащих советских предприятий, особенно занятых на оборонных предприятиях. В этих условиях был сделан резкий переход к прямым, исключительно административным и даже военизированным методам управления экономикой. Происходила широкая натурализация экономических отношений. Это была прагматическая сторона вопроса, которая выступала как определяющая и базовая. В первую очередь нужно было решать практические вопросы жизни. В июне 1921 г. на III Конгрессе Коммунистического интернационала В.И. Ленин специально подчеркивал это обстоятельство: «Мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии»¹ [Ленин т. 44, с. 44]. Но эти же прагматические потребности поддерживали и воспроизводили определенные идейные настроения, которые у некоторых большевиков, а пожалуй, даже у многих, превалировали над практической необходимостью.

Итак, экономическая политика времен Гражданской войны, получившая впоследствии название политики «военного коммунизма», была вызвана, по крайней мере, двумя причинами. Прежде всего, это сложная военная и хозяйственная обстановка в стране и без того с сильно разваленной экономикой еще во времена Первой мировой войны. Другой причиной «военного коммунизма» были господствующие представления о социалистическом обществе

1. Здесь и далее в ссылке на это многотомное издание указывается автор, номер тома и страница.

как нетоварном, безденежном хозяйстве. Натурализация экономических отношений, подрыв денежного обращения, развал финансовой системы и т.п., особенно в связи с победами в Гражданской войне, создали почву для широкого распространения и утверждения представлений, совершенно отрицающих необходимость использования рыночных отношений и денег даже в процессе строительства социализма.

Натурализация экономики страны многими, если не всеми, большевистскими деятелями воспринималась как закономерный процесс ликвидации капиталистической экономики, частно-товарного производства. Это нашло отражение и в ряде партийных и хозяйственных документов. В программе партии, принятой на VIII съезде в марте 1919 г., был, например, пункт о замене торговли «плановым, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов» [Ленин т. 38, с. 440]. В резолюции II Всероссийского съезда советов народного хозяйства, состоявшегося в декабре 1918 г., было записано: «Развитие социалистического переустройства экономической жизни необходимо требует отрешения от прежних частнокапиталистических взаимоотношений в производстве и устранения в конечном итоге всякого влияния денег на соотношение хозяйственных элементов» [Труды 1919, с. 192]. 18 июля 1920 г. сессия ВЦИК признавала, что «деятельность Наркомфина, выразившаяся... в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы, в общем соответствует основной задаче хозяйственного и административного развития РСФСР» [Постановления 1920, с. 66]. То есть Министерство финансов, говоря современным языком, стремилось к ликвидации денежной системы. И это у большевиков не вызывало недоумения.

Идеологи большевизма того периода, приняв хозяйственную разруху за объективный процесс, принялись развивать и соответствующие теории. Наиболее выдающимся сторонником этих теорий оказался Н.И. Бухарин. В своей, можно сказать, теоретической монографии 1920 г. «Экономика переходного периода», которая, кстати, весьма понравилась Ленину, он развил целую теорию натурализации экономики. Например, Бухарин пишет: «Понятно, что в переходный период, в процессе уничтожения товарной системы как таковой, происходит процесс “самоотрицания” денег. Он выражается, во-первых, в так называемом “обесценении денег”, во-вторых, в том, что распределение денежных знаков отрывается от распределения продуктов и наоборот. Деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, становясь условным — и притом крайне несовершенным — знаком обращения продуктов» [Бухарин 1988, с. 188]. Здесь Бухарин первые поверхностные наблюдения разлада экономического механизма принял за ростки объективного процесса, образно говоря — нужду выдавать за добродетель. И дальше Бухарин строит целую теорию: «Вообще говоря, одна из основных тенденций переходного периода есть

разрыв товарно-фетишистских оболочек. Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.е. рассматриванию и общества, и его частей как систем элементов в их натуральной форме» [Бухарин 1988, с. 189]. Теория натурализации советского хозяйства, известную дань которой отдал Бухарин и некоторые другие большевистские теоретики, не была, собственно, марксистской теорией. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни К. Каутский нигде прямо так не писали. Н.И. Бухарин, используя достаточно случайные факты хозяйственной жизни, спешил строить соответствующие теории понятные и удобные большевистской массе. Да и вся эта работа Бухарина не есть глубокое и всестороннее научное исследование «трансформационного процесса», а лишь отражение настроения большевистского энтузиаста, которое в конечном счете вульгаризирует известную марксистскую концепцию.

Ленин же более осторожно подходил к судьбе денег в переходный период от капитализма к социализму. В мае 1919 г. он писал: «Еще до социалистической революции социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги... Пока деньги останутся, и довольно долго останутся» [Ленин т. 38, с. 353]. Однако общее представление о несовместимости товарно-денежных отношений и социализма у Ленина отмечается и в этот период. В октябре 1919 г. он замечает: «У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство» [Ленин т. 51, с. 357]. Этот мотив преодоления товарно-денежных отношений и товарного производства был характерен почти для всех большевистских деятелей «военного коммунизма». И это же дало основание для определенной трактовки «военного коммунизма» как тотального огосударствления экономики. Хотя не все было так просто и однозначно.

Разнообразие оценок «военного коммунизма»

В отечественной научной литературе в разные периоды превалировали различные трактовки политики «военного коммунизма». Дольше всего господствовала в общем-то правильная точка зрения на «военный коммунизм» как политику, навязанную Гражданской войной и экономической разрухой. Затем следует не забывать, что период «военного коммунизма» есть период Гражданской войны, т.е. по существу самой революции. Не могла же революция после октябрьского переворота 1917 г. благопристойно закончиться

в два-три месяца. Так быстро великие революции не совершаются и не завершаются. Обычно период Гражданской войны включают в хронологические рамки самой революции как ее объективно неизбежный момент. Поэтому с общетеоретической точки зрения политику «военного коммунизма» рассматривать как политику нормального экономического развития нельзя.

Действительно политика «военного коммунизма» была вызвана прежде всего обстановкой экономической разрухи, войны, самоликвидацией почти всех прежних государственных органов и форм управления. Важно иметь в виду, что многие элементы «военного коммунизма» были введены Временным правительством до октября 1917 г., а некоторые еще и царским правительством как необходимые в период мировой войны меры. Речь идет о карточной системе распределения и прямого продуктообмена, выпуске еще в самом начале мировой войны ничем не обеспеченных бумажных денег в очень большом количестве, административном контроле за ходом полевых работ, использовании на уборке урожая воинских частей, принудительном перераспределении сельскохозяйственных орудий. Известный меньшевик Д. Далин в 1919 г., т.е. еще до своей эмиграции, писал: «Взятие на учет, продовольственные карточки, монополии – все это было и до “социальной революции”» [Далин 1991, с. 90]. Например, как отмечают современные историки, продразверстка в России вступила в силу, по крайней мере *de jure*, еще в январе 1917 г. по инициативе царского министра земледелия А.А. Риттиха. Этот интересный сюжет Э.Е. Писаренко описывает так: «К сожалению, в учебниках истории до сих пор упорно не называется подлинный автор продовольственной разверстки – А.А. Риттих. Будучи с ноября 1916 г. управляющим министерством земледелия, (а с 12 января 1917 г. министром земледелия) он действовал решительно... 29 ноября 1916 г. Риттих подписал постановление о хлебной разверстке, а 7 декабря были определены нормы губернских поставок с последующим расчетом продразверстки по уездам и волостям». А вот А.Д. Цюрупа, являясь помощником уполномоченного по Уфимской губернии, уже в декабре 1916 г. практически осуществлял продразверстку в этой губернии [Писаренко 1998, с. 288]. Большевики, стало быть, не только успешно продолжили дело царского правительства, но и в лице А.Д. Цюрупы привлекли к себе одного из лучших исполнителей политики продразверстки с дореволюционных времен. Но и царское, и Временное правительства не смогли толком провести в жизнь продовольственную разверстку. Это смогли сделать только большевики. Более того, они просто взяли план министра А.А. Риттиха и осуществили его в реальности. А А.Д. Цюрупу, который с марта 1917 г. был председателем губернской продуправы в Уфе и, наверное, единственным, кто добился хоть какого-то результата в этом деле еще при Временном правительстве, назначили наркомом продовольствия РСФСР.

Конечно, в политике «военного коммунизма» все эти и другие меры существенно усилились, можно даже сказать, получили комплексность, законченность и достигли в общем-то того результата, на который и были рассчитаны. Так, продразверстку в реальности смогли осуществить только большевики. Видимо, многие, если не все правительства, в таких условиях проводили бы аналогичные мероприятия. Об этом свидетельствует такой современник событий, как Г. Уэллс: «Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье» [Уэллс 1958, с. 14]. Добавим, что распределение некоторых продуктов по карточкам лондонское правительство ввело во время Второй мировой войны.

Вместе с тем политика «военного коммунизма», если рассматривать ее не как простой набор хозяйственных мероприятий, а как целесообразную, осознанно проводимую экономическую стратегию, была вызвана не только военной и экономической обстановкой. Если было только это, то, видимо, не утвердились бы ни название «военный коммунизм», ни соответствующий комплекс теоретических воззрений как своеобразная идеология большевизма. Надо сказать, что в литературе по этому поводу имеются самые разнообразные, вплоть до противоположных, точки зрения.

Одна из них восходит к «Краткому курсу ВКП (б)», где сказано: «Политика военного коммунизма была вынуждена войной, интервенцией» [Краткий курс 1938, с. 238]. Это положение так или иначе воспроизводилось множество раз, стало советской классикой или, лучше сказать, догмой официальной советской идеологии. Например, в последнем издании (1985) официальной советской биографии Ленина сказано: «Ленин рассматривал “военный коммунизм” как временную меру, вынужденную войной и разорением» [Владимир Ильич Ленин 1985, с. 78]. Это все, так сказать, сталинистская традиция в истолковании политики «военного коммунизма». Но вот, например, Д. Лукач, которого никак нельзя заподозрить в излишних симпатиях к сталинистской идеологии, высказал в 1967 г. мнение, что Ленин, в отличие от большинства своих современников, «ни на минуту не признавал военный коммунизм истинной формой перехода к социализму, будучи полон твердой решимости вернуться к теоретически правильной линии НЭПа сразу же по окончании гражданской войны и интервенции» [Лукач 1990, с. 140]. Это слишком прямое и некорректное утверждение, которое совершенно не соответствует действительному положению вещей. Во-первых, Ленин, и мы уже приводили его слова на этот счет, не отрицал возможности использования политики «военного коммунизма» для построения социалистического общества. И во-вторых, НЭП не был изначальной политикой большевиков. НЭП был скорее

политикой меньшевиков, которую большевики взяли на вооружение после окончания Гражданской войны в силу объективных обстоятельств. Крестьянское восстание против большевиков в Тамбовской губернии (1920–1921), Кронштадтский мятеж (весна 1921 г.) и более мелкие выступления крестьян против продразверстки и вообще режима «военного коммунизма», можно сказать, силой заставили большевиков перейти к НЭПу. Однако упрощенную точку зрения, что политика «военного коммунизма» была вызвана исключительно войной и разрухой, охотно развивали, особенно в 1960-е годы, а также в начале «перестройки», многие советские историки и экономисты.

Двойственность в понимании «военного коммунизма»

Но есть и другие воззрения. Многие партийные деятели и авторы воспринимали политику «военного коммунизма» как не только и, может быть, не столько вынужденную меру, а как опыт непосредственного социалистического (коммунистического) строительства, практического воплощения коммунистической экономической идеологии. Приверженцы этих взглядов составляют два направления. Первые – это большевистские идеологи и публицисты 1920-х годов, вторые – немарксистские и небольшевистские исследователи тех же и более поздних лет. Английский историк М. Добб отмечает, что на Западе общераспространенной была интерпретация «военного коммунизма» как попытка реализации коммунистической идеи, что неизбежно оказалось в конфликте с реальностью [Добб 1966, р. 120]. Об этом же пишет и советский историк Е.Г. Гимпельсон [Гимпельсон 1973]. Можно привести и такое свидетельство меньшевика Н.В. Валентинова, находящегося тогда еще в России и хорошо знакомого с верхушкой большевиков. «В партии был и в 1923 г. продолжал существовать, – пишет Н.В. Валентинов, – значительный слой (и не маленьких людей) считавших, что в своей основе военный коммунизм был стройной системой, подлинно коммунистической политикой, только потому сопровождавшейся неудачами, что она не могла во время Гражданской войны выявить все присущие ей качества» [Валентинов 1991, с. 37]. Например, Л.Б. Красин, как можно заключить из его письма Ленину от 8 ноября 1921 г., считал «военный коммунизм» полным коммунизмом, правда «провалившимся» [Большевистское руководство 1996, с. 215].

Самого же Ленина трудно отнести совершенно определенно к сторонникам сугубо идеологического восприятия и обоснования политики «военного коммунизма». У него можно обнаружить идеологическую совместимость с «военным коммунизмом» и в то же время признание ее ошибочности с прагматической точки зрения. В брошюре «О продовольственном налоге» он прямо и честно писал: «“Военный коммунизм” был вынужден войной и разо-

рением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [Ленин т. 43, с. 220]. И в том же 1921 г. он подчеркивал ошибочность представлений о «военном коммунизме» как о первом и верном опыте социалистического строительства. Он писал, что под влиянием различных обстоятельств «мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин т. 44, с. 157]. Желание побыстрее оказаться в коммунизме было настроением, а не точным расчетом. Как же, задавались вопросом большевики, октябрьский переворот 1917 г. прошел блестяще, в Гражданской войне, правда, с неимоверными трудностями, но все же победа склонялась на их сторону. Все удавалось. И что же, опять идти на развитие капитализма? С такой перспективой мало кто из большевиков мог согласиться. Хорошо это настроение передает М.Н. Покровский: «Казалось, что так блестяще удалось на военном фронте, удастся и... в народном хозяйстве... Нас... пьянила в известной степени эта быстрота. Дело шло таким образом, что нам казалось, что мы от коммунизма, созданного собственными средствами, не дождавшись победы пролетарской революции на Западе, – что мы от этого коммунизма очень близки» [цит. по: Трукан 1994, с. 67–68].

Ленин также классифицировал как ошибочные некоторые практические действия по чрезмерной национализации торговли и промышленности, по ограничению товарно-денежных отношений. В докладе на X съезде партии (март 1921 г.) он говорил: «Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно. В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюдать» [Ленин т. 43, с. 63]. Н. Бухарин охарактеризовал это положение как крах «наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так называемого “военного коммунизма”» [Бухарин 1980, с. 195].

У думающих большевиков того периода можно обнаружить некоторую раздвоенность. С одной стороны, они как грамотные марксисты полагали, что надо было бы проводить социалистические мероприятия путем прежде всего свертывания рынка и товарно-денежных отношений. То есть строить социализм нужно и можно только социалистическими методами. Так вытекало из марксистской теории. С другой стороны, они видели и понимали, что хозяйственная практика эти методы не воспринимала, отторгала. Практика дикто-

вала свои условия, которые сводились к развитию рыночной экономики, буржуазности и в конечном счете капитализма.

Из всего этого можно вывести то, что большевики квалифицировали как ошибочную не саму идеологию «военного коммунизма», не представления о нетоварном социализме, а лишь поспешность в его насаждении, в игнорировании реалий. Приведем на этот счет лишь одно высказывание Ленина из доклада на X съезде: «Мы должны внимательно присмотреться к этой мелкобуржуазной контрреволюции, которая выдвигает лозунги свободы торговли. Свобода торговли, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознавать ясно» [Ленин т. 43, с. 25]. Здесь отчетливо видно сохранение идеологии «военного коммунизма», т.е. недопущение свободы торговли, хотя методы этого недопущения уже меняются. Еще раз обратимся к верному наблюдению Н.В. Валентинова: «Для Ленина введение купли и продажи, обращения товаров, уход от системы военного коммунизма был вынужденным, но явным отступлением от идеала. Переход от распределения к торговле для него был уходом от социализма к капитализму» [Валентинов 1991, с. 97].

Таким образом, политика «военного коммунизма» была вызвана как сложной военной обстановкой и разрухой в хозяйственной жизни, так и в немалой степени господствующей идеологией. Огосударствление всей экономики, натурализация экономических отношений периода «военного коммунизма» явились практической попыткой ликвидировать товарное производство и рыночные отношения в условиях становления нового общественного устройства. То, что такая попытка не увенчалась успехом и от нее пришлось отказаться вскоре после окончания Гражданской войны, общеизвестно и не вызывает сомнений. Хотя огосударствление экономики, возможно в более мягких формах, сохранялось весь советский период.

«Военный коммунизм» и реальная жизнь

Вместе с тем в политике «военного коммунизма» можно обнаружить заметные моменты и явления, которые никак не укладываются в систему жесткого огосударствления экономики. Именно в период, когда «военный коммунизм» проводился в жизнь (1918–1920) как особая экономическая политика, рыночные экономические отношения продолжали существовать, но как бы уже неявным образом. Продолжал действовать и закон стоимости, хотя требования его по всем научным представлениям были нарушены. На этот счет имеется замечание Ленина уже 1921 г., что «запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли,

т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей», было бы «глупостью и самоубийством», «эта политика экономически невозможна» [Ленин т. 43, с. 222]. В 1920 г. (последний год «военного коммунизма»), например, частный торговый оборот лишь сельскохозяйственных продуктов в пределах Советской республики составлял 837 млн руб. или, как минимум, 44% общего оборота товарных ценностей в стране [Струмилин 1963, с. 171]. Вместе с тем отметим, что запретить частную торговлю, т.е., по словам Ленина, сделать «глупость и самоубийство», большевики пытались все годы «военного коммунизма», но не везде это получалось. А вот в результате сталинской коллективизации частная торговля была практически запрещена. И весь советский период частной торговли в стране почти не было, за исключением колхозного рынка. И напрашивается вывод, что «военный коммунизм» не закончился в 1921 г., а существовал все годы советской власти.

Однако и в период «военного коммунизма» абсолютной монополии одного продовольственного органа советского государства (Наркомпрод) в обеспечении нужд страны в сельскохозяйственной продукции не было. Как показано в специальной исторической литературе, все годы «военного коммунизма» шла интенсивная борьба между Наркомпродом, осуществлявшим продразверстку, и ВСНХа, который стремился к более нормальному экономическому обороту сельскохозяйственной продукции как технического сырья для промышленности, а также как продуктов питания для занятых в промышленности рабочих [Павлюченков 1966]. Более того, крупные промышленные предприятия посылали рабочие отряды в сельскую местность для снабжения работников предприятий продуктами питания. Иногда такие действия включались в лимиты централизованной продразверстки, но чаще выходили за их пределы. В любом случае рабочие отряды предприятий стремились действовать более мягко, допуская и эквивалентный обмен с деревней.

В такой громадной стране как Россия, с чрезвычайным разнообразием условий и традиционной самобытностью народа, в принципе никакая политика или правительственная мера не могла проводиться единообразно и последовательно. И тем более нельзя думать, что какое-то идейное представление в то время и в тех условиях можно было легко и просто воплотить в хозяйственную практику.

В системе государственного управления народным хозяйством продолжали использоваться многие рыночные и денежные формы, правда, со все уменьшающимся регулирующим значением. Так, на протяжении всех лет «военного коммунизма» составлялся государственный бюджет, проводилась определенная финансовая политика, выдавалась зарплата, пособия и т.д. Наконец нельзя забывать, что и деньги как таковые никто не отменял. Вместе с тем, конечно, стимулирующая роль денег существенно снизилась. Крупнейший советский специалист по этому периоду Е.Г. Гимпельсон писал:

«Однако регулирующая роль финансов полностью не отпала. И в конце 1920 г. уделялось большое внимание финансированию народного хозяйства, денежным сметам и т.п. Все расчеты и хозяйственные наметки и на 1921 г. велись на денежной основе, и только в промышленности применялись материальные сметы (совхозы, артели, промысловая кооперация имели денежные сметы)» [Гимпельсон 1973, с. 241]. Этот вопрос до сих пор является камнем преткновения для многих любопытствующих и даже для ряда исследователей. Потеря финансами и деньгами своей реальной роли в экономике многим представляется как свидетельство ликвидации товарного производства и товарно-денежных отношений. Так, известный и авторитетный историк В.Т. Логинов при обсуждении проблем «военного коммунизма» восклицал: «А существовали ли товарное хозяйство и товарный обмен в то время?» На что ему вполне резонно отвечал Г.Х. Попов: «Если была предписана ликвидация товарного производства, то это не значит, что оно в действительности было ликвидировано. На самом деле волевым путем никто не может полностью его устранить. Реально товарного производства тогда было больше, чем регулирования. Думаю, что регулирование касалось 10% населения России, а 90% жило обменом, как и раньше» [Дискуссия 1988, с. 56]. В самом деле нельзя же всю проблематику товарного производства и рыночного обмена сводить только к одной форме – денежной. До высшей формы стоимости (денежной) есть еще ряд форм, в том числе такая распространенная, как прямой обмен товара на товар, или бартер.

Товарное производство и рыночные отношения – объективная необходимость определенной стадии развития любого общества, через которую переключиться невозможно. Если общественные и государственные институты игнорируют необходимость легитимного использования рыночных, товарных отношений, то сами эти отношения осуществляются стихийным, во многом даже разрушительным для существующих государственных институтов образом. Это все и проявилось в России в период «военного коммунизма», да и не только тогда. Так, бартер в той или иной форме существовал в нашей стране всегда. Часто государственные предприятия обменивались друг с другом некоторыми излишними материалами (сырьем, оборудованием, строительными материалами и т.п.) в обход фондируемого снабжения.

Поэтому и позиция большевиков по вопросу природы «военного коммунизма» была двойственной. С одной стороны, они хорошо понимали, что эта политика была вызвана объективными обстоятельствами. С другой стороны, многие из них, всецело держась принципов бестоварного социализма, разделяли иллюзии о возможности свертывания товарных и рыночных отношений уже на данном этапе. И в этом состояла коллизия не только большевиков, но и всей русской интерпретации марксизма. Эта двойственность в идеологии и хозяйственной практике сохранялась все годы советской власти.

Таким образом, полагать, что «военный коммунизм» есть стопроцентное воплощение марксистской теории о социализме (коммунизме) является полной нелепостью. В лучшем случае, это – слепое следование некоторым отрывочным, еще дореволюционным, представлениям о социализме, но в большей мере иллюзия самих большевиков, которые думали, что могут свои представления и мечтания о новом обществе осуществить простым и непосредственным образом. Что, взяв политическую власть в стране, они в силах изменить не только общество, но и законы истории, т.е. исторический процесс. Впрочем, изменить объективный социально-экономический процесс большевикам оказалось не под силу.

Экономическая отсталость страны, неразвитость буржуазных отношений, требования миллионной крестьянской массы серьезно подрывали жесткость огосударствления экономики и общества, отодвигали начало социалистических преобразований. Хочешь – не хочешь, но надо было переходить к развитию товарно-денежных отношений, развитию рыночного оборота, стало быть, развитию буржуазных отношений и капитализма. Вообще говоря, такую ситуацию предвидели еще классики марксизма. Так, К. Маркс на одном собрании 1850 г. говорил, имея в виду революционные события 1848 г.: «Во Франции пролетарии придут к власти не одни, а вместе с крестьянами и мелкими буржуа, и будут вынуждены проводить не свои, а их меры» [Маркс, с. 585]. В Русской революции, между прочим, так все и получилось. Марксизм оказался прав, считая, что по существу в феодальной стране революция может быть только буржуазно-демократической, а строительство социализма в отдельно взятой стране просто невозможно. Лидеры большевиков на этот теоретический аспект пытались закрывать глаза, ибо в противном случае это означало, что они солидаризировались бы с меньшевиками, которые твердо держались постулатов классического марксизма и с самого начала революции говорили о ее буржуазном характере и необходимости иной экономической политики, т.е. НЭПа. Большевики, видимо, это все прекрасно понимали, но как-то соединить в единую систему им не удавалось. Такая раздвоенность большевистской экономической политики была характерна для всего советского периода.

Демократия времен «военного коммунизма»

В жесткой экономической политике «военного коммунизма» можно подметить еще один любопытный аспект, который в нашей литературе часто просто не замечают. Ведь, как ни странно, в период «военного коммунизма» существовала значительно большая демократия и свобода, чем в период экономического либерализма, в период НЭПа, да и позже. Это противоречит устоявшимся мифам в публицистике, даже лучшие представители которой

считают так: «Вся политическая система военного коммунизма, за весьма небольшими исключениями, сохранилась и в годы НЭПа. Однопартийность, обеспеченная пресечением деятельности всех других, в том числе социалистических, марксистских, партий, репрессиями в отношении их руководителей и рядовых членов, закрытием неболшевиетских газет и журналов» [Буртин 1999, с. 414]. На самом деле все было не так. Нельзя в этом смысле объединять эти два периода. Все годы «военного коммунизма» существовала многопартийная система (кроме буржуазных партий), на съезды Советов делегировались представители различных партий, выходили оппозиционные газеты. Конечно, время от времени эти органы печати закрывались. Но как пишет современный историк, «запреты “контрреволюционной” печати вызывали больше шума в самой печати, нежели протестов общественности. К тому же запреты обходились с завидной легкостью: газеты тут же выходили под другими названиями» [Булдаков 1997, с. 224]. О тех временах сохранились воспоминания Георгия Иванова впоследствии нареченного «первым поэтом эмиграции». Так вот в самом начале 1920-х годов, будучи еще в России, Георгий Иванов пишет: «Весной 1922 года литературная жизнь Петербурга еще текла так, как она сложилась за пять лет революции. Действовали Дома – литераторов и искусств, действовали издательства, настолько еще независимые, что не боялись, например, издавать сейчас же после казни Гумилева его книги, и, например, я, эти книги редактируя, не считал особой смелостью со своей стороны во вступительных статьях давать соответствующую оценку не только стихов, но и личности расстрелянного “белогвардейца”» [Иванов 1994, с. 414]. Вот тоже интересный вопрос, что более характерно для периода «военного коммунизма»: ужасы революции или расцвет новой культуры?

Мятеж левых эсеров в июне 1918 г. (т.е. прямое вооруженное восстание против большевиков) не привел к запрету этой партии, приговоры суда по этому делу были удивительно мягкими: двух человек (М. Спиридонову и Ю. Саблина) приговорили к тюремному заключению на один год, 11 человек – на три года, и одного – к расстрелу, в случае «его поимки и установления личности». Приговор этот вынесли 27 ноября 1918 г. А уже 29 ноября того же года, т.е. через день, Президиум ВЦИК Спиридонову и Саблина амнистировал и освободил из заключения [Красная книга 1989, с. 294–295]. Красный террор в 1918–1922 гг., по минимальным оценкам, коснулся 12–14 тыс. человек. Но даже если допустить пятикратное увеличение этой цифры, как считает известный историк Е.Г. Плимак, «то и тогда мы не выйдем за рамки “классического” якобинского образца. Во Франции 1793–1794 гг. якобинцы гильотинировали 17 тыс. человек, погибло в тюрьмах еще 17 тыс. А ведь Франция имела всего 24–25 млн населения по сравнению со 150 млн в России» [Плимак 1998, с. 130]. И не забудем, что это был период революции и Гражданской войны.

С 1922 г. демократия и свободы резко сужаются. Запрещаются оппозиционные, в том числе и социалистические, партии, внутри самой большевистской партии запрещаются фракции, закрываются все некоммунистические печатные органы, наконец, высылаются из страны известные ученые, публицисты и писатели. В общем, как делает вывод Е.Г. Плимак, 1922 год сопровождался «усилением диктаторских, террористических начал в политике» [Плимак 1998, с. 130]. И это тоже можно трактовать как отступление от идеалов Октября, идеалов социализма.

В связи с этим никак нельзя согласиться с мнением, что НЭП был «первой оттепелью», ибо «с 30-х годов и вплоть до второй половины 50-х, наличествовала совершенно другая идеологическая атмосфера» [Шарапов 2006, с. 146]. Вся аргументация автора сводится к тому, что в этот период открыто судили эсеров, а вот в 1930-х годах их расстреливали без суда и следствия. Но автор забыл, что до 1922 г. партию эсеров как партию вообще не судили, процесс 1918 г. был удивительно мягким. Поэтому нельзя говорить об оттепели, ибо до 1922 г. не было «заморозков». Атмосфера 1930-х годов, конечно, была другая. Но это можно применить к атмосфере политической, а отнюдь не идеологической. Идеология оставалась примерно та же. Об идеологическом плюрализме можно говорить лишь применительно к периоду самой революции (1917–1922), но после нее, а именно в период НЭПа, этот плюрализм стал резко сворачиваться. Некоторое политическое разнообразие внутри большевистской партии еще сохранялось в 1920-е годы, но и оно не идет ни в какое сравнение с плюрализмом времени «военного коммунизма».

* * *

Таким образом, хотя «военный коммунизм» формально закончился с отменой продразверстки в 1921 г. и переходом к НЭПу, но жесткость государственного управления сохранялась, а в некоторых отношениях даже усилилась. Надо понимать, что социализма в то время в России не было и в тех условиях быть не могло. Пожалуй, это самое главное. Да, большевики проводили жесткую политику, диктатуру пролетариата свели к диктатуре одной партии, все это было. Но ведь их заставляла действовать именно так не социалистическая убежденность, а объективная необходимость. Подчиняясь объективной необходимости, большевики вынуждены были проводить жесткие меры государственного строительства, где для демократии, а следовательно, и для социализма, оставалось все меньше и меньше места. Как это ни странно выглядит, начатки демократии, которые еще были в период «военного коммунизма», с наступлением НЭПа стали исчезать.

Однако главное во всей этой истории понять – почему большевики так поступали, т.е. проводили жесткую политику государственного строительства,

по сути дела исключая развитие демократии. Большевики многое понимали, но реальная российская ситуация была такова, что до демократии и социализма было далеко.

Российская революция 1917 г. была в целом буржуазная, а русский народ в большинстве своем не был готов к социализму. Государственная надстройка была далеко не социалистическая, а нормальная бюрократическая машина жесткого государства. Кроме фразеологии: слова и лозунги были социалистические и даже коммунистические, но практические действия соответствовали становлению государства, нацеленного на модернизационный рывок с помощью бюрократической диктатуры. Поэтому развивать социалистическую демократию в тех условиях было просто невозможно. Такая демократия вылилась бы во вседозволенность. И то в лучшем случае. А большевики были достаточно прагматичны и понимали, как надо действовать.

Сталинизм как определенная форма диктатуры был объективно неизбежен. Ибо каждая Великая революция для установления господства нового общества нуждается в той или иной форме диктатуры. Она может быть более просвещенной и цивилизованной, как Наполеон во Франции, или более грубой и дикой, как Сталин в России. Да, большевики прибегали к жестким мерам государственного строительства и не могли поступать иначе, реальные условия российской действительности не были готовы к развертыванию социалистической демократии. Вспомним Г.В. Плеханова, который, в частности, предупреждал о невозможности взятия государственной власти пролетарской партией в экономических условиях, характерных для России начала XX в. Крестьянам нужна была земля, а не социализм. Российская практика не укладывалась в социалистическую теорию.

Библиография

- Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
- Буртин Ю. Другой социализм // Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999. С. 411–511.
- Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н.И. Избр. произв. М.: Политиздат, 1988. С. 146–230.
- Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Избр. произв. М.: Экономика, 1990. С. 81–207.
- Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М.: Терра, 1991. 240 с.
- Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. В 2 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2. 1917–1924. 364 с.
- Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Мысль, 1973. 296 с.
- Гимпельсон Е.Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Наука, 1977. 310 с.

- Далин Д. Спекулянт и бюрократ // Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 84–95.
- Дискуссия о «военном коммунизме» // Политическое самообразование. 1988. № 6. С. 51–59.
- Иванов Г.В. Из воспоминаний // Иванов Г.В. Собр. соч. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 373–442.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.
- Красная книга ВЧК. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 416 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Госполитиздат, 1960–1965.
- Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Междунар. отношения, 1990. 144 с.
- Маркс К. Заседание Центрального комитета от 15 сентября 1850 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 581–585.
- Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М.: Рус. книгоиздат. т-во, 1996. 299 с.
- Писаренко Э.Е. А.Д. Цюрупа в годы войны и революции // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Издательство ИРИ РАН, 1998. С. 273–295.
- Плимак Е.Г. Большевизм в трех революциях // Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачёв-Фонде 30 октября 1997 г. М.: Апрель-85, 1998. С. 129–133.
- Постановления и резолюции сессии ВЦИК VII созыва. М.: Гос. изд-во, 1920. 88 с.
- Струмилин С.Г. На плановом фронте // Струмилин С.Г. Избр. произв.: в 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 444 с.
- Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенограф. отчет. М.: Высший совет народного хозяйства, 1919. 420 с.
- Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М.: Наука, 1994. 168 с.
- Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1958. 220 с.
- Шарапов Ю.П. Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: Вопросы идеологии и культуры. Размышления историка. М.: ИРИ РАН, 2006. 368 с.
- Dobb M. Soviet Economic since 1917. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. 261 p.

References

- Bolshevik leadership. Correspondence. 1912–1927. Moscow: ROSSPEN, 1996. 423 p. (In Russ.)
- Bukharin N.I. The Path to Socialism and Workers' and Peasants' Union. Bukharin N.I. Selected works. Moscow: Politizdat, 1988. P. 146–230. (In Russ.)
- Bukharin, N.I. The Economy of the transition period (in Russian). Bukharin N.I. Selected works. Moscow: Economy, 1990. P. 81–207. (In Russ.)
- Buldaikov V.P. The Red Troubles. Nature and consequences of the revolutionary violence. Moscow: ROSSPEN, 1997. 376 p. (In Russ.)
- Burtin Yu. Another socialism. Red hills. Almanac. Moscow: Publishing house «Urban property», 1999. P. 411–511. (In Russ.)
- Dalin D. Speculator and bureaucrat. Economics. 1991. No. 2. P. 84–95. (In Russ.)
- Decrees and resolutions of the session of the All-Russian Central Executive Committee of VII convocation. Moscow: State Publishing House, 1920. 88 p. (In Russ.)
- The discussion about «military communism». Political self-education. 1988. No. 6. P. 51–59. (In Russ.)
- Dobb M. Soviet Economy since 1917. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. 261 p.

Gimpelson E.G. «Military Communism»: politics, practice, ideology. Moscow: Thought, 1973. 296 p. (In Russ.)

Gimpelson E.G. Veliky Oktyabr and the formation of the Soviet system of national economy management (November 1917 – 1920). Moscow: Science, 1977. 310 p. (In Russ.)

The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course. Moscow: Gospolitizdat, 1938. 351 p. (In Russ.)

Ivanov G.V. From memoirs (in Russian). Ivanov G.V. Collected Works. Moscow: Consent, 1994. Vol. 3. P. 373–442. (In Russ.)

Lenin V.I. Full collection of works. In 55 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1960–1965. (In Russ.)

Lukacsch D. Lenin. A research essay on the interrelation of his ideas. Moscow: Inter-dunar relations, 1990. 144 p. (In Russ.)

Marx K. Meeting of the Central Committee of September 15, 1850. Marx K., Engels F. Writings. Moscow: Politizdate, 1957. Vol. 8. P. 581–585. (In Russ.)

Pavlyuchenkov S.A. Peasants' Brest or the prehistory of the Bolshevik NEP. Moscow: Russian Book Publishing Association, 1996. 299 p. (In Russ.)

Pisarenko E. A.D. Tsurupa during the war and revolution. 1917 in the fate of Russia and the world. October Revolution: From New Sources to New Understanding. Moscow: IRI RAS Publishing House, 1998. P. 273–295. (In Russ.)

Plimak E.G. Bolshevism in three revolutions. October 1917: meaning and significance. Materials of the round table in Gorbachev Foundation on October 30, 1997. Moscow: April-85, 1998. P. 129–133. (In Russ.)

Proceedings of the II All-Russian Congress of Soviets of National Economy. Stenographer. otchet. Moscow: The Supreme Soviet of National Economy, 1919. 420 p. (In Russ.)

Sharapov Y.P. The first «thaw». Russia in the years of new economic policy in 1921–1928: Questions of ideology and culture. Reflections of the historian. Moscow: IRI RAN, 2006. 368 p. (In Russ.)

Strumilin S.G. On the planned front. Strumilin S.G. Selected works. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. Vol. 2. 444 p. (In Russ.)

The Red Book of the Higher Courses for Chessmen. Moscow: Politizdate, 1989. Vol. 1. 416 p. (In Russ.)

Trukan G.A. Way to totalitarianism. 1917–1929. Moscow: Science, 1994. 168 p. (In Russ.)

Valentinov N.V. Heirs of Lenin. Moscow: Terra, 1991. 240 p. (In Russ.)

Vladimir Ilyich Lenin. Biography, 1870–1924. In 2 vol. Moscow: Politizdate, 1985. Vol. 2. 1917–1924. 364 p. (In Russ.)

Wells G. Russia in the mist. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 220 p. (In Russ.)

Я.В. Мищенко

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ
В XXI ВЕКЕ**

***Аннотация.** В статье приведен комплексный анализ современного международного энергетического сотрудничества, которое Россия развивает в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основой анализа послужили действующие и новейшие официальные стратегии России в области энергетики – «Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» и «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года», а также «Доклад о реализации энергетической стратегии России на период до 2030 года» от 2018 г. В статье изучается роль энергетического сотрудничества с АТР в общей концепции международного энергетического сотрудничества России в этот период. Проводится критический анализ современной Энергостратегии РФ до 2035 г., делается вывод, что хотя документ и носит комплексный и всеобъемлющий характер, однако сосредоточивает основной фокус внимания на расширении сбыта за рубежом российских углеводородов. При этом обходится проблема истощения запасов российских углеводородов, которое может начаться в сфере нефти уже примерно через 25 лет. На основании статистического анализа современных внешнеэкономических связей России в области энергетики выделены ее ключевые страны-партнеры в данной области. Показано, что страны Европы и СНГ по-прежнему остаются важными направлениями экспорта российских углеводородов, однако страны АТР стремительно наращивают свою долю в структуре импортеров российских энергоресурсов. Однако пока их удельный вес в поставках из России превышает показатели стран Европы только по одному виду углеводородов – по поставкам сжиженного природного газа (СПГ). Выявлены различные аспекты диверсификации международного энергетического сотрудничества России на восточном направлении. В статье также приведен обзор важнейших современных целей и задач российской энергетической политики и дипломатии в АТР, а также возникающих проблем на пути их реализации.*

Ключевые слова: Россия; Япония; Китай; Южная Корея; энергетика; энергетическое сотрудничество; доказанные запасы энергоресурсов.

Мищенко Яна Вадимовна – кандидат экономических наук,
старший преподаватель факультета глобальных процессов
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

(МГУ им. М.В. Ломоносова), старший научный сотрудник
Института Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН).
E-mail: yanamischenko@gmail.com

Ya.V. Mishchenko. The Asia Pacific Region in Russia's International Energy Cooperation in the 21st Century

Abstract. *The article presents a comprehensive analysis of today's international energy cooperation which Russia is developing in the Asia-Pacific region. The paper draws on the current and latest official Russian energy strategies – «Energy Strategy of Russia for the period up to 2030» and «Energy strategy of the Russian Federation for the period up to 2035» as well as «Report on the implementation of the Energy Strategy of Russia for the period up to 2030» of 2018. In the focus is the role that the Energy strategy of Russia attaches to the energy cooperation with the Asia-Pacific region within the context of overall country's policy in energy-related matters.*

A critical analysis of the current Energy Strategy of the Russian Federation until 2035 shows that although this document is complex and comprehensive, it focuses mainly on the expansion of sales of Russian hydrocarbons abroad and overlooks the issues of finding ways to prevent the depletion of Russian hydrocarbon reserves, which may begin in the oil sector in about 25 years from now. Drawing on statistical analysis of today's foreign trade relations of Russia in the field of energy, the author identifies its key partners in this area, the countries of Europe and the CIS still being the most important destinations of export of Russian hydrocarbons. At the same time, the Asia Pacific countries are rapidly increasing their share. Still, so far only one type of hydrocarbons in their share of supplies from Russia exceeds the indicators of European countries, this being liquefied natural gas (LNG). Described are various aspects of diversification of Russia's international energy cooperation in the Eastern direction as well as the current goals and objectives of Russian energy policy and diplomacy in the Asia-Pacific region.

Keywords: *Russia; Japan; China; South Korea; energy; energy cooperation; proved energy reserves.*

Mishchenko Yana Vadimovna – Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer, Faculty of Global Studies
of Lomonosov Moscow State University (MSU); Senior Researcher,
Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy
of Sciences (IFES RAS), Moscow. E-mail: yanamischenko@gmail.com

Введение

Спрос на энергоресурсы многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона в XXI столетии неуклонно возрастает, некоторые страны из нетто-экспортеров топлива трансформируются в нетто-импортеров (например, Китай). Несоответствие предложения энергоресурсов спросу на них может стать одной из серьезных проблем и факторов осложнения энергетической ситуации

в АТР. Внутри региона остается все меньше стран, которые могли бы обеспечивать растущие потребности в энергетическом сырье и продукции другие государства региона, масштабный импорт энергоресурсов с Ближнего Востока традиционно вызывает опасения (в частности, у Японии) после энергетических кризисов 1970-х годов. Эти опасения адресованы также к гарантиям безопасности маршрутов транспортировки энергоносителей из Ближнего Востока в страны АТР. В этой ситуации энергетическое сотрудничество с географически близко расположенной Россией, в частности энергопоставки из месторождений российского Дальнего Востока и Сибири, представляются реалистичным решением возможных энергетических затруднений АТР. Факторы, обуславливающие взаимодополняемость сторон в этой области, – географическая близость, богатые энергосырьевые запасы России¹ и высокий уровень спроса на энергоресурсы в странах АТР – все это делает сотрудничество в сфере энергетики потенциально выгодным и перспективным. Россия также заинтересована в расширении энергетических связей с государствами АТР. Это утверждение подтверждается анализом официальных правительственных документов, касающихся развития отечественной энергетики.

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2030 г. и до 2035 г.: Место и роль стран АТР в развитии внешнего энергетического сотрудничества

Для определения степени заинтересованности России в наращивании энергетического сотрудничества со странами АТР проанализируем два наиболее актуальных официальных документа в области энергетики Российской Федерации: «Энергетическую стратегию РФ на период до 2030 г.» и «Энергетическую стратегию РФ на период до 2035 г.».

В первом документе зафиксированы следующие важные аспекты и задачи.

1. Планы диверсификации структуры энергетического экспорта, повышение в ней удельного веса продукции с более высокой добавленной стоимостью (продукты нефте- и газохимии, нефтепереработки, СПГ, электроэнергия).

2. Намерение диверсифицировать географию экспорта энергоносителей, «разбавив» традиционное западное направление энергетическими рынками стран АТР (Япония, Южная Корея, КНР и другие страны), увеличить долю

1. Причем значительные запасы российских энергоресурсов сконцентрированы в Сибири (например, 64% угольных ресурсов) и на Дальнем Востоке (30% угольных ресурсов; суммарно в Сибири и на Дальнем Востоке до 95% пригодного для освоения урана), т.е. в непосредственной транспортно-логистической близости от азиатских стран АТР.

нефти на восточном направлении экспорта нефти и нефтепродуктов с 6 до 22–25%, природного газа – с 0 до 19–20%;

3. Строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан (ВСТО) с пропускной способностью 80 млн т нефти в год.

4. В стратегии развития газовой промышленности до 2030 г. планируется формирование и расширение Сахалинского центра газодобычи на базе шельфовых месторождений «Сахалин-1» и «Сахалин-2» и разработки проектов «Сахалин-4,5,6». Будет проектироваться система газопроводов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке для осуществления поставок газа в страны АТР, прежде всего в Южную Корею и Китай, с возможным подключением к единой системе газоснабжения при экономической эффективности данных действий.

5. Расширение транспортировки СПГ в АТР. Россия, осуществляя экспорт газа преимущественно на основе долгосрочных контрактов, стремится сохранить объем поставок на европейские рынки и увеличить в разы экспорт в восточном направлении (Китай, Япония, Республика Корея). На базе завода по производству сжиженного природного газа на о. Сахалин начнется экспорт российского СПГ в страны АТР.

Можно сделать вывод, что восточный вектор (государства АТР) является одной из приоритетных современных задач диверсификации направлений российского энергетического сотрудничества – в Энергетической стратегии–2030 это отчетливо прослеживается.

Второй этап реализации данной Энергостратегии охватывает период 2016–2022 гг. О том, насколько к концу 2018 г. удалось выполнить поставленные в этом документе задачи, можно судить по Докладу о реализации Энергетической стратегии России на период до 2030 г. по итогам 2018 г. Так, в этом документе отмечается, что «доля стран Азиатско-Тихоокеанского региона в структуре российского экспорта (энергоносителей) составила 8,9% (7%). Целевое значение первого этапа 11–12% и второго этапа 16–17% не достигнуто, однако наблюдается в целом положительная динамика данного индикатора».

Доля СПГ (который экспортируется Россией на восточном направлении) в структуре экспорта составила на конец 2018 г. 10,8% (7%). Этот показатель находится в границах целевого диапазона второго этапа (10–11%), таким образом, динамика положительная [Доклад о реализации 2018, с. 9].

Подтверждены планы расширения трубопроводной системы ВСТО на участке «Тайшет – Сковородино» до 80 млн т в год и на участке «Сковородино – порт Козьмино» до 50 млн т в год для обеспечения российских НПЗ и экспорта нефти в Китай [Доклад о реализации 2018, с. 37].

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. разрабатывалась уже в период активного действия «санкционной войны»

между странами Запада и Россией, и эти новые реалии нашли свое определенное отражение в этом документе. В частности, в нем ставится задача обеспечить недискриминационный и благоприятный режим деятельности российских энергетических компаний на мировых рынках. Помимо этого в документе нашла свое отражение значимость евразийской интеграции в проекции на энергетическую сферу. В Энергостратегии отмечается, что необходимо формирование общих рынков энергоносителей Евразийского экономического союза с общими принципами регулирования энергетики, обеспечивающими свободное движение энергоносителей, энергетических услуг и технологий, а также инвестиций в энергетический сектор, нужна также интеграция электроэнергетики в Едином экономическом пространстве ЕАЭС [Энергетическая стратегия 2035, с. 27, 48]. Помимо этого упоминается важность развития энергетической деятельности РФ в Арктике.

Энергетическая стратегия до 2035 г. ставит конкретные задачи относительно развития сотрудничества со странами АТР. Так, отмечается, что для развития угольной отрасли необходимо сохранение достигнутого уровня и, при возможности, значимое увеличение экспорта угля более чем на треть, прежде всего в страны АТР. Впрочем, на этом направлении уже есть конкретные успехи: если внутреннее потребление угля с 2008 г. сократилось на 10%, то его экспорт увеличился в 1,7 раз. Осуществлен выход на новые рынки стран АТР, особенно существенный на рынки Китая, а также в Индию и Малайзию [Энергетическая стратегия 2035, с. 24, 25].

В сфере природного газа отмечается необходимость диверсификации его экспорта, в том числе на основе увеличения производства СПГ в 5 и более раз (с 14 до 74 млрд м³), и увеличение поставок газа, в том числе СПГ, на рынок АТР в 8–9 раз (с 14 до 128 млрд м³). В документе уточняется, что на мировом рынке газа общая тенденция переноса центра потребления энергоресурсов (и вообще экономического роста) в АТР проявляется еще сильнее, чем на рынке нефти. Если Европа идет по пути снижения потребления углеводородов и обретения максимально возможной энергетической независимости за счет диверсификации источников поставок и развития возобновляемой энергетики, страны АТР охвачены волной новой индустриализации и увеличивают спрос на энергоресурсы [Энергетическая стратегия 2035, с. 21]. Этой тенденцией и намерена воспользоваться в ближайшие годы Россия, нарастив экспорт своего природного газа и других энергоресурсов на восточном направлении. Энергостратегия–2035 в контексте взаимодействия со странами АТР отмечает следующее: «В обозримой перспективе растущим рынком нефти и природного газа, в том числе в виде СПГ, будут страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Это открывает новые возможности для российского ТЭК, но требует больших инвестиций в развитие соответствующей энерготранспортной

инфраструктуры. При этом спрос на быстрорастущем рынке АТР создает возможность увеличить к 2035 г. экспорт нефти из Российской Федерации в этом направлении в 1,8–2,2 раза, а природного газа – в 8–9 раз. В прогнозном периоде в условиях серьезной конкурентной борьбы окажутся на внешних рынках и отдельные виды российских нефтепродуктов. В частности, на сокращающемся европейском рынке многократно уменьшится потребность в российском мазуте. А на Азиатско-Тихоокеанском рынке нефтепродуктов российская рыночная ниша в рассматриваемый период останется незначительной. Перспективный китайский рынок уже к 2018–2020 гг. сможет полностью покрыть потребность в топливе и существенно снизить импорт сырья для нефтехимии за счет собственных НПЗ. Дополнительное давление на рынках нефтепродуктов Азии окажут значительные свободные (учитывая снижающийся спрос на нефтепродукты в развитых странах Азии) перерабатывающие мощности на территории Японии, Южной Кореи и других стран АТР» [Энергетическая стратегия 2035, с. 8, 9]. В целом, что касается нефтяной отрасли, то Энергостратегия–2035 ставит целью увеличить объемы и диверсификацию внешних и внутренних поставок жидких углеводородов, в том числе увеличить в 2 раза поставки нефти на рынки АТР (с 51 до 110 млн т) [Энергетическая стратегия 2035, с. 17].

В документе оцениваются риски, с которыми страна сталкивается и будет сталкиваться в энергетической сфере, и формулируется стратегия развития в условиях обозначенных вызовов и угроз: «Энергетический сектор России сталкивается с рядом вызовов и угроз. Перспективы наращивания энергетического экспорта на европейском направлении сужаются по причине ограниченного спроса, а возможный прирост на азиатском направлении ограничен вследствие недостаточности экспортной инфраструктуры и необходимости масштабных инвестиций в ее развитие. Возникшие при девальвации рубля в 2014 г. конкурентные преимущества российских энергоресурсов нивелируются в течение нескольких лет за счет высокой стоимости капитала и ограничений доступа к внешним инвестициям и технологиям. Все это требует радикального повышения гибкости экспортной политики, продуктовой и географической диверсификации поставок и, главное, существенного снижения издержек российских компаний.

Тем не менее некоторые изменения на мировых энергетических рынках создают для России и новые возможности. В частности, рост энергопотребления в развивающихся странах Азии в сочетании с выходом их на пределы собственной добычи угля может привести после 2025 г. к значительному росту их потребности в импорте энергоресурсов – в первую очередь природного газа и угля, а также создаст дополнительное повышательное давление на цены» [Энергетическая стратегия 2035, с. 9].

Таким образом, Энергостратегия–2035 весьма сильно фокусируется на поиске новых возможностей для сбыта российских энергоносителей на мировых рынках, ставя при этом задачу диверсификации географической структуры экспорта российского энергетического экспорта с существенным ростом доли рынка стран АТР. В числе приоритетов государственной энергетической политики обозначается, в том числе, развитие энергетической инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока, обеспечивающее ускоренный рост российской экономики и увеличение экспорта энергоносителей в страны АТР [Энергетическая стратегия 2035, с. 14].

Так как это не первая принятая на государственном уровне Энергостратегия, то она ставит целью работать в обозначенных направлениях, в том числе в АТР, не «с нуля», а на основании уже достигнутых по итогам предыдущих лет результатов. В частности, подытоживается, что уже введены в эксплуатацию первая и вторая очереди трубопроводной системы ВСТО (до порта Козьмино), нефтепровод «Сковородино – Мохэ – Дацин» (в КНР) [Энергетическая стратегия 2035, с. 16].

Геополитика трубопроводов и соединений энергосистем на восточном направлении

Все больше современных энергетических инфраструктурных проектов России ориентированы на азиатские страны АТР. Масштабный проект строительства трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) проектируется таким образом, чтобы обеспечить доступ российским энергоносителям на энергетические рынки стран Азии. Нефтепровод ВСТО соединяет нефтяные месторождения Западной и Восточной Сибири с тихоокеанским портом Козьмино, имеет ответвление в районе Сковородино до китайского Дацина. В начале 2000-х годов Япония и Китай конкурировали, лоббируя наиболее выгодный для себя маршрут этого нефтепровода. Некоторые японские бизнесмены – представители участвующих в российских энергетических проектах японских холдингов и торговых домов отмечали, что в этой «гонке лобби» Япония посчитала издержки для себя слишком высокими и перестала претендовать на строительство дополнительной ветки ВСТО в сторону Японии. Тем не менее это не исключает закупок Японией нефти, отгружаемой с терминала Козьмино. Россия также не стремится ориентировать весь проект исключительно на китайских потребителей: целесообразно иметь в АТР не одного основного покупателя энергоносителей, а диверсифицированную, хорошо сбалансированную корзину покупателей. Тогда Россия сможет не только полномасштабно выйти на энергетические рынки АТР, но также стабильно закрепиться на них.

Россия также выказывала заинтересованность к созданию соединений энергосистем с Японией. Например, в начале 2000-х годов российское правительство предлагало Японии организовать передачу электроэнергии посредством строительства энергомоста Хабаровский край – Сахалин – Япония с прокладкой подводного кабеля. Глава РАО ЕЭС предложил японской стороне план строительства на Сахалине двух электростанций, работающих на сжигании угля и природного газа, электроэнергия с которых направлялась бы в Японию по проложенному по морскому дну кабелю. Проект «Энергомост» оценивался примерно в 12 млрд долл. Причем, по предварительным расчетам, сахалинская электроэнергия была бы в 3 раза дешевле, чем производимая на территории Японии [Zaitsev 2000, p. 45]. Существование подобного энергомоста на момент аварии на АЭС «Фукусима-1», когда в стране были заглушены практически все действующие станции (вклад которых в национальную электрогенерацию составлял порядка трети), могло бы смягчить проблему дефицита электроэнергии в Японии. России такой проект тоже выгоден, так как привлек бы значительные капиталовложения. Сфера и регион приложения этих инвестиций – энергетическая отрасль Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это подразумевает получение доступа к передовым японским энергетическим технологиям, поставки современного оборудования, обучение кадров и передачу управленческого опыта, что способствовало бы общей модернизации отечественной энергетики. Кроме того, были бы созданы дополнительные рабочие места в энергетике и строительстве сопутствующих инфраструктурных объектов в восточных регионах России.

Однако Япония и после аварии на «Фукусиме» в ситуации остро обозначившей себя энергетической уязвимости не стала возвращаться к рассмотрению данного проекта. Вероятно, это в значительной степени объясняется тем, что все электроснабжение страны осуществляется в каждом регионе своим частным региональным оператором электрогенерирующих мощностей, следовательно, обеспечение электричеством каждого региона фактически имеет своего рода замкнутую структуру – региональная компания-оператор осуществляет производство электроэнергии и, по сути, ответственна за ее передачу, распределение и поставку конечному потребителю. Ввиду такой системы организации электроснабжения в Японии сформировались определенные технические особенности снабжения регионов электроэнергией. Так, разные регионы работают на разной промышленной частоте тока. На практике это означает, что в случае возникновения дефицита электроэнергии в одном регионе (как случилось в 2011 г. после аварии на АЭС «Фукусима-1») другим регионам может оказаться затруднительно организовать быстрый переброс недостающих объемов электричества из-за своего рода технической несовместимости и некомплементарности ЛЭП. Таким образом, энергомост, протянутый из России на самый северный японский остров Хоккайдо, на практике

не окажет заметного содействия в перебросе и распределении российской электроэнергии по всей стране, на центральный остров Хонсю, который пострадал от приостановки атомных мощностей и где расположен основной «индустриальный пояс» страны.

Упомянем еще несколько предложенных проектов прокладки трубопроводов, по которым российские энергоресурсы в перспективе могут поступать на рынки АТР. Это линия «Ямал – Китай»², к которой при достижении определенных соглашений предпочтительным и возможным считается присоединение Японии и Южной Кореи (с пролонгацией маршрута). Также это проект «Саха – газ», подразумевающий прокладку газопровода из Якутии в Южную Корею. Согласно оценкам экспертов, ежегодно Якутия может поставлять в Корею до 45 млрд м³ природного газа. Также следует назвать трубопровод «Ковыкта – Китай». В конце 1990-х – начале 2000-х годов газу с ковыктинского месторождения прочили следующее применение на азиатских рынках: на китайском побережье построить терминал для сжижения его и дальнейших поставок в Южную Корею, Японию, на Тайвань; проложить подводный трубопровод в Южную Корею.

Корейское направление прокладки трубопроводов давно интересует Россию. Однако Южная Корея не спешит согласовывать маршрут газопровода по территории КНДР, и стороны рассматривают альтернативный морской маршрут. Отметим, что строительство морского газопровода может быть более дорогостоящим проектом. Тем не менее Россия хотела бы поставлять газ в Южную Корею не только танкерами, но также через трубопровод. Во-первых, потому что Южная Корея – крупный потребитель природного газа, характеризующийся высоким спросом на этот энергоноситель. Во-вторых, потому что в АТР установились привлекательные цены на природный газ (выше, чем в Европе), однако в соответствии с ранее заключенными контрактами Россия поставляет СПГ в Южную Корею дешевле, чем это представляется возможным в нынешней рыночной конъюнктуре. Запуск газа по трубопроводу позволил бы пересмотреть цены поставок в выгодную для России сторону. Южная Корея, вероятнее всего, заинтересована в увеличении импорта российского природного газа. По мнению американского ученого Кента Калдера, энергетический рынок корейского полуострова обладает значительным потенциалом расширения использования этого вида топлива, привлекательного с точки зрения эффективности использования и незначительного воздействия на экологию. Так, в 2005 г. только 12% первичных

2. Газпром на саммите АТЭС в 1998 г. объявил о планах строительства газопровода, соединяющего Сибирь и китайский Шанхай (линия Ямал – Томск – Барнаул – Урумчи – Шанхай протяженностью около 7100 км). Также был предложен альтернативный маршрут через Иркутск.

энергоресурсов Кореи составлял газ (для сравнения – 21% в Германии, 26% – в США) [Calder 2005, p. 31]. Поэтому для обеих Корей представляется весьма логичным импортировать газ из близрасположенной России.

Наконец проектируются линии передачи электроэнергии (пока не с Японией, но с другими странами АТР), подразумевающие использование потенциала российской гидроэнергетики. Китай, с 1992 г. импортирующий электроэнергию из граничащего Амурского региона, в конце 1990-х годов изучал маршрут прокладки специального кабеля, по которому произведенная на российских ГЭС электроэнергия передавалась бы в Китай. Рассматривались альтернативные маршруты через Монголию. Одним из рассматриваемых проектов стала линия «Братск – северо-восток Китая» [Zaitsev 2000, p. 49].

Современные объемы торговли российскими энергоресурсами в АТР

Возможности внешней торговли российскими энергоресурсами определяются, прежде всего, их запасами на территории страны (см. табл. 1).

Таблица 1

ДОКАЗАННЫЕ ЗАПАСЫ УГЛЕВОДОРОДОВ В РОССИИ, 2018 г.

	<i>Объем</i>	<i>Доля в общемировых запасах, %</i>	<i>Коэффициент кратности запасов (R/P ratio), количество лет</i>
Нефть	106,2 млрд баррелей / 14,6 млрд т	6,1	25,4
Природный газ	38,9 трлн м ³	19,8	58,2
Уголь	160 364 млн т (включая 69 634 млн т антрацитного и битуминозного угля и 90 730 млн т суббиту- минозного и бурого угля)	15,2	364

Составлено по: [BP 2019, p. 14, 30, 42].

Россия – это обладатель значительных (но не самых больших в мире) доказанных запасов нефти. Опережают страну по этому показателю страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия – 17,2% мировых запасов, Иран и Ирак – 9% и 8,5%), Венесуэла (17,5% мировых запасов), Канада (9,7% мировых запасов). Коэффициент кратности запасов показывает, на какое количество лет при существующем уровне добычи хватит той или иной стране имеющихся в ее распоряжении доказанных запасов углеводородного сырья. В 2018 г. этот показатель, рассчитанный по доказанным запасам нефти, составил для России более 25 лет. Это далеко не самый высокий показатель: так, аналогичные расчеты для других государств показывают, что Канаде

имеющихся у нее доказанных запасов нефти хватит более чем на 88 лет, Казахстану – на 42,7, ОАЭ – на 68, Ирану и Ираку – на 90,4 и 87,4, Кувейту – на 91,2, Йемену – на 121,4, Сирии – на 284,8 лет. Впрочем, есть и более тревожные показатели – Индонезии и Малайзии запасов нефти хватит на 10,7 и 12,1 года, Китаю – на 18,7, Норвегии – на 12,8, США – на 11 лет [ВР 2019, р. 14]. Тем не менее следует признать, что если за эти два с половиной десятилетия в нашей стране не будут найдены и разведаны новые нефтяные месторождения или же страна не приступит к добыче, например, сланцевой нефти, то уже при жизни нынешнего и следующего поколений страна может столкнуться с определенным кризисом в данной сфере. Значение этого коэффициента необходимо учитывать, в том числе при планировании внешней торговли производимой в России нефтью и нефтепродуктами.

Россия обладает крупнейшими в мире доказанными запасами природного газа – на нее приходится самая большая доля (почти одна пятая общемировых запасов). Иран и Катар (16,2% и 12,5%) обладают меньшими, но более-менее сопоставимыми объемами запасов; остальные страны, даже богатые природным газом, обладают значительно меньшими его объемами на своих территориях. При этом анализ коэффициента кратности запасов природного газа за 2018 г. показывает, что хватит его нашей стране при существующем уровне добычи на немногим более 58 лет. По сравнению с ситуацией в нефтяной сфере в газовой сфере ситуация выглядит гораздо более благоприятной. Все остальные страны обладают меньшими, чем Россия, доказанными запасами природного газа. Однако межстрановые сопоставления позволяют прийти к тревожным выводам. Так, Венесуэле обладающей 3,2% мировых запасов природного газа, его хватит на 190,7 лет, Азербайджану (1,1% мировой доли) – на 113,6, Туркменистану (9,9% мировых запасов) – на 316,8, Ирану – на 133,3, Ираку – на 273,8, Катару (12,5% мировых запасов) – на 140,7 лет. Однако в газовой сфере показатели России не самые худшие, хуже обстоят дела в США (6% мировых запасов, 14,3 года), в Саудовской Аравии (3% мировых запасов, 52,6 лет), Китае (3,1% мировых запасов, 37,6 лет) [ВР 2019, р. 30].

Статистические данные за 2018 г. показывают, что Россия обладает вторыми в мире по объему крупнейшими доказанными запасами угля после США (23,7% общемировых запасов). По этому показателю она опережает такие угледобывающие страны, как Австралия (14%), Китай (13,2), Индия (9,6%). При нынешнем уровне производства угля России хватит имеющихся у нее запасов на 364 года. Это сопоставимо с прогнозами для США (365 лет), превышает показатели Австралии (304 года), Германии (214), Польши (216), Индии (132), Китая (38 лет). Очевидно, что России хватит угля на весьма долгосрочную перспективу, он извлекается из земных недр достаточно рационально и потребляется относительно умеренно. Вероятно, это связано с тем,

что уголь считается одним из грязнейших источников энергии и его масштабное использование не приветствуется с точки зрения защиты экологии. Разумеется, сейчас разрабатываются чистые угольные технологии, однако даже в работе ТЭЦ многие страны предпочитают переходить на использование природного газа, постепенно отказываясь от угля именно по соображениям минимизации вредных выбросов в атмосферу.

Итак, анализ новейших статистических данных показывает, что Россия является одним из мировых лидеров по объемам доказанных запасов различных углеводородов. Вместе с тем при жизни нынешнего поколения запасы некоторых из них могут начать истощаться. Этот фактор несомненно должен учитываться при формулировании задач внешней торговли энергоносителями, потому что именно доказанные запасы энергоносителей являются основой, формирующей экспортный потенциал российского ТЭК. Между тем в «Энергетической стратегии России на период до 2035 года» – официальном документе, определяющем цели и задачи развития российского ТЭК и энергетической политики страны, заметно мало внимания уделяется проблеме истощения существующих запасов углеводородов. В «Энергетической стратегии–2035» сказано, что «Россия располагает крупнейшей ресурсной базой, способной обеспечить нужды страны и рациональный экспорт топлива, по меньшей мере, до середины XXI века». Исходя из формулировки, «середина XXI века» позиционируется как достаточно длительный срок, хотя на самом деле в масштабах развития целой энергетической отрасли и всей экономики государства срок этот достаточно тревожный. Так как в числе внутренних проблем и ограничений, с которыми может столкнуться энергетика России в указанный период, в документе выделено потенциальное «ухудшение ресурсной базы топливных отраслей по мере истощения действующих месторождений, снижение размеров и качества новых геологических открытий, что увеличивает капиталоемкость освоения сложных и удаленных провинций» [Энергетическая стратегия 2035, с. 6], можно сделать вывод, что в Министерстве энергетики и Правительстве РФ понимают сложившуюся ситуацию. Однако документ, несмотря на всеобъемлющий и комплексный характер, тем не менее не предлагает решений данной проблемы. Ставится задача наращивать экспорт энергоресурсов на мировые, в частности азиатские энергетические рынки, но не приводится обоснование, не истощит ли это еще быстрее доказанные запасы углеводородов в стране, не приведет ли это к расточительной их добычи для масштабной продажи за рубеж. Эти опасения представляются не пустыми. Есть пример КНР, которая в XXI в. из чистого экспортера энергоресурсов постепенно превращается в их импортера. Еще в 1980-е годы снабжавший энергоресурсами соседние страны Восточной Азии Китай (в частности, Японию), теперь сам конкурирует на мировых энергетических рынках за стабильный и долгосрочный доступ к закупкам углеводородов. Не ждет ли

Россию такая же траектория развития национальной энергетики при принятой программе ее развития, в которой основной акцент делается на экспорт энергоресурсов? «Энергостратегия–2035» обходит этот сложный и важнейший вопрос. Однако Китай по мере истощения запасов углеводородов и превращения в импортера энергоресурсов становится второй экономикой мира, обладающей достаточным капиталом, чтобы приобретать недостающие энергоресурсы на мировых энергетических рынках, и передовой технологической базой, чтобы разрабатывать и создавать новые источники энергии (в частности, КНР, в отличие от России, уже сейчас прорабатывает возможность развития сланцевых углеводородов). Экономический же рост и темпы технологической модернизации нашей страны все же несопоставимы с китайской моделью развития и сложно сказать, будем ли мы обладать такими же возможностями в области капитала и технологий, чтобы без вреда для социально-экономического развития возмещать дефицит углеводородов, если он наметится. Следует добавить, что экспортные возможности российского ТЭК неминуемо будут сокращаться.

«Энергостратегия–2035» отмечает, что «большой импульс развитию ТЭК может дать освоение природных ресурсов на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири и создание там ориентированных в основном на экспорт крупных топливных баз». Помимо этого ставится цель «укрепления международного сотрудничества в Арктике, направленного на обеспечение экономически выгодного и экологически безопасного освоения морских нефтегазовых ресурсов региона; развитие Северного морского пути для доставки добываемых в Арктике энергоресурсов на международные рынки» [Энергетическая стратегия 2035, с. 6, 49]. Эти задачи могут рассматриваться как возможные способы решения будущей проблемы истощения имеющихся углеводородных месторождений – через разработку новых, расположенных в восточной части страны и в Арктике, за часть территорий которой Россия еще борется в международных инстанциях. Однако, как видно из приведенных цитат, обе эти задачи увязываются с расширением экспорта углеводородов и не рассматриваются непосредственно в контексте выработки пакета конкретных мер по недопущению истощения углеводородных запасов страны. Таким образом, представляется, что данная сфера остается недостаточно охваченной «Энергостратегией–2035». Действительно, вряд ли имеющиеся запасы истощатся до указанной даты – 2035 г. Однако оставшихся после этой даты пятидесяти лет может оказаться недостаточно для выработки решения проблемы истощения ресурсной базы. Уже сейчас необходимо вырабатывать конкретную стратегию и формулировать меры по предотвращению возможного кризиса в этой важнейшей для страны сфере.

Так как действующая «Энергостратегия–2035» в значительной степени нацелена на наращивание торговли России энергоресурсами, рассмотрим

современную ситуацию на этом направлении и новейшие актуальные тенденции. Статистические данные за 2018 г. по внешней торговле России основными углеводородами представлены в таблице 2.

Таблица 2

ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ УГЛЕВОДОРОДОВ, 2018 г.

<i>Направление экспорта</i>	<i>Сырая нефть, млн т</i>	<i>Нефте- продукты, млн т</i>	<i>Трубопровод- ный газ, млрд м³</i>	<i>СПГ, млрд м³</i>	<i>Уголь, млн т нефтяного эквивалента</i>
Канада	0,2	0,6		0,1	
Мексика		0,1			
США	3,6	14,5 (8,4%)			
Южная и Центральная Америка	3,6	2,1			
Аргентина				0,1	
Бразилия				0,2	
Европа	153,3 (55,5%)	112,5 (65%)	193,8 86,9%)	6,8 (27,3%)	66 (48,5%)
Бельгия				0,8	
Франция			8,9 (4%)	1,5	
Германия			55,3 (24,8%)		
Италия			25,4 (11,4%)		
Испания				0,9	
Нидерланды			7,4 (3,3%)		
Великобритания			4,4 (2%)	1,7	
Остальные страны ЕС			67,1 (30%)	2	
Остальные страны Европы			2,6 (1,2%)		
Турция			22,8 (10,2%)		
Страны СНГ	18,5 (6,7%)	8,9 (5,1%)	29,2 (13%)		2,2
Ближний Вос- ток	1,4	1,3			1,7
Египет				0,3	
Африка		5,2		0,3 (включая Ближний Восток)	2,4
Австралия	0,3				
Китай	71,6 (26%)	2,3		1,3 (5,2%)	17,1 (12,5%)
Тайвань				3,2 (12,9%)	
Индия	2,2	0,6		0,5	2,9
Япония	7	2,1		9,4 (37,8%)	11,7 (8,6%)
Южная Корея				2,6 (10,4%)	17,8 (13%)
Сингапур	1,7	10,5 (6%)			
Таиланд				0,1	
Другие страны АТР	12,3	12,5			12,6 (9,3%)
Пакистан				0,1	
Всего	275,9	173,1	223	24,9	136,2

Составлено по: [BP 2019, p. 28, 41, 47].

Таблица 2 дает комплексное представление о современной ситуации в экспорте российских углеводородов и его основных географических направлениях. По состоянию на конец 2018 г. основными покупателями российской сырой нефти являются страны Европы и Китай (суммарно 81,5%), причем удельный вес европейских стран превалирует (55,5%). Российские нефтепродукты востребованы также значительно больше всего в Европе (65%). Природный газ по трубопроводам из России закупается в основном также странами Европы (86,9%) и странами СНГ (13%), что объясняется имеющимися трубопроводными соединениями. Сжиженный природный газ (СПГ), который, как планировалось, сыграет существенную роль в диверсификации экспорта российских энергоносителей на восточном направлении, безусловно, оправдывает эти надежды (так, 66,3% российского экспорта СПГ в 2018 г. закупили такие страны АТР, как Япония, Южная Корея, Китай, Тайвань), однако и в Европе он тоже нашел спрос (27,3%). Это показывает, что на практике публичные дискуссии, развиваемые западными политиками относительно потенциальной опасности так называемого российского «энергетического шантажа» в адрес Европы и необходимости сокращать высокую долю российских энергоносителей в энергетических корзинах европейских стран, зачастую носят не более чем популистский характер и на практике. Россия не так давно – порядка десятилетия назад – вышла на мировые рынки с новым для себя видом энергетической продукции, СПГ, страны Европы оказались готовы закупать и его тоже. Так же дело обстоит с экспортом российского угля: 48,5% всех поставок его на внешние рынки закупают страны Европы, 43,4% – страны АТР. Здесь России удалось добиться практически оптимально сбалансированного экспорта на западном и восточном направлениях. Во многом на это повлияла целенаправленная стратегия переориентации рынков отечественных угольных компаний. Так, угольный и металлургический гигант «Мечел» планирует направлять в Азию до 70% своего экспорта. Основным азиатским покупателем угля станет, скорее всего, Китай, который становится крупнейшим мировым импортером коксующегося угля, перевозимого по морю, опережая в этом Японию. Запуск железной дороги между Россией и китайской провинцией Дзилин в 2013 г. упрощает транспортировку. Так, из 8,3 млн т угля (экспорт «Мечела» в Азию в 2013 г.) 6,5 млн т направлено в Китай [Мечел 2013]. Тем не менее Япония остается перспективным партнером в области продаж и маркетинга угля, реализации инвестиционных проектов. Это подтверждает подписанный еще в 2009 г. меморандум о сотрудничестве между «Мечелом» и японской Mitsui & Co [Мечел 2009]. Китай, Япония и Южная Корея – основные азиатские рынки сбыта угля этого предприятия. Это также вектор движения экспорта российской угольной индустрии, так как на традиционных европейских рынках усиливается конкуренция со стороны американских экспортеров угля.

Исходя из проведенного сопоставительного анализа новейших статистических данных, актуальных на конец 2018 г., можно сделать вывод, что страны Европы остаются важнейшими покупателями российских энергоносителей – причем это касается всех поставляемых Россией на внешний рынок углеводородов. Минимальная доля Европы в их закупках приходится на СПГ, то и она составляет практически одну треть. Страны АТР не закупают российский трубопроводный природный газ вовсе, однако стали активными и значительными потребителями российского СПГ, активно закупают российский уголь (даже такие угледобывающие страны, как Китай), заинтересованы в доступе к российской нефти.

Выводы

В XXI в. Россия последовательно реализует стратегическую задачу выхода и закрепления на энергетических рынках стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Это представляется целесообразным и выгодным экономически ввиду их растущего энергопотребления и увеличивающегося спроса, который азиатские страны предъявляют в мире на энергоресурсы. Особенно данное утверждение актуально для государств Северо-Восточной Азии: Японии, Китая, Южной Кореи. Эти государства располагают большими финансовыми ресурсами и являются крупными импортерами энергоресурсов на мировых рынках, поэтому наращивание энергетической торговли с Россией, ищущей дополнительные рынки сбыта, представляется взаимовыгодным и комплементарным. Помимо этого, расширение торговли энергоресурсами именно со странами АТР дает новые стимулы для модернизации и технологического обновления российского ТЭК. Так, необходимость поставлять в Японию природный газ только в сжиженной форме предопределила передачу Японией в Россию технологий сжижения природного газа в 2009 г. в рамках крупного энергетического проекта.

Вместе с тем можно сказать, что в XXI в. (особенно в его первой декаде), и для России и для стран АТР налаживание, точнее расширение, сотрудничества в сфере энергетики воспринималось скорее как некий «задел на будущее», учитывая, что у каждой из сторон есть собственный круг поставщиков (например, Япония традиционно закупает нефть в странах Ближнего Востока, а природный газ – в Австралии, Малайзии и Индонезии; что касается России, то, как было показано в статье, основными покупателями ее энергоресурсов десятилетиями остаются страны Европы).

Однако к концу второй декады XXI в. российско-азиатская торговля энергетическими ресурсами из категории «задела на будущее» уверенно переходит в категорию полноправного и обширного партнерства. Так, доля экспорта российского угля в АТР всего на несколько процентов меньше доли

поставок этого энергоносителя в страны Европы; по объему торговли СПГ страны АТР значительно перевешивают европейские страны в корзине покупателей российского газа.

Анализ официальных стратегий развития российского ТЭК показал, что восточное направление вплоть до 2035 г. (вероятно, и впоследствии) останется важнейшим направлением внешнего энергетического сотрудничества России. Страна намерена последовательно расширять объемы энергетического экспорта в АТР и заинтересована в получении инвестиций из стран региона в свои энергетические проекты. Однако данный документ оставил без ответов серьезные вопросы, которые требуют пристального внимания властей, формулирующих энергетическую политику России, – в частности вопрос о том, не приведет ли энергетический экспорт к чрезмерно расточительной добыче национальных энергоресурсов и еще более скорому их исчерпанию. Энергетическая стратегия на период до 2035 г. не содержит конкретно сформулированных мер, которые предлагается реализовать для того, чтобы избежать кризиса в энергетическом секторе России в течение ближайших десятилетий.

Библиография

Доклад о реализации Энергетической стратегии России на период до 2030 года по итогам 2018 года // Министерство энергетики Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 29.07.2019.)

«Мечел» объявляет о подписании меморандума о сотрудничестве с Mitsui & Co // Мечел. 2009. 10.08. URL: http://www.mechel.ru/press/press?rid=25062&oo=1&fnid=68&newWin=0&a_page=14&nm=106978&fxsl=view.xsl (Дата обращения: 30.08.2019.)

Энергетическая стратегия России на период до 2030 года // Министерство энергетики Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 02.09.2019.)

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года // Министерство энергетики Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/ES-2035_09_2015.pdf (Дата обращения: 29.07.2019.)

BP Statistical Review of World Energy 2019. 2019. 62 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (Date of access: 23.08.2019.)

Calder Kent E. Energy and Regional Cooperation in Northeast Asia // Regionalism in Northeast Asia: Opportunities and Challenges. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2005. 135 p.

Zaitsev V. The Northeast Asia Energy and Environmental Cooperation: Russian Approach // NIRA research output. 2000. Vol. 13. No. 1. 62 p.

References

BP Statistical Review of World Energy 2019. 2019. 62 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf> (Date of access: 23.08.2019.)

Calder Kent E. Energy and Regional Cooperation in Northeast Asia. Regionalism in Northeast Asia: Opportunities and Challenges. Sejong: Korea Institute for International Economic Policy, 2005. 135 p.

Energy Strategy of Russia until 2030. Ministry of Energy of the Russian Federation. Official website. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Date of access: 02.09.2019.) (In Russ.)

Energy Strategy of the Russian Federation for the Period until 2035. Ministry of Energy of the Russian Federation. Official website. URL: http://www.energystrategy.ru/ab_ins/source/ES-2035_09_2015.pdf (Date of access: 29.07.2019.) (In Russ.)

«Mechel» announces the signing of a memorandum of cooperation with Mitsui & Co. 2009. 10.08. URL: <http://www.mechel.ru/press/press?rid=25062&oo=1&fnid=68&newWin=0&apage=14&nm=106978&fxsl=view.xsl> (Date of access: 30.08.2019.) (In Russ.)

Report on the implementation of the Energy Strategy of Russia for the period up to 2030 following the results of 2018. Ministry of Energy of the Russian Federation. Official website. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Date of access: 29.07.2019.) (In Russ.)

Zaitsev V. The Northeast Asia Energy and Environmental Cooperation: Russian Approach. NIRA research output. 2000. Vol. 13. No. 1. 62 p.

И.И. Болотина, А.А. Лаврикова

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

***Аннотация.** В последние десятилетия состояние институтов репрезентативной демократии во многих государствах Европы характеризуется как кризисное. Об этом свидетельствуют падение уровня доверия к институтам выборов и политическим партиям, уменьшение значимости парламентских структур на фоне усиления исполнительной власти. В современных научных и публицистических работах все чаще подвергается сомнению адекватность принципов демократии внутреннему устройству обществ (прежде всего, западных).*

Как показывает опыт, многие государства, относящиеся к разряду демократических, стремятся сформировать единые системы принятия и реализации авторитетных решений, обязательных для исполнения всеми. Эти структуры носят вертикальный характер, а их решения навязываются как отдельным гражданам, так и группам граждан. Кроме того, постоянно изменяются характеристики социума, и вектор этих трансформаций отнюдь не способствует развитию демократии.

Вместе с тем взаимодействие политических элит без активного привлечения сил и поддержки рядовых граждан чревато снижением эффективности функционирования механизма согласования и обеспечения баланса интересов государства, общества и личности, что ставит на повестку дня вопрос о респонсивности власти и стабильности политических систем в целом. Подтверждением этого являются следующие события в европейских странах: референдум для поддержания сецессии в Шотландии (2014) и Каталонии (2017), выступления против мигрантов в Германии (2018), акции протеста «желтых жилетов» во Франции (2018) и др.

Таким образом, актуализируется проблема поиска новых форматов политического участия, причем не столько с точки зрения роста массовости, сколько с позиции обеспечения его качества. Ответ на поставленный вопрос во многом зависит от определения основных тенденций развития пространства политического участия как в национальном (локальном) контексте, так и в региональном (в нашем случае европейском).

Ключевые слова: политическое участие; политические практики; распределение социальных благ; кризис демократических институтов; центробежные тенденции политического развития; центростремительные тенденции политического развития.

Лаврикова Анастасия Александровна – кандидат политических наук,
заместитель директора Института гуманитарных
и социальных наук, доцент кафедры социологии и политологии
(Тульский государственный университет), Тула.
E-mail: elav@mail.ru

Болотина Инна Ивановна – аспирант кафедры социологии
и политологии (Тульский государственный университет), Тула.
E-mail: innok1706@mail.ru

I.I. Bolotina, A.A. Lavrikova. Modern Trends in Citizens' Participation in the Political Life of European Countries

Abstract. *In recent decades, the state of institutions of representative democracy in many European countries is often characterized as a deepening crisis. This manifests itself in a drop in the level of people's trust in electoral institutions and political parties, a decrease in the importance of parliamentary structures, this unfolding against the background of strengthening of the executive branch of political systems. As a result, in modern political science and journalism, the adequacy of the basic principles of democracy to the internal structure of societies (first of all, the Western ones) is increasingly being questioned.*

Experience has shown that many states belonging to the category of democracies strive to form uniformed systems for the adoption and implementation of authoritative decisions binding on all. These structures are vertical in nature, and their decisions are imposed on both individual citizens and groups of citizens. Besides, the characteristics of society are constantly changing, and the vector of these transformations does not necessarily contribute to the development of democracy.

Thus it can be argued that interactions between elites without involvement of ordinary citizens in the political processes is fraught with a decreasing efficiency of political systems and never provides a proper balance of interests between the state, society and individuals. Such events in the European countries as the referendum favoring secession of Scotland (2014) and Catalonia (2017), reactions against migrants in Germany (2018) and the «yellow vests» movement in France (2018–2019) are the best evidence of that.

The problem of defining new formats for political participation is therefore becoming ever more important, not so much in terms of numbers of citizens involved as in terms of quality, the main task being identification of the basic trends of political participation both at the national (local) and regional (in our case European) levels.

Keywords: *political participation; political practices; the distribution of social benefits; the crisis of democratic institutions; centrifugal tendencies of political development; centripetal tendencies of political development.*

Lavrikova Anastasia Aleksandrovna – Candidate of Political Sciences,
Deputy Director of the Institute of Humanities
and Social Sciences, Associate Professor of the Department
of Sociology and Political Science (Tula State University), Tula.
E-mail: elav@mail.ru

**Bolotina Inna Ivanovna – Postgraduate Student,
Department of Sociology and Political Science
(Tula State University), Tula. E-mail: innok1706@mail.ru**

Исследование специфики политического участия в межстрановом ракурсе представляется непростой задачей, что во многом обусловлено фрагментарностью изучения этого феномена. Довольно большой массив информации нуждается в упорядочении и сведении ее к умозрительной модели, которую условно можно обозначить политической ареной. Однако выстраивание таких моделей возможно при выявлении узловых причин, побуждающих социально-политические сегменты ориентироваться на определенный вид политического участия.

Эмпирической основой работы послужили материалы проекта «Европейское социальное исследование» (исследовательские волны за 2012, 2014 и 2016 гг.). Данный мониторинг представляет интерес не только в связи с большим страновым охватом, но и благодаря процедуре организации: базовый модуль вопросов, методов построения выборки, сбора и обработки данных остается неизменным, что в совокупности облегчает задачу изучения тех или иных тенденций развития различных политических процессов, в том числе и связанных с политическим участием. В качестве значимых тематических блоков мы обозначили следующие: «Интерес к политике, политическая компетентность» и «Политическое участие и политические предпочтения». В связи с тем, что количество стран – участниц исследования колеблется от 25 до 30, а общее число опрошенных составляет более 14 тыс. человек, анализ столь большого массива данных предполагает особый набор статистических методов обработки информации – процедур факторного, кластерного и индексологического анализа данных.

Первый метод обладает большим эвристическим потенциалом при ответе на вопрос о том, что лежит в основе выбора субъектом конкретной практики политического участия. Так, опросник «Европейского социального исследования» содержал указание на такие составляющие репертуара политического участия как: «подписание петиций, обращений и открытых писем», «ношение или вывешивание символики политической, социальной или иной акции», «принятие участия в работе общественной организации», «отказ от покупки или потребления товаров, чтобы выразить свой протест», «публикация и распространение в Интернете материалов о политике», «обращение к конкретному политику, общенациональным или местным органам власти», «оказание помощи в работе политической партии, группы, движения», «принятие участия в разрешенных демонстрациях». Все перечисленные выше позиции представлены в инструментарии как однопорядковые, однако очевидна их дифференциация по параметрам «ресурсообеспеченности», «анонимности» или «реши-

мости открыто заявлять о своей позиции», «ориентации на политические институты», «приверженности идеологии» и т.д. Факторный анализ из общего перечня оснований позволил выбрать наиболее «нагруженные», оказывающие решающее влияние на выбор траектории политического участия (процедура проведения осуществлялась при использовании метода главных компонент).

Стоит отметить, что проведение факторного анализа реализовывалось с использованием двух типов вращений. Метод варимакс является базовым, он позволяет уменьшить число переменных с высокими нагрузками на каждый фактор. На втором этапе в качестве эксперимента был применен метод квартимакс, который действует в обратном направлении: минимизирует число факторов, необходимых для объяснения каждой переменной. Комбинация этих методов вращений приводит к осуществлению двух исследовательских задач: сначала мы отбираем переменные, которые сильнее всего коррелируют друг с другом, затем определяем факторы найденной зависимости, а в заключение – вычленим из найденных факторов наиболее весомые.

Факторный анализ позволяет найти узловые элементы, объясняющие взаимозависимость переменных «практика политического участия» и «субъект политического участия». Однако возможности анализа ограничены при выявлении групп населения, которые склонны подвергаться воздействию какого-либо фактора, а значит – отдавать предпочтение определенному варианту политического участия. Решение вопроса представляется возможным при комплексном применении факторного и кластерного анализов.

В начале исследования было выдвинуто несколько научных предположений, связанных со взаимозависимостью репертуара политического участия с уровнем дохода и уровнем образования, а также влиянием нескольких факторов на специфику проявления политического участия в национальном контексте. Метод кластерного анализа позволил выстроить некое гомогенное «социальное подмножество» индивидов: в нашем случае такими подмножествами стали социальные группы, разделяемые по признакам «страна проживания», «уровень дохода», «уровень образования». Далее проводилась оценка востребованности среди выделенных сегментов различных групп политических практик.

Для составления динамических рядов и выделения тенденций развития пространства политического участия использовался расчет индексов как разность суммы положительных ответов на соответствующие вопросы инструментария к отрицательным. Например, для расчета индексологического значения участия в различных политических практиках использовалось распределение ответов на вопрос: «Принимали участие в...?» (индекс определялся как разница положительных («да») и отрицательных («нет») ответов).

Комплексное использование указанных процедур позволило выявить существующие в европейских социумах тенденции развития пространства политического участия, тем более что сама проблема вовлечения населения

в политический процесс является актуальной не только для российского и других трансформирующихся обществ, но и для стран Европы, относящихся к числу «старых» демократий.

Обратимся к полученным выводам. При рассмотрении вопроса мы исходили из следующих тезисов. Во-первых, общее направление тенденции развития политического участия определяется равнодействующими различных траекторий непрофессиональной деятельности граждан, реализуемых в конкретном национальном контексте, индикатором чего является состояние и взаимодействие представленных в социуме арен политического участия, как относительно автономных областей, в рамках которых объединены специфические политические практики (и соответствующие им нормы поведения) и происходят основные взаимодействия (кооперация / конкуренция) субъектов. Во-вторых, наличие собственной ритмики (повторяемости) у ряда политических практик позволяет им выступать в качестве системообразующих при возникновении / институционализации арен политического участия, а высокий уровень цикличности обеспечивает их влияние на функционирование и альтернативные арены. В-третьих, о высоком риске возникновения конфликтов в пространстве политического участия свидетельствует: а) отсутствие комплементарности в воспроизводстве арен политического участия / политических практик в рамках одной арены; б) невостребованность существующих арен политического участия, особенно на фоне возникновения новых политических практик; в) несоответствие в оценках внутренней и внешней результативности политического участия.

Индексологический анализ материалов мониторинга показал, что основу репертуара политического участия во всех странах Европы составляет электоральная компонента: участие в голосовании выступает самой востребованной политической практикой (средний индекс электорального участия в 2016 г. составил 50,4), в то время как в другие форматы политических действий включено ограниченное число граждан (все индексологические показатели имеют отрицательные значения).

Вместе с тем имеет место некоторая национальная специфика в характеристиках электорального участия. Так, наиболее устойчивые и объемные сегменты граждан, вовлеченных в электоральный процесс, сложились в Бельгии (И = 72) и Швеции (И = 82), несколько меньше число голосующих в остальных странах Северной Европы и Германии (показатели индекса колеблются от 60 до 70). Самые низкие индексологические значения явки на выборы наблюдались в 2016 г. в Эстонии (И = 13), в 2016 г. в Чехии (И = 14) и России (И = 11), кроме того, показатели в последних двух странах весьма нестабильны, отражают нисходящий тренд в динамике и во многом зависят от контекста электорального процесса (начиная от уровня выборов и заканчивая актуальной политической ситуацией), что свидетельствует о некоторых

сложностях в функционировании электоральной арены политического участия, связанных с сосуществованием в указанных национальных сообществах двух приблизительно равных сегментов – «голосующих» и «абсентеистов», – демонстрирующих принципиально отличающиеся друг от друга поведенческие модели. В то же время даже в указанных случаях электоральная практика в целом типизирована и относится к массовым.

Обращает также на себя внимание, что во всех европейских странах наименее популярными выступают такие форматы, как участие в разрешенных демонстрациях и работа в составе политической партии / группы / движения, а востребованность остальных неэлекторальных практик значительно отличается в зависимости от региона: в целом на них в большей степени ориентируются граждане Скандинавских стран, Германии, Великобритании, в меньшей – посткоммунистических стран.

Для конкретизации полученных выводов была применена процедура факторного анализа данных мониторинга, позволившая выявить три фактора, определяющих дифференциацию пространства неэлекторального политического участия на самостоятельные арены взаимодействия, с присущими им относительной замкнутостью и способностью преломлять все внешние воздействия в соответствии со своей спецификой, наличием собственного репертуара политических практик и требованиями к его ресурсообеспеченности.

Согласно графической интерпретации данных, первый фактор – личное неформализованное участие – обладает наиболее выраженным влиянием, формируя самый объемный и устойчивый кластер людей, ориентированных на такие политические практики, как подписание петиций / обращений / открытых писем, отказ от потребления каких-либо товаров для обозначения своей политической позиции, публикация / ретрансляция политической информации в Интернете (табл. 1).

Таблица 1

**СТРУКТУРА АРЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ:
ПОВЕРНУТАЯ МАТРИЦА КОМПОНЕНТОВ**

<i>Вид политической практики</i>	<i>Фактор</i>		
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Отказ от потребления каких-либо товаров для обозначения своей политической позиции	✓		
Подписание петиций / обращений / открытых писем	✓		
Публикация / ретрансляция политической информации в Интернете	✓		
Обращение к конкретным политикам / в местные органы власти		✓	
Работа в общественной организации		✓	
Работа в составе политической партии / группы / движения			✓
Использование политической символики			✓
Участие в разрешенных демонстрациях			✓

Функционирование данной арены характеризуется достаточно слабой вовлеченностью граждан в политический процесс (весьма близкая к зрительской позиции), потребностью в минимальной ресурсообеспеченности, относительной анонимностью включения, что и обеспечивает ее восприятие как типичной, и значительными по сравнению с альтернативными аренами «масштабами использования». В рамках данного пространства наибольшим «удельным весом» среди остальных политических практик обладает подписание петиций / обращений / открытых писем, что позволило ряду исследователей назвать эту арену петиционной. Но нам представляется целесообразным обозначить ее как декларационную, так как основной целью всех интеракций в рамках представленной системы взаимодействий является выражение своего мнения, которое зачастую носит краткосрочный / акционный характер. При этом представители различных социальных групп, вне зависимости от уровня образования и дохода, с одинаковой активностью включаются в ее функционирование. Усложнение данной арены политического участия может происходить за счет различной природы используемых практик (обращаясь к ним, граждане могут исходить из принципов и универсализма, и примордиализма, и клиентизма или инструментализма), что свидетельствует о ее потенциальной конфликтогенности. Вместе с тем влияние фактора настолько сильно, что позволяет объединять разные форматы политических действий: коллективные и индивидуальные, просоциальные и асоциальные, институциональные и неинституциональные.

Влияние второго фактора – личное формализованное участие – менее значимо, однако сформированная им арена также носит устойчивый характер. В арену включены две практики (обращение к конкретным политикам / в местные органы власти и работа в общественной организации (табл. 1), преимущественно направленные на решение локальных проблем (как частного, так и коллективного характера). Данную арену отличает более высокий уровень институционализации по сравнению с предыдущей, выражающийся в присутствии структурного компонента, наличии определенной системы правил, норм и возможных санкций (формальных и / или неформальных), регулирующих механизм обращения (и соответственно отклика) во властные структуры и процесс функционирования общественных организаций, относительной устойчивости форм взаимодействия между участниками интеракции. Примечательно также, что представленные политические практики обладают примерно равным «удельным весом», что не позволяет выделить среди них системообразующую. Как и в случае с декларационной ареной вовлеченность граждан в данное пространство напрямую не зависит от уровня их образования и дохода, однако, как правило, лица, относящие себя к высокодоходным группам, находятся на периферии данного кластера.

Третий фактор, который мы обозначили как личное участие в деятельности политических партий (имеется в виду, что объединяемые им политические практики – работа в составе политической партии / группы / движения, использование политической символики, участие в разрешенных демонстрациях (табл. 1) – так или иначе связаны с деятельностью партий), скорее оказывает обратное влияние на формирование кластера: невключенность в подобного рода варианты политических действий и определяет рамки арены, существующей скорее в потенциальном, а не реальном состоянии (за исключением ряда случаев, о чем будет сказано позже). Возможно, ограничивающими условиями включения населения в данное пространство выступают: 1) самый высокий уровень формализации взаимодействий (что обуславливает закрытость данной системы); 2) ярко выраженная политическая направленность (принимая во внимание периферийное положение политики в ценностной системе массовых групп); 3) отсроченная во времени результативность. Однако данная арена является наиболее интегрированной по характеру воспроизводимых практик, что позволяет определять ее даже в ситуации латентности.

Функционирование выделенных арен типично для всех стран Европы за исключением государств, представляющих регион Северной Европы и примкнувшей к ним Германии, что отмечено в таблицах ниже. Показатели представляют собой подмножество граждан (кластер). Полужирным шрифтом отмечена степень выраженности того или иного фактора в государстве, а вместе с ним – величина кластера граждан, склоняющихся к соответствующему типу политического участия. Так, если в большинстве случаев влияние факторов, формирующих декларационный и локальный кластеры, определяется как сильное, то в Германии, Финляндии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Исландии оно отсутствует (табл. 2, 3).

Таблица 2

**СФОРМИРОВАННОСТЬ ДЕКЛАРАЦИОННОЙ АРЕНЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (Влияние фактора 1:
Личное неформализованное участие)**

<i>Страна</i>	<i>Отсутствует</i>	<i>Слабое</i>	<i>Сильное</i>	<i>Очень сильное</i>
1	2	3	4	5
Австрия	507	361	929	187
Бельгия	391	433	794	144
Швейцария	534	299	600	78
Германия	1142	731	839	123
Эстония	220	284	1314	197
Финляндия	831	453	457	173
Франция	745	358	866	90
Великобритания	610	430	823	84

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

1	2	3	4	5
Ирландия	429	486	1517	296
Нидерланды	418	529	616	105
Норвегия	541	423	352	213
Польша	121	174	1275	111
Российская Федерация	101	234	1893	156
Швеция	816	356	268	69
Словения	195	243	755	83
Израиль	314	311	1684	239
Чешская Республика	355	293	1496	102
Исландия	456	222	114	76

Таблица 3

СФОРМИРОВАННОСТЬ ЛОКАЛЬНОЙ АРЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (Влияние фактора 2: Личное формализованное участие)

Страна	Отсутствует	Слабое	Сильное	Очень сильное
Австрия	550	44	929	461
Бельгия	481	42	794	445
Швейцария	396	28	600	487
Германия	948	106	839	942
Эстония	344	18	1314	339
Финляндия	836	60	457	561
Франция	365	79	866	749
Великобритания	380	38	823	706
Ирландия	626	71	1517	514
Нидерланды	698	20	616	334
Норвегия	632	68	352	477
Польша	184	12	1275	210
Российская Федерация	223	24	1893	244
Швеция	625	80	268	536
Словения	280	11	755	230
Израиль	373	55	1684	436
Чешская Республика	297	29	1496	424
Исландия	382	69	114	303

Ситуация с партийной ареной выглядит противоположным образом: в основном массиве она является латентной, и только в Германии, Финляндии, Нидерландах и Швеции – реальной (табл. 4).

Таблица 4

**СФОРМИРОВАННОСТЬ ПАРТИЙНОЙ АРЕНЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ (Влияние фактора 3:
Деятельность в рамках политической партии)**

<i>Страна</i>	<i>Отсутствует</i>	<i>Слабое</i>	<i>Сильное</i>	<i>Очень сильное</i>
Австрия	361	929	90	604
Бельгия	402	794	102	464
Швейцария	266	600	126	519
Германия	655	839	238	1103
Эстония	301	1314	75	325
Финляндия	531	457	122	804
Франция	508	866	105	580
Великобритания	463	823	212	449
Ирландия	523	1517	119	569
Нидерланды	233	616	162	657
Норвегия	687	352	84	406
Польша	200	1275	58	148
Российская Федерация	288	1893	68	135
Швеция	470	268	100	671
Словения	150	755	72	299
Израиль	449	1684	49	366
Чешская Республика	355	1496	69	326
Исландия	431	114	50	273

Выявленные межстрановые различия в сложившемся пространстве политического участия во многом объясняются спецификой национального (в нашем случае регионального) политического контекста. Отличительная черта Скандинавских стран и Германии – высокая степень институционализации политических отношений, проявляющаяся в том числе и в тесной связи корпораций с партиями, партий с профсоюзами, что обеспечивает значительное влияние этих структур на функционирование политической системы. Кроме того, существование общественного сектора в сфере распределения, за которым стояло государство, обуславливает ориентацию на коллективизм и национальное государство, руководствующееся принципами демократии и справедливости при решении национальных задач, в частности при распределении социальных благ. И хотя с конца XX в. растет значение индивидуализма, что связано как с процессами глобализации, европейской интеграции и усиления влияния западноевропейской культуры, так и с внутренними процессами индивидуализации труда, с новыми информационными технологиями, декорпоративизацией представительства организованных интересов в политике [Северная Европа 2008]. Результаты кросс-культурных исследований по-прежнему свидетельствуют, что в странах Северной Европы и Германии население демонстрирует более высокий уровень членства в политических

организациях, удовлетворенности демократией, доверия к политикам и явки на выборы.

Вместе с тем в рассматриваемых государствах особые сложности в последние десятилетия испытывает участие на уровне комьюнити, что стало результатом как объективного усложнения решаемых на местах политических задач и укрупнения коммун (позволившего, с одной стороны, экономически их усилить и повысить профессионализм администрации, а с другой – приведшего к росту бюрократизма и сокращению возможностей влияния граждан на принятие местных решений), так и европейской интеграции, которая влечет за собой смещение центров власти с локального на наднациональный уровень. Указанные процессы привели к фрагментаризации коммунальной деятельности и широкому распространению убеждения о неэффективности усилий рядовых политиков при отсутствии связей с политической элитой, что сказывается на скептицизме в отношении арен политического участия, связанных с решением локальных задач и декларацией своих позиций.

Сравнительный анализ функционирования выявленных в ходе кластеризации трех арен политического участия (декларационной, локальной и партийной) позволил прийти к выводу о значимости политических / гражданских структур в процессе воспроизводства и взаимодействия между этими системами. Подтвердить и конкретизировать это утверждение можно путем кластеризации данных обследования на основе метода главных компонентов. Согласно полученным результатам, организационный аспект (посредством существующих политических или гражданских институтов / вне существующих политических или гражданских институтов) выступает базовым критерием для типизации политических практик, нивелирующим их неоднородность (а иногда и конфликтность) в силу различий по субъектам, целям, нормативной обеспеченности, отношению в политической системе и т.д. и обеспечивающим их интеграцию. Показательно, что и в этом случае регион Северной Европы и Германия отличаются от остальных стран, демонстрируя выделенную тенденцию ориентации на институционализированную политику. При этом следует обратить внимание, что проведенный анализ еще раз подтвердил исключительность функционирования электоральной арены: участие / неучастие в выборах во всех рассматриваемых странах не зависит от критерия структурности.

Значимость выявленных закономерностей была подтверждена и в ходе изучения кейса «всплеска» протестной активности в европейских государствах в конце 2018 г. с точки зрения влияния политических / гражданских структур на его возникновение. Речь идет о масштабной акции «желтых жилетов» (ноябрь-декабрь 2018 г.), выступающих против повышения стоимости на бензин и особенно на дизель, вызванного решением французского правительства по введению «экологического налога» [Добров 2018]. Показательно, что

отмеченная взаимосвязь таких политических практик, как подписание петиций и участие в демонстрациях подтвердилась динамикой протестного взаимодействия, когда отправной точкой развития событийного ряда стал сбор подписей под интернет-петицией автомобилиста из департамента Сана и Марна с требованием снизить цены на топливо [Запольскис 2018]. В свою очередь о слабом влиянии фактора структурности свидетельствует то, что в отличие от масштабных политических действий предыдущего периода акции «желтых жилетов», пример спонтанного низового (grassroots) движения, были инициированы не профсоюзами и оппозиционными (левыми – Жан-Люк Меланшон или правыми – Марин Ле Пен) партиями, а отдельными гражданами (в частности, Присциллия Людовски, Эрик Друэ). Число участников конфликтного взаимодействия росло, в том числе за счет работников медицинской отрасли и студентов. Протестная акция достаточно быстро достигла кульминационной точки и сопровождалась трансформацией предмета конфликта с проблемы стоимости топлива на недовольство социальной политикой государства, направленной на частичный демонтаж системы социальной защиты, и личностью президента Эмманюэля Макрона. По словам руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН Ю. Рубинского, «в этих условиях значительная часть людей почувствовали себя маргинализированными, выброшенными... и сами манеры президента, человека образованного, воспринимались как высокомерие, как принадлежность к либерально-глобализированной верхушке, т.е. не свой человек, а человек, который навязывает людям, без учета их интересов, программу, плодов которой они не видят» [Шимаев, Чурсина 2018].

Однако эскалация протестных настроений в другие страны сопровождалась изменением параметров протеста под влиянием партийной арены. Так, в соседней Германии, в большей степени, ориентированной на институционализированное политическое участие, в процесс активно включились оппозиционные политические структуры, где правые взяли на вооружение идеи и символику протестов, направив их против мигрантов, а левые выразили солидарность «желтым жилетам» в борьбе с крупным капиталом.

В то же время вне зависимости от страны акции, при всей своей неортодоксальной направленности, продемонстрировали тесную зависимость от воспроизводства электоральных практик: во Франции одним из основных требований «желтых жилетов» практически сразу стали досрочные выборы в Национальное собрание и отставка Э. Макрона, а в Бельгии на основе идей французских протестантов готовятся сформировать партию к предстоящим в 2019 г. выборам в Европарламент.

В целом можно сделать следующий вывод. Во всех европейских государствах доминирует электоральная арена, наряду с которой существуют уступающие ей по объему декларационная, локальная и партийная, отличающиеся

друг от друга как принципами систематизации взаимоотношений между участниками интеракций, так и степенью развития. В то же время в конфигурации пространства политического участия разных стран можно выделить и определенную специфику. Так, в большинстве рассматриваемых государств (в том числе и России) наблюдается тенденция к ориентации на неформальные политические практики, в то время как в значительной части стран Скандинавского региона и Германии институционализированная политика по-прежнему сохраняет свои позиции, хотя и там есть признаки кризиса партийно-политической системы (например, в ФРГ одним из проявлений кризиса стали успехи на земельных выборах антисистемной антииммигрантской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) и сокращение электоральной поддержки традиционных политических грандов – СДПГ и ХДС).

Первый из выделенных трендов связан с проявлением центробежных сил, второй – центростремительных. Однако было бы неверным в первом случае, характерном для значительного числа европейских государств, говорить о развитии дезинтеграционных проявлений политического участия, а во втором о преобладании интеграционных. Дело в том, что, согласно концепции «изменения и преемственности» Д. Розенау, политика является «вихревым» или «турбулентным» движением – потоком, в котором переплетаются состояния порядка и изменения, сочетаются функции воспроизводства «старых» элементов вместе с процессами инноваций и перемен. В свою очередь стабильность политической системы предполагает достижение баланса между устойчивостью, связанной с сохранением и воспроизводством «правил игры» в течение длительного времени (а значит институционализированным политическим участием, выступающим в качестве надындивидуального образования, относительно инвариантного по отношению к индивидам и устойчивого перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, а также перед меняющимися внешними условиями) [March, Olsen 2008] и способностью адекватно реагировать на изменения окружающей среды (т.е. неортодоксальным политическим участием, которое по своей сути является инклюзивным, так как «создает новые формы, способы и каналы политического участия» [Патрушев 2009] и потенциально может определять возможности реализации прав для широких категорий граждан, в том числе и тех, кто ранее по тем или иным причинам не был включен в политический процесс).

Принимая во внимание, что центробежные и центростремительные силы формируются единой системой детерминант непрофессиональной политической деятельности, следует отметить, что актуализация той или иной тенденции обусловлена, прежде всего, различной степенью эффективности регулирования объективных и организационных факторов конфликтогенности в разных регионах Европы, в то время как сила и нюансы ее проявления скорее связаны с социально-психологическими и личностными факторами. Так,

центробежный тренд в пространстве политического участия, наблюдаемый везде, кроме Скандинавских стран и Германии, свидетельствует, прежде всего, о существовании запроса на обновление традиционных элит (как правило, тем или иным образом, дискредитировавших себя) за счет включения в их состав представителей структур гражданского общества, отдельных социальных групп. Удовлетворение указанных ожиданий граждан будет способствовать не только реализации инклюзивных принципов в политической сфере, но и расширению интеграционного потенциала вначале на микроуровнях и мезоуровнях (в ракурсе отдельных коллективов, социальных групп и сообществ) при успешном преодолении факторов субъективного характера, а возможно, и на макроуровне (с позиции стабилизации нового варианта политического порядка) при урегулировании объективных аспектов и, как следствие, усилению центростремительного тренда. Однако перспективы такого согласования интересов во многом зависят от конфигурации арен политического участия: в случаях, когда наряду с электоральной ареной функционируют и другие (декларационная, локальная и / или партийная) вероятность гораздо выше, так как они создают зону умеренной и стабильной гравитации. В то же время, исходя из результатов кросс-национальных исследований, наибольшие сложности в типизации неэлекторальных политических практик различной направленности испытывают многие европейские страны, что и приводит к деструктивным проявлениям политического участия.

Библиография

Добров Д. Восстание «желтых жилетов» – сигнал Западу и миру // МИА «Россия сегодня». 2018. 7 дек. URL: <https://inosmi.ru/social/20181207/244185083.html> (Дата обращения: 05.06.2019.)

Запольскис А. Европа: гражданская война на пороге // Regnum. 2018. 9 дек. URL: <https://regnum.ru/news/2534237.html> (Дата обращения: 23.04.2019.)

Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 24–32.

Северная Европа. Регион нового развития. М.: Весь Мир, 2008. 512 с.

Шимаев Р., Чурсина М. «Кризис небывалого масштаба»: во Франции задержано рекордное число участников протестов «желтых жилетов» // Russia Today. 2018. 12 дек. URL: <https://ru.rt.com/cgez> (Дата обращения 23.04.2019.)

March J.G., Olsen J.P. Elaborating the «New Institutionalism» // The Oxford handbook of political institutions. Oxford, 2008. Vol. 1. P. 1–19.

References

Dobrov D. The uprising of the «yellow vests» – a signal to the West and the world. MIA «Russia Today». 2018. 7 Dec. URL: <https://inosmi.ru/social/20181207/244185083.html> (Date of access: 05.06.2019.) (In Russ.)

March J.G., Olsen J.P. Elaborating the «New Institutionalism». The Oxford handbook of political institutions. Oxford, 2008. Vol. 1. P. 1–19. (In Russ.)

Northern Europe. Region of New Development. Ed. Yu.S. Deryabin, N.M. Antyushina. Moscow: Wes Mir, 2008. 512 p. (In Russ.)

Patrushev S.V. Civic activism: an institutional approach (research prospects). Policy. 2009. No. 6. P. 24–32. (In Russ.)

Shimaev R., Chursina M. The «crisis of unprecedented scale»: a record number of participants in the «yellow vests» protests were detained in France. Russia Today. 2018. 12 Dec. URL: <https://ru.rt.com/cgez> (Date of access: 23.04.2019.) (In Russ.)

Zapolskis A. Europe: civil war on the verge. Regnum. 2018. 9 Dec. URL: <https://regnum.ru/news/2534237.html> (Date of access: 23.04.2019.) (In Russ.)

Д.А. Волкова

**МИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРОГРАММАХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу законодательства Чешской Республики, регулирующему миграционную политику страны. Рассмотрены как принципы законодательства Европейского союза, так и законы Чешской Республики, контролирующие нахождение мигрантов на территории Чехии.*

Проанализированы статистические данные, опубликованные на сайте Чешского статистического ведомства за 2017 г. Статистика отражает численность законно проживающих мигрантов в стране в целом, а также мигрантов из России и Украины, в частности. Отмечается увеличение числа рабочих мигрантов из Украины, дается характеристика наиболее распространенных способов, используемых для того, чтобы остаться на территории Чехии для длительного проживания.

Особое внимание уделяется анализу программ политических партий, представленных в парламенте Чешской Республики после выборов 2017 г. и отношений лидеров партий к миграционному вопросу. Источниковую базу составляют материалы официальных программ политических партий, заявления и выступления их лидеров и официальных представителей в средствах массовой информации. Выделены общие направления «левых» партий, которые в своих программах поддерживают миграцию на территорию Чешской Республики, а также отмечают необходимость эффективной интеграции иностранцев в чешское общество. В программах и публичных выступлениях представителей «правых» партий прослеживается тенденция к жесткому ограничению миграционных потоков. Тем не менее в связи с увеличением притока мигрантов на территорию Чешской Республики ожидается повышение значимости миграционного вопроса в программах партий.

Рассматривается необходимость координировать национальную политику Чешской Республики с общеевропейским вектором в вопросах миграции после вступления Чехии в Европейский союз в 2004 г., а также максимально ограничить потоки нелегальной миграции.

Ключевые слова: миграция; трудовая миграция; международная миграция; миграционное законодательство; «безвиз»; политические партии; Чешская Республика; Европейский союз.

Волкова Дарья Андреевна – аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ), Москва. E-mail: dvolkova44@gmail.com

D.A. Volkova. The Migration Issue in the Legislation and Programs of Political Parties of the Czech Republic

Abstract. *Analyzing the migration legislation in the Czech Republic, the author addresses both the European laws in this sphere and the Czech legislation regulating the presence of migrants in the country, their legal status and possibilities of acquiring Czech citizenship. The analysis is based on the statistics published on the website of the Czech Statistical Office for 2017, which shows the number of legal migrants in the country and the countries of their origin. It's indicated that the foreigners living in the country have mostly Ukrainian citizenship, others having moved from Slovakia, Vietnam, Russia, Poland and Germany. The most visible trend in this sphere is a sharp increase in the number of labor migrants from Ukraine.*

Special attention is given to the programs of political parties represented in the Czech parliament after the 2017 elections as well as the attitudes of their leaders to the migration issue. To this end, the article focuses on the official parties' documents, statements of their leaders and their media presentations. Outlined are the main policy directions of the «left parties» whose leaders advocate the migration to the Czech republic and promote the idea of effective integration of migrants into the host society. By contrast, the programs and official statements of the «right-wing» parties tend to tightly restrict the migratory flows. In any case, owing to the growing influx of migrants into the country, this issue will be given increasing prominence in the parties' programs. In addition, after the Czech Republic joined the European Union in 2004, it is to follow the EU legislation and practices in defining its migration policies.

Keywords: *migration; labor migration; international migration; immigration law; political parties; Czech Republic; European Union; Ukraine.*

Volkova Daria Andreevna – Post-graduate Student,
Russian State University (RGGU), Moscow.
E-mail: dvolkova44@gmail.com

С начала тысячелетия Чехия переживает беспрецедентный рост миграции. Интеграция Чешской Республики в Европейский союз в 2004 г., а также вхождение в Шенгенскую зону в 2007 г. значительно закрепили эту тенденцию.

Согласно данным Чешского статистического ведомства, в 2016 г. число законно проживающих в Чехии иностранцев составило 493 441 человек, при этом мигрантов из Украины – 22% (109 850 человек) [Foreigners 2017, p. 37]. Основная цель миграции – трудовая миграция. По количеству иностранцев, зарегистрированных в бюро по трудоустройству, среди стран, не входящих

в Европейский союз, мигранты из Украины занимают первое место – 14% от общего числа, второе место – мигранты из России – 2% от общего числа [Foreigners 2017, p. 57].

Центр миграционных потоков из Украины – Прага, предлагающая более выгодные условия, чем другие регионы страны, будь то рынок жилья или рынок труда. В Прагу стекаются 43% украинских мигрантов и 60% российских; 16% украинцев выбирают Центральный край Чехии, 10% мигрантов из Украины – Южноморавский край, в то время как, например, 8% россиян выбирают Карловы Вары [Foreigners 2017, p. 39].

Однако официальная статистика не учитывает незаконную миграцию. Борьба с незаконной миграцией стала в настоящее время одним из приоритетных направлений миграционной политики Чешской Республики. Речь идет о сокращении притока нелегальных мигрантов и в то же время это защита от незаконного перемещения иностранцев в стране. Эксперты не имеют единой точки зрения на то, являются ли строгие меры относительно въезда иностранцев в страну эффективными. Но они едины в том, что реальные цифры незарегистрированных иностранцев в несколько раз выше, чем показывают официальные источники.

Известно, что самый распространенный способ, благодаря которому трудовые мигранты остаются на территории Чехии, – использование краткосрочной туристической визы для въезда в страну с последующим нелегальным пребыванием [Foreigners 2017, p. 33].

В настоящее время мигранты образуют особую социальную сеть, вновь и вновь порождающую цикл миграции. Как только человек переезжает в другое место, вероятность миграции для его родственников, друзей и знакомых неизбежно повышается. Таким образом, число мигрантов постоянно увеличивается. Более высокий социальный статус мигрантов, их потребительская и инвестиционная активность меняются в лучшую сторону, что вызывает стимул к миграции у населения в стране происхождения [Šermáková, Nekorjak 2009, с. 33].

Исследователи также подсчитали, что в 2065 г. на территории Чешской Республики будут проживать почти 30% мигрантов и их семей. В соответствии с существующим развитием речь идет в основном о людях из Вьетнама, Китая, а также из Украины и других постсоветских республик [Šermáková, Nekorjak 2009, с. 9].

Сегодня Европейский союз занимает особое место в международной миграционной системе. Каждый год страны – члены Европейского союза принимают мигрантов, приезжающих на различные сроки и с различными целями. В настоящее время в Европейском союзе сложилась особая миграционная система, которая отличается тесным взаимодействием стран – членов ЕС, что дает возможность говорить о единой миграционной сети. Будучи

особым межгосударственным образованием, Европейский союз имеет свои экономические, культурные, политические, географические особенности, влияющие на тенденции развития миграционного вопроса.

Миграционная политика стран – членов Европейского союза направлена на граждан стран – членов ЕС и граждан стран, желающих получить политическое убежище. Она охватывает три уровня, а именно:

- межгосударственный;
- национальный;
- наднациональный [Šermáková, Nekorjak 2009, с. 3].

Миграционные процессы, осуществляемые на территории Европейского союза, контролируются, в первую очередь, Шенгенским соглашением. Однако структура европейской миграционной системы постоянно усложняется, так как наряду с привлекательными странами «старой Европы» формируются новые центры иммиграции в Центральной и Восточной Европе. Чехия сегодня представляет собой один из таких новых центров.

За последние десять лет в Чехии произошли значительные изменения в сфере миграции, что вызвало необходимость выработки более основательного и последовательного подхода, который повлек за собой соответствующие изменения и развитие на законодательном и политическом уровнях. Законодательная, политическая и организационная поддержка легальной миграции и интеграции, а также систематической борьбы со всеми формами нелегальной миграции стала основой миграционной политики [Чешская Республика 2010, с. 8].

В марте 2000 г. в Министерстве внутренних дел Чешской Республики создан новый Департамент по делам иммиграции и защиты государственной границы. В июле того же года он слился с Департаментом по делам беженцев и интеграции иностранцев МВД. В результате был создан Департамент по делам убежища и миграционной политики. Новый департамент стал основным ответственным органом по вопросам убежища и миграции в Чехии.

В 1999 г. была разработана политика интеграции иностранцев. С тех пор и до 2004 г. Министерство внутренних дел отвечало за разработку этой политики и управление ее внедрением. В 2004–2008 гг. эту функцию взяло на себя Министерство труда и социальных дел. В связи с тем что важным аспектом интеграции является безопасность, Министерство внутренних дел вернуло себе функцию главного координатора в вопросах интеграции иностранцев в Чехии и осуществляет ее по сей день [Šermáková, Nekorjak 2009, с. 8].

В 2003 г. чешское правительство утвердило Принципы иммиграционной политики Правительства Чешской Республики в отношении иностранцев – фундаментального документа и основы построения современной и целевой иммиграционной стратегии Чехии. Заложенные в этом документе принципы в целом выражают решимость правительства Чехии активно и ответственно

решать иммиграционные проблемы, выполняя при этом взятые на себя обязательства по соответствующим международным конвенциям, соглашениям, рекомендациям международных организаций. Эти принципы закладывают основу для решения конкретных задач в области миграции и в сферах, непосредственно связанных с ней. С учетом существующих национальных приоритетов выработка принципов на оперативном уровне предусматривает следующие аспекты и соображения:

- последовательное развитие сферы управления миграцией в связи с обязательствами, которые обусловлены членством в ЕС;
- разработка национальной иммиграционной политики, направленной на создание координированного подхода всех государственных и административных органов и учреждений, а также на сотрудничество с другими субъектами в иммиграционной сфере (такими как общественные и прочие гражданские организации);
- активизация усилий по искоренению всех форм нелегальной миграции и других, связанных с ней незаконных видов деятельности, путем принятия мер, учитывающих как национальные приоритеты, так и аспекты международного сотрудничества;
- оказание поддержки легальной миграции в соответствии с государственными приоритетами и учетом интересов в долгосрочной перспективе;
- участие Чехии в глобальных и европейских мероприятиях по преодолению миграционных последствий гуманитарных кризисов и устранению их причин [Zákon č. 55/2003].

Последнее десятилетие было отмечено двумя ключевыми моментами в области миграции, которые оказали значительное влияние на национальное законодательство и практику в отношении миграции и убежища. Первым было вхождение Чехии в Европейский союз в 2004 г., а вторым – вхождение в Шенгенскую зону в конце 2007 г. Первым шагом на пути к воплощению заявленных принципов было принятие в 2004 г. Плана действий по борьбе с нелегальной миграцией, разработанного Министерством внутренних дел и основанного на принципе № 3 [Usnesení 2004].

Закон о проживании иностранцев. Рассматриваются правовое регулирование иммиграционных условий нахождения иностранных граждан на территории страны и основные категории граждан, имеющих право на проживание в Чешской Республике. Законодательством Европейского союза контролируются пограничные и иммиграционные вопросы. Таким образом, Закон о проживании иностранцев отражает законодательство Европейского союза и / или ссылается на него [Zákon č. 326/1999].

Закон об убежище. Международная защита в форме убежища и вспомогательной защиты и порядок их предоставления регулируются Законом об убежище. В Законе об убежище рассматриваются вопросы, касающиеся лиц,

ходатайствующих о предоставлении им международной защиты в Чешской Республике [Zákon č. 325/1999].

Закон о временной защите иностранцев. Оговаривает условия въезда и пребывания иностранцев с целью предоставления им временной защиты, порядок предоставления временной защиты, правовой статус лица, которому предоставлена временная защита. Чехия предоставляет временную защиту иностранцам, которые массово покинули страну своего гражданства или страну последнего места проживания и не могут вернуться обратно. Закон начал применяться после оглашения временной защиты Советом Европейского союза [Zákon č. 221/2003].

Закон о полиции Чешской Республики. Регламентирует защиту государственных границ и различные процедуры (установление личности, задержание, выдворение), связанные с иностранцами. Документ также регулирует отношения между полицией и Министерством внутренних дел в сфере обмена информацией из банков данных.

С 1 января 2009 г. вступил в силу новый Закон о полиции. В отношении иностранцев самым важным изменением стала передача полномочий в сфере оформления разрешений на проживание. Управление разрешениями на проживание постепенно перейдет от полиции к гражданскому органу – Департаменту по делам убежища и миграционной политики Министерства внутренних дел [Zákon č. 273/2008].

Закон о защите государственных границ. Закон регулирует защиту государственных границ от нелегального пересечения и обеспечивает выполнение обязательств, взятых на себя в соответствии с Шенгенскими соглашениями. Кроме того, в нем определены полномочия полиции в сфере обеспечения безопасности границ. В Законе также описаны действия, являющиеся нарушением этого закона [Zákon č. 216/2002].

Трудовой кодекс и Закон о труде. Новый Трудовой кодекс вступил в силу 1 января 2007 г. и стал одним из важнейших законов, который регулирует трудоустройство иностранцев [Zákon č. 262/2006].

Закон о труде определяет условия трудоустройства в Чешской Республике. В отношении иностранцев в нем установлены принципы приема иностранцев на работу, а также порядок выдачи иностранным гражданам разрешений на трудоустройство и зеленых / синих карт. Кроме того, в нем зафиксирована обязанность работодателей информировать Центр занятости о найме иностранцев. На основании этого закона после вхождения Чехии в Европейский союз граждане ЕС не считаются иностранцами и пользуются тем же правовым статусом, что и граждане Чехии [Zákon č. 435/2004].

Центры занятости отвечают за ведение документации об иностранцах, работающих в стране, а также о членах их семей, включая граждан стран, не входящих в состав Европейского союза. В Законе о труде и Законе об ино-

странцах оговариваются меры контроля в сфере занятости. Эти законы предоставляют полиции и другим органам право заходить на территорию и на объекты работодателя.

В соответствии с поправкой к Закону о труде с начала 2009 г. Министерство внутренних дел принимает решения о предоставлении физическим и юридическим лицам права на оформление трудоустройства граждан третьих стран.

Закон о предоставлении и потере гражданства Чешской Республики. Закон о гражданстве предусматривает возможность предоставлять гражданство иностранцам на определенных условиях, таких как пять лет постоянного проживания на территории Чешской Республики [Zákon č. 40/1993].

В настоящее время важно гибко организовывать визовый режим между третьими странами и Европейским союзом, так как коммуникация между гражданами этих стран с каждым годом заметно увеличивается. К примеру, уже в 2006 г. по соглашению между Российской Федерацией и Европейским союзом, а также Украиной и Европейским союзом процесс выдачи виз был упрощен (на основании письменного обращения принимающей стороны) ряду категорий лиц. И финальной точкой в отношении Украины стало соглашение между Украиной и Европейским союзом об упрощении визового режима, вступившего в силу в 17 июня 2017 г.

Таким образом, вступление Чехии в Европейский союз, а также вхождение в Шенгенскую зону в конце 2007 г. существенно повлияли на развитие миграционной ситуации в Чехии. Чехия превратилась из транзитной страны преимущественно в страну назначения и сегодня миграционное законодательство Чешской Республики основывается на принципах и основных направлениях законодательства Европейского союза.

Сегодня в Чехии проживает большее число мигрантов, чем в какой-либо другой посткоммунистической стране Центральной и Восточной Европы [Koudelka 2014].

Увеличение числа мигрантов создает необходимость изменения законодательства страны в области миграции, в формировании миграционной политики, способствующей как регуляции миграционных потоков, так и противодействию развитию таких негативных явлений, как безработица, преступность, нелегальная миграция и др.

На сегодняшний день миграционный вопрос находит свое отражение в программах различных политических партий Чехии, а также в публичных заявлениях по этому вопросу представителей партий, в их выступлениях в парламенте или на телевидении, радио, в текстах, публикуемых на официальных сайтах партий.

Сегодня в парламенте Чехии присутствуют следующие партии:

- АНО (ANO) «Акция недовольных граждан» – 29,64%;

- Гражданская демократическая партия (ODS) – 11,32%;
- Чешская партия пиратов (Piráti) – 10,79%;
- За свободу и прямую демократию (SPD) – 10,64%;
- Коммунистическая партия Чехии и Моравии (KSČM) – 7,76%;
- Чешская социал-демократическая партия (ČSSD) – 7,27%;
- Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия (KDU – ČSL) – 5,80%;
- Традиция Ответственность Процветание 09 (TOP 09) – 5,31%;
- Старосты и независимые (STAN) – 5,18%.

Рассмотрим миграционный вопрос, отраженный в программах политических партий и заявлениях официальных представителей и лидеров партий.

АНО (ANO). В публичных выступлениях представителей партии прослеживается негативное отношение к активным миграционным потокам на территорию Чешской Республики, которые связывают с различного рода международными рисками, в том числе терроризмом, организованной преступностью, распространением оружия массового поражения и др. [Brezovská 2018]. Лидер партии премьер-министр Чехии Андрей Бабиш крайне настороженно относится к нелегальной миграции, воспринимает ее «как угрозу европейской цивилизации» и активно выступает за укрепление границ Евросоюза [Премьер 2018]. Бабиш отмечает в своих заявлениях, что бесконечный прием иностранных беженцев в Европу не решит проблемы. Он выступает за создание глобального плана по борьбе с нелегальной миграцией [Европа 2018]. Партия предлагает ограничить волны «безудержной миграции» на территорию страны [Čaněk 2013].

Сегодня представители партии поддерживают общеевропейский вектор миграционной политики, выражающийся в ограничении потока мигрантов. Однако в этом процессе им видится неоднозначность: наличие как позитивных моментов, так и негативных явлений. Актуальными являются опасения представителей партии распространения международного терроризма, а также оружия массового уничтожения по причине миграции из регионов, пострадавших от военных действий, – Среднего и Ближнего Востока.

Гражданско-демократическая партия (ODS). Программа партии, подготовленная для выборов в 2002 г., содержит критику политики правительства и партии социал-демократов, оставляющих без внимания увеличение притока мигрантов, а также предложения по ужесточению миграционной политики [ODS 2002].

На парламентских выборах в 2006 г. лидеры партии подчеркивали необходимость предотвращения преступной деятельности мигрантов и их нелегального проникновения в страну, а также увеличения контроля над теми работодателями, которые используют труд нелегальных мигрантов.

При рассмотрении проекта введения зеленых карт в 2008 г. представитель партии Иво Стрейчек подчеркивал преимущества мигрантов как в трудовой сфере, так и в социальной. По словам сенатора Ярослава Куберы, существует необходимость принятия иностранцами местных культурных традиций. Он также подчеркивает необходимость соблюдения иностранцами всех законов и требований общества [Jaroslav Kubera 2013].

Если в программах до 2010 г. партия поддерживала общую миграционную политику Европы, то на парламентских выборах в 2010 г. подчеркнула необходимость свободно регулировать передвижения иностранцев внутри Чехии. Лидеры партии видят в миграционных потоках угрозу для сохранения традиций страны [Řešení 2010].

Более мягкая позиция видна в программе «Видение 2020», в которой Гражданско-демократическая партия старается все-таки подстроить регулирование на национальном уровне к масштабам общей европейской политики в области миграции.

Сегодня политика Гражданско-демократической партии выражается в желании снизить миграционные потоки в Чешскую Республику. А работа с теми, кто уже оказался на территории страны, должна основываться на процессе интеграции мигранта в чешское общество. Лидеры партии предлагают ввести более суровые законы для иностранных граждан по сравнению с законодательством для граждан Чехии, особенно эти требования касаются мусульманского населения [ODS 2002].

Чешская партия пиратов (Piráti). В настоящее время сложно дать оценку отношению лидера партии Ивана Бартоша к миграционному вопросу, тем не менее лидер партии Иван Бартош в своих интервью заявляет о том, что людям, которые бегут из стран, где ведутся боевые действия, нужна помощь, в отличие от «экономических мигрантов», прибывающих в Чехию на заработки [Bohuslavová 2017].

За свободу и прямую демократию (SPD). Ультраправая антимигрантская партия во главе с лидером Томио Окамура, который сам является мигрантом и одновременно сторонником ограничения миграции, выступает за оказание противодействия наплыву иностранных граждан [Айзпурвит 2017]. Многочисленные лозунги и плакаты партии перед выборами 2017 г. были направлены против миграции, а сам Окамура призывает мигрантов покинуть пределы Чехии, а чешское правительство – ужесточить контроль над миграцией и отказу от выдачи иностранцам постоянного вида на жительство [Томио Окамура 2014].

Коммунистическая партия Чехии и Моравии (KSČM). В программах Коммунистической партии отсутствует четкая позиция по отношению к миграционному вопросу. В программе, представленной на рубеже тысячелетий, однако, сказано, что правительству Чехии следует защищать права

иностранцев, а также преодолевать негативное отношение к присутствующим в Чехии меньшинствам [KSČM 1999].

Сегодня коммунисты считают, что следует более строго регулировать миграционные потоки с целью защиты собственного населения. В настоящий момент Компартия выступает за более эффективный контроль «черного рынка», потоков нелегальной трудовой миграции и ужесточение наказаний за нарушение законодательства Чешской Республики [Dolejš 2015]. Тем не менее лидер партии Филип Войтех отмечает, что Чехия для мигрантов зачастую является «перевалочным пунктом» и скорее следует помогать тем странам, из которых направлены миграционные потоки [Вашкова 2018].

Чешская социал-демократическая партия (ČSSD). Миграционная политика вошла в программу социал-демократов в начале этого тысячелетия. Первое наиболее важное упоминание появилось в программе, посвященной миграции «Открытость новым вызовам, верность традициям» в 2003 г. [Základní 2003]. Партия в программе указывает на риски в сфере безопасности, однако мигранты воспринимаются как положительный фактор в увеличении численности населения Чешской Республики. В следующих долгосрочных программах подчеркивается неизбежность миграционных потоков на территорию Чехии. Избирательную программу для выборов в депутаты в 2006 г. характеризует защита иностранцев от дискриминации. «Государство должно создать условия, чтобы иностранцы могли интегрироваться и стать экономически самостоятельными». Цели в области безопасности включают ограничение нелегальной миграции и нелегального трудоустройства иностранцев [Jistoty 2006].

В программе «Изменения и надежды. Лучшее будущее для простых граждан», подготовленной для выборов в 2010 г., подчеркивается приоритет славян – выходцев из стран Южной и Юго-Восточной Европы [Změny 2010]. В целом можно сказать, что программы социал-демократов воспринимают миграцию как естественное явление, приносящее государству преимущества, хотя и не без риска. По мнению социал-демократов, государство должно создавать условия, позволяющие более тесную интеграцию.

В выступлении на радио в 2008 г. бывший лидер партии и экс-глава правительства Владимир Шпидла высказал мнение о том, что миграционные потоки необходимы Чехии в условиях демографического старения населения. Однако он обратил внимание на то, что в Чехии существует управляемая и неуправляемая миграция, последняя создает все необходимые условия для появления в стране «черного рынка» [Šmídová, Holub 2008].

В 2008 г. Гражданско-демократической партией (ODS) было предложено введение зеленых карт. Представители социал-демократов высказали свое мнение – в случае оформления зеленой карты мигрант не обязан проходить

медицинское обследование, следовательно, возникает угроза появления на территории Чехии новых заболеваний [Bartos 2008].

Главным аргументом против введения в Чехии зеленых карт является отсутствие порядка действий по истечении срока действия указанного документа.

Социал-демократы – партия, приоритетами которой являются свобода, равенство и солидарность. В настоящее время политика партии в области миграции носит продуманный и концептуальный характер. Лидер партии и нынешний премьер-министр Богуслав Сobotка заявил, что «сегодня Чехия должна избежать ошибок западных государств, где существуют трудноразрешимые конфликты. Чехия находится в ситуации, когда не может принять тысячи мигрантов, однако наша страна должна оставаться открытой для людей, которые нуждаются в получении убежища в результате политического преследования или в результате нарушения основных прав человека» [ČR pesny].

Социал-демократическая партия поддерживает общую европейскую миграционную политику и настаивает на организации ведомства, которое смогло бы объединить и координировать миграционную деятельность государства.

Христианско-демократический союз – Чехословацкая народная партия (KDU – ČSL). В программах партии, относящихся к концу 1990-х годов, миграционный вопрос еще не был выделен. Первым документом, отразившим аспекты миграции, была программа «Общая ответственность» 2001 г., целью которой была ограничительная политика нелегальной миграции, незаконного трудоустройства, а также эксплуатации дешевой рабочей силы. В документе предлагались варианты легального доступа на рынок труда [Přeris 2001].

Интерес партии к вопросам миграции вырос в период с 2002–2004 гг. В это время появляется документ «Христианско-демократическая политика 21 века», в котором выражается беспокойство членов партии массовой миграцией в страны Европы, а также негативными демографическими явлениями региона [Křesťansko-demokratická 2010].

В 2004 г. политика партии приобретает общеевропейские черты, отмечается необходимость создания общих условий предоставления убежища на всей территории Европейского союза. Однако подчеркивается право каждого государства – члена Европейского союза на самостоятельное регулирование миграционных вопросов. Представитель партии Йиндржих Карас в своей публикации отмечает потребность страны в миграционных потоках как реакцию на тенденцию старения чешского общества. Карас также говорит о возможности использования легальных мигрантов в качестве активных налогоплательщиков [Karas 2003].

Сегодня миграционная политика партии направлена на открытость страны для мигрантов, которая рассматривается как помощь развивающимся странам, а лидер партии экс-премьер-министр Чехии Павел Белобрадек оправдывает предоставление беженцам убежища на территории Чешской Республики с точки зрения европейского права [Туречкова 2015]. Одновременно лидеры партии обеспокоены социальными проблемами, которые возникают в связи с большим притоком мигрантов. Партия ищет решение демографических проблем в использовании внутренних человеческих ресурсов страны и обращает внимание на сохранение национальной однородности [Koudelka 2014]. Документы партии подчеркивают необходимость легальных мигрантов интегрироваться в общество страны [Tisková 2004].

Традиция Ответственность Прозрение 09 (TOP 09). По словам лидера партии, бывшего министра финансов ЧР Мирослава Калоусека, наплыв мигрантов – важный общеевропейский вопрос, однако Европа уже смирилась с тем, что беженцы в ней останутся. Важно в этой ситуации обеспечить грамотную ассимиляцию мигрантов в европейское общество [Щелков 2015]. Представители партии также отмечают, что политика государства должна быть открыта для иностранцев. Необходимо развивать стремление к общению с ними, чтобы избежать риска возникновения негативных явлений [Chalánková 2012]. Так, Йитка Халанкова заявила, что без миграционных потоков Европе грозит вымирание.

В программе партии, подготовленной к выборам 2010 г., указывалось, что партия стремится создать условия для наилучшей интеграции иностранцев с условием, что мигранты будут соблюдать законы и уважать культурные ценности чешского общества. Отмечалось также желание подавить «ксенофобские и расистские настроения» в обществе [Blažek 2010].

Из вышеизложенного следует, что политика партии TOP 09 положительно относится к существованию миграционных потоков в Чехию, а также выступает за эффективную интеграцию иностранцев в чешское общество.

Старосты и независимые (STAN). В настоящий момент сложно оценить важность миграционного вопроса для этой партии, так как в открытых источниках лидеры партии Ян Фарский и Петр Газдик не делали заявлений на этот счет.

Итак, сегодня не во всех программах политических партий миграционный вопрос освещен в полном объеме. Возможно, это связано с опасениями лидеров партии о последствиях поднятой темы или относительно небольшим количеством иностранцев в области преступности [Лимонова 2012, с. 15]. После вступления Чехии в Европейский союз страна должна координировать национальную политику с общеевропейским вектором в вопросах миграции. Однако Чехия начала адаптировать свою политику еще за несколько лет до событий 2004 г.

В настоящее время миграционная политика стала приоритетным направлением далеко не во всех программах политических партий. Однако можно выделить общие направления «левых» партий, таких как Чешская социал-демократическая партия (ČSSD) и Коммунистическая партия Чехии и Моравии (KSČM), которые в своих программах поддерживают миграцию на территорию Чешской Республики, а также отмечают необходимость эффективной интеграции иностранцев в чешское общество. В программах и публичных выступлениях представителей «правых» партий, таких как SPD, прослеживается тенденция к жесткому ограничению миграционных потоков. Тем не менее в связи с увеличением притока мигрантов на территорию Чешской Республики ожидается повышение значимости миграционного вопроса в приоритетных программах партий.

Несомненно, контроль легальной миграции, интеграция мигрантов на территории Европейского союза и ограничение нелегальной миграции – основные направления миграционной политики европейских государств. К важным направлениям миграционной политики Европейского союза также относится упрощение правил въезда на территории государств – членов Европейского союза узкоспециализированных специалистов и ученых, на интеграцию всех проживающих в ЕС мигрантов, а также на создание единого правового поля по урегулированию вопросов миграции, интеграции и этнического многообразия.

Библиография

Айзпурвит К. Сюрпризы и разочарования парламентских выборов // Radio Praha. Русская служба. 2017. 21 окт. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/syurprizy-i-razocharovaniya-parlamentskix-vyborov> (Дата обращения: 21.02.2019.)

Вашкова Л. Чехия вновь сказала «нет» принятию беженцев // Radio Praha. Русская служба. 2018. 16 июля. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/chexiya-vnov-skazala-net-prinyatiyu-bezhencev> (Дата обращения: 14.02.2019.)

Европа должна иметь глобальный план остановки миграции, заявил Бабиш // РИА Новости. 2018. 28 авг. URL: <https://ria.ru/20180828/1527383472.html> (Дата обращения: 10.03.2019.)

Лимонова Н.А. Влияние глобализации и интеграции на реализацию личностью свободы передвижения // Миграционное право. 2012. № 4. С. 6–10.

Маршева В. Результаты парламентских выборов в Чехии: триумф Бабиша, провал социал-демократов // 420 on.cz. 2017. 22 окт. URL: <https://420on.cz/news/politics/54953-rezultaty-parlamentskih-vyborov-v-chehii-triumf-babisha-proval-sotsial-demokratov> (Дата обращения: 10.03.2019.)

Премьер Чехии назвал миграцию из мусульманских стран угрозой для европейской цивилизации // ТАСС. 2018. 2 сент. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5515485> (Дата обращения: 10.03.2019.)

Томио Окамура: нет работы – нет пособий // Пражский экспресс. 2014. 30 марта. URL: <https://www.prague-express.cz/society/182-main-news/42148-2014-03-27-09-16-55> (Дата обращения: 21.02.2019.)

Туречкова Э. Квоты – опасный прецедент // Radio Praha. Русская служба. 2015. 23 сент. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/kvoty-opasnyj-precedent> (Дата обращения: 28.02.2019.)

Чешская Республика. Расширенный миграционный профиль. Построение миграционных партнерств (ПМП) // Пражский процесс. Прага. 2010. 65 с. URL: https://www.pragueprocess.eu/fileadmin/PPP/Czech_Republic_-_Extended_Migration_Profile_RU.pdf (Дата обращения: 24.02.2019.)

Щелков К. Мирослав Калоусек: «У Чехии типичный социалистический бюджет!» // Radio Praha. Русская служба. 2015. 01 сент. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/tema/miroslav-kalousek-u-chexii-tipichnyj-socialisticheskiy-byudzheth> (Дата обращения: 28.02.2019.)

Bartoš A.B. Cizinci k nám zavlečou tuberkulózu a AIDS, strašil ve Sněmovně Rath // iDNES.cz. 2008. 22 srpna. URL: http://zpravy.idnes.cz/cizinci-k-nam-zavlecou-tuberkulozu-a-aids-strasil-ve-snemovne-rath-1dr-/domaci.aspx?c=A080822_132241_domaci_adb (Дата обращения: 21.02.2019.)

Beránková P., Rahimi F., Dvořáková M., Svetlíková M., Chocholáčková K. Česká imigrační politika: stát se vyhledávanou cílovou zemí? Program o českých zájmech v Evropě pro talanované studenty // Evropské hodnoty. 2013. URL: http://www.evropskehodnoty.cz/wp-content/uploads/2013/03/Background-paper_Imigrace-1.pdf (Дата обращения: 24.02.2019.)

Blažek J. Dušan Drbohlav a kol.: Migrace a (i)migranti v Česku: Kdo jsme, odkud přicházíme, kam jdeme? Praha: Slon, 2010. 207 s.

Bohuslavová R. Předseda Pirátů Bartoš: Nejsme vítáči migrantů a jít do vlády se nebojíme // Novinky.cz. 2017. 10 října. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/451459-predseda-piratu-bartos-nejsme-vitaci-migrantu-a-jit-do-vlady-se-nebojime.html> (Дата обращения: 21.02.2019.)

Brezovská K. Babiš: ČR nepřijme žádného dalšího migranta, chce celoevropské řešení migrace // Radio Praha. 2018. 28 srpen. URL: <https://www.radio.cz/cz/rubrika/zpravy/babis-cr-neprijme-zadneho-dalsiho-migrantachce-celoevropske-reseni-migrace> (Дата обращения: 28.02.2019.)

Czech Civil Democratic Party elects the EU // Czech Civil Democratic Party: Official Website. URL: http://www.ods.cz/docs/programy/program_2002.pdf (Дата обращения: 21.02.2019.)

Čaněk M. Od vstřícné důslednosti k nepřizpůsobivým imigrantům? Analýza tématu mezinárodní migrace v programech politických stran před volbami do Poslanecké sněmovny // Migraceonline.cz. 2013. 24 říjen. URL: <http://www.migraceonline.cz/cz/e-knihovna/od-vstricne-duslednosti-k-nepripusobivym-imigrantum-analyza-tematu-mezinarodni-migrace-v-programech-politickyh-stran-pred> (Дата обращения: 28.02.2019.)

Čermáková D., Nekotjak M. Ukrainian middleman system of labour organisation in the Czech Republic // Journal of Economic and Social Geography. 2009. N 100 (1). P. 9–43.

ČR není v situaci, kdy by mohla přijímat tisíce migrantů // Oficiální stránky senátora Zdenka Shkromakh. URL: <http://www.skromach.cz/item/cr-neni-v-situaci-kdy-by-mohla-prijimat-tisice-migrantu> (Дата обращения: 21.02.2019.)

Dolejš (KSČM): Nejednoduché odpovědi na migraci // Parlamentní listy.cz. 2015. 19 leden. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Dolejs-KSCM-Nejednoduche-odpovedi-na-migraci-354833> (Дата обращения: 14.02.2019.)

Foreigners in the Czech Republic // Český statistický úřad. 2017. 204 s. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/45709982/29002717.pdf/770a1c14-6ea7-4c47-831e-3936e3ca1ab3?version=1.2> (Дата обращения: 24.02.2019.)

Chalánková, J. Sociální soudržnost začíná v rodinách. 2011 // TOP 09: Official Website. 2012. 9 янв. URL: <http://www.top09.cz/regiony/olomoucky-kraj/medialni-vystupy/socialni-soudrznost-zacina-v-rodinach-8503.html> (Дата обращения: 14.02.2019.)

Jaroslav Kubera: Žadatelé o státní občanství na něj mají právo, ne nárok // Český rozhlas Radiožurnál. 2013. 16 květen. URL: http://www.rozhlas.cz/radiozurnal/dvacetminut/_zprava/jaroslav-kubera-zadatele-o-statni-obcanstvi-na-nej-maji-pravo-ne-narok--1212583 (Дата обращения: 21.02.2019.)

Jistoty a prosperita. Volební program ČSSD pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu ČR // Oficiální web České sociálně demokratické strany. URL: <http://www.cssd.cz/data/files/volebni-program-2006.pdf> (Дата обращения: 20.02.2019.)

Karas J. Imigranti důchody nespasí // Hospodářské noviny. 2003. N 10 (nestránkováno).

Koudelka J. Imigrace a politické strany v České republice (2010–2013) // Globalpolitics. 2014. 27 февр. URL: <http://www.globalpolitics.cz/clanky/imigrace-a-politicke-strany-v-ceske-republice-2010-2013> (Дата обращения: 28.02.2019.)

Křesťansko-demokratická politika ve 21. Století – věc velmi aktuální // Oficiální web «Křesťanské demokratické unie – Československé strany lidové». 2010. 8 duben. URL: <http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2010/krestansko-demokraticka-politika-ve-21-stoleti-vec> (Дата обращения: 28.02.2019.)

KSČM na přelomu tisíciletí. 1999 // Oficiální web Komunistické strany České republiky a Moravy. URL: http://www.sds.cz/docs/prectete/e_kolekt/pr_ks_99.htm (Дата обращения: 21.02.2019.)

ODS chce zpřísnit imigrační politiku // BBC. 2002. 15 května. URL: <http://www.bbc.co.uk/czech/lupacr/213.shtml> (Дата обращения: 21.02.2019.)

Přepis z vystoupení Miloslava Výborného v pořadu Press klub // Oficiální web «Křesťanské demokratické unie – Československé strany lidové». 2001. 16 květen. URL: <http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2001/prepis-z-vystoupeni-miloslava-vyborneho-v-poradu-p> (Дата обращения: 28.02.2019.)

Řešení, která pomáhají. 2010 // Oficiální web České občansko-demokratické strany. URL: <http://www.ods.cz/docs/programy/volebni-program2010.pdf> (Дата обращения: 21.02.2019.)

Společně pro lepší život. Volební program 2006 // Oficiální web České občansko-demokratické strany. URL: http://www.ods.cz/docs/programy/program_2006.pdf (Дата обращения: 21.02.2019.)

Šmidová J., Holub P. Rozhovor s Vladimírem Špidlou // Český rozhlas Radiožurnál. 2008. 27 listopadu. URL: http://m.rozhlas.cz/cro6/stop/_zprava/520106 (Дата обращения: 20.02.2019.)

Tisková zpráva // Oficiální web Křesťanské demokratické unie – Československé strany lidové. 2004. 8 pochod. URL: [http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2004/tiskova-zprava-\(7\)](http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2004/tiskova-zprava-(7)) (Дата обращения: 28.02.2019.)

Usnesení vlády České Republiky č. 108/2004 o Akčním plánu boje s nelegální migrací ze dne 4 února 2004 // Vláda ČR. URL: https://kormoran.vlada.cz/usneseni/usneseni_webtest.nsf/0/ABF17A44EF9AEBD9C12571B6006E39E5 (Дата обращения: 02.02.2019.)

Volební program TOP 09 pro Prahu. 2010 // Oficiální web strany «TOP 09». URL: http://www.top09.cz/files/soubory/praha-5-praha-13_168.pdf (Дата обращения: 14.02.2019.)

Základní dlouhodobý program ČSSD «Otevřenost novým výzvám, věrnost tradici» // Oficiální web České sociálně demokratické strany. URL: http://www.cssd.cz/data/files/dlouhodoby_program_cssd_2003.pdf (Дата обращения: 20.02.2019.)

Zákon č. 216/2002 Sb., o ochraně státních hranic České republiky a o změně některých zákonů (zákon o ochraně státních hranic) ze dne 02 května 2002 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2002-216> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 221/2003 Sb., o dočasné ochraně cizinců ze dne 26 června 2003 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2003-221> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 262/2006 Sb., zákoník práce ze dne 21 dubna 2006 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-262> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 273/2008 Sb., o Policii České republiky ze dne 17 července 2008 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2008-273> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 325/1999 Sb., o azylu ze dne 11 listopadu 1999 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-325> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 326/1999 Sb., o pobytu cizinců na území České republiky ze dne 23 dubna 2014 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-326> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 40/1993 Sb., České národní rady o nabývání a pozbývání státního občanství České republiky ze dne 29 prosince 1992 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1993-40> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 435/2004 Sb., o zaměstnanosti ze dne 13 května 2004 // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2004-435> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Zákon č. 55/2003 Vyhláška, kterou se mění vyhláška č. 478/2000 Sb., kterou se provádí zákon o silniční dopravě // Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2003-55> (Дата обращения: 03.03.2019.)

Změny a naděje. Lepší budoucnost pro obyčejné občany lidí 2010 // CSSD.cz: Oficiální web České sociálně demokratické strany. URL: http://www.cssd.cz/data/files/volebni_program_velky_2010.pdf (Дата обращения: 03.03.2019.)

References

Aizpurvit K. Surprises and disappointments of parliamentary elections. Radio Praha. Russian Service. 2017. 21 Oct. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/syurprizy-i-razocharovaniya-parlamentskix-vyborov> (Date of access: 21.02.2019.) (In Russ.)

Bartoš A.B. Cizinci k nám zavlečou tuberkulózu a AIDS, strašil ve Sněmovně Rath. iDNES.cz. 2008. 22. srpna. URL: http://zpravy.idnes.cz/cizinci-k-nam-zavlecou-tuberkulozu-a-aids-strasil-ve-snemovne-rath-1dr-/domaci.aspx?c=A080822_132241_domaci_adb (Date of access: 21.02.2019.)

Beránková P., Rahimi F., Dvořáková M., Svetlíková M., Chocholáčková K. Česká imigrační politika: stát se vyhledávanou cílovou zemí? Program o českých zájmech v Evropě pro talanované student. Evropské hodnoty. 2013. URL: http://www.evropskehodnoty.cz/wp-content/uploads/2013/03/Background-paper_Imigrace-1.pdf (Date of access: 24.02.2019.)

Blažek J. Dušan Drbohlav a kol.: Migrace a (i)migranti v Česku: Kdo jsme, odkud přicházíme, kam jdeme? Praha: Slon, 2010. 207 s.

Bohuslavová R. Předseda Pirátů Bartoš: Nejsme vítáči migrantů a jít do vlády se nebojíme. Novinky.cz. 2017. 10 října. URL: <https://www.novinky.cz/domaci/451459-predseda-piratu-bartos-nejsme-vitaci-migrantu-a-jit-do-vlady-se-nebojime.html> (Date of access: 21.02.2019.)

Brezovská K. Babiš: ČR nepřijme žádného dalšího migranta, chce celoevropské řešení migrace. Radio Praha. 2018. 28 srpen. URL: <https://www.radio.cz/cz/rubrika/zpravy/babis-cr-neprijme-zadneho-dalsiho-migrantachce-celoevropske-reseni-migrace> (Date of access: 28.02.2019.)

Czech Civil Democratic Party elects the EU. Czech Civil Democratic Party: Official Website. URL: http://www.ods.cz/docs/programy/program_2002.pdf (Date of access: 21.02.2019.)

Čaněk M. Od vstřícné důslednosti k nepřizpůsobivým imigrantům? Analýza tématu mezinárodní migrace v programech politických stran před volbami do Poslanecké sněmovny. Migraceonline.cz. 2013. 24 říjen. URL: <http://www.migraceonline.cz/cz/e-knihovna/od-vstricne-duslednosti-k-nepripusobivym-imigrantum-analyza-tematu-mezinarodni-migrace-v-programech-politickyh-stran-pred> (Date of access: 28.02.2019.)

Čermáková D., Nekorjak M. Ukrainian middleman system of labour organisation in the Czech Republic. Journal of Economic and Social Geography. 2009. No. 100 (1). P. 9–43.

ČR není v situaci, kdy by mohla přijímat tisíce migrant. Oficiální stránky senátora Zdenka Shkromakh. URL: <http://www.skromach.cz/item/cr-neni-v-situaci-kdy-by-mohla-prijimat-tisice-migrantu> (Date of access: 21.02.2019.)

Czech Prime Minister called migration from Muslim countries a threat to European civilization. TASS. 2018. 2 Sept. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5515485> (Date of access: 03.10.2019.) (In Russ.)

Czech Republic. Extended migration profile. Building Migration Partnerships (PMP). Prague Process. Prague, 2010. 65 p. URL: https://www.pragueprocess.eu/fileadmin/PPP/Czech_Republic_-_Extended_Migration_Profile_RU.pdf (Date of access: 02.24.2019.) (In Russ.)

Chalánková, J. Sociální soudržnost začíná v rodinách. 2011. TOP 09: Official Website. 2012. 9 янв. URL: <http://www.top09.cz/regiony/olomoucky-kraj/medialni-vystupy/socialni-soudrznost-zacina-v-rodinach-8503.html> (Date of access: 14.02.2019.)

Dolejš (KSČM): Nejednoduché odpovědi na migraci // Parlamentní listy.cz. 2015. 19 leden. URL: <http://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Dolejs-KSCM-Nejednoduche-odpovedi-na-migraci-354833> (Date of access: 14.02.2019.)

Europe must have a global plan to stop migration, said Babish. RIA Novosti. 2018. 28 August. URL: <https://ria.ru/20180828/1527383472.html> (Date of access: 03.10.2019.) (In Russ.)

Foreigners in the Czech Republic // Český statistický úřad. 2017. 204 s. URL: <https://www.czso.cz/documents/10180/45709982/29002717.pdf/770a1c14-6ea7-4c47-831e-3936e3ca1ab3?version=1.2> (Date of access: 24.02.2019.)

Jaroslav Kubera: Žadatelé o státní občanství na něj mají právo, ne nárok // Český rozhlas Radiožurnál. 2013. 16 květen. URL: http://www.rozhlas.cz/radiozurnal/dvacetminut/_zprava/jaroslav-kubera-zadatele-o-statni-obcanstvi-na-nej-maji-pravo-ne-narok--1212583 (Date of access: 21.02.2019.)

Jistoty a prosperita. Volební program ČSSD pro volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu ČR // Oficiální web České sociálně demokratické strany. URL: <http://www.cssd.cz/data/files/volebni-program-2006.pdf> (Date of access: 20.02.2019.)

Karas J. Imigranti důchody nespasí // Hospodářské noviny. 2003. No. 10 (nestránkováno).

Koudelka J. Imigrace a politické strany v České republice (2010–2013) // Globalpolitics. 2014. 27 февр. URL: <http://www.globalpolitics.cz/clanky/imigrace-a-politicke-strany-v-ceske-republice-2010-2013> (Date of access: 28.02.2019.)

Křesťansko-demokratická politika ve 21. Století – věc velmi aktuální // Oficiální web «Křesťanské demokratické unie – Československé strany lidové». 2010. 8 duben. URL: <http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2010/krestansko-demokraticka-politika-ve-21-stoleti-vec> (Date of access: 28.02.2019.)

KSČM na přelomu tisíciletí. 1999 // Oficiální web Komunistické strany České republiky a Moravy. URL: http://www.sds.cz/docs/prectete/e_kolekt/pr_ks_99.htm (Date of access: 21.02.2019.)

Limonova N.A. The influence of globalization and integration on the realization of freedom of movement by a person. Migration Law. 2012. No. 4. P. 6–10. (In Russ.)

Marsheva V. The results of parliamentary elections in the Czech Republic: the triumph of Babis, the failure of the Social Democrats. 420 on.cz. 2017. 22 Oct. URL: <https://420on.cz/news/politics/54953-rezultaty-parlamentskih-vyborov-v-chehii-triumf-babisha-proval-sotsial-demokratov> (Date of access: 10.03.2019.) (In Russ.)

ODS chce zpřísnit imigrační politiku. BBC. 2002. 15 května. URL: <http://www.bbc.co.uk/czech/lupact/213.shtml> (Date of access: 21.02.2019.)

Přepis z vystoupení Miloslava Výborného v pořadu Press klub // Oficiální web «Křesťanské demokratické unie – Československé strany lidové». 2001. 16 květen. URL: <http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2001/prepis-z-vystoupeni-miloslava-vyborneho-v-poradu-p> (Date of access: 28.02.2019.)

Řešení, která pomáhají. 2010. Oficiální web České občansko-demokratické strany. URL: <http://www.ods.cz/docs/programy/volebni-program2010.pdf> (Date of access: 21.02.2019.)

Schelkov K. Miroslav Kalousek: «The Czech Republic has a typical socialist budget!». Radio Praha. Russian Service. 2015. 01 Sept. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/tema/miroslav-kalousek-u-chexii-tipichnyj-socialisticheskij-byudzhjet> (Date of access: 02.28.2019.) (In Russ.)

Šmídová J., Holub P. Rozhovor s Vladimírem Špidlou. Český rozhlas Radiožurnál. 2008. 27 listopadu. URL: http://m.rozhlas.cz/cro6/stop/_zprava/520106 (Date of access: 20.02.2019.)

Společně pro lepší život. Volební program 2006. Oficiální web České občansko-demokratické strany. URL: http://www.ods.cz/docs/programy/program_2006.pdf (Date of access: 21.02.2019.)

Tisková zpráva. Oficiální web Křesťanské demokratické unie – Československé strany lidové. 2004. 8. pochod. URL: [http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2004/tiskova-zprava-\(7\)](http://www.kdu.cz/aktualne/archiv/2004/tiskova-zprava-(7)) (Date of access: 28.02.2019.)

Tomio Okamura: no work – no benefits. Prague Express. 2014. 30 March URL: <https://www.prague-express.cz/society/182-main-news/42148-2014-03-27-09-16-55> (Date of access: 02.21.2019.) (In Russ.)

Turechkova E. Quotas – a dangerous precedent. Radio Praha. Russian Service. 2015. 23 Sept. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/kvoty-opasnyj-precedent> (Date of access: 02.28.2019.) (In Russ.)

Usnesení vlády České republiky č. 108/2004 o Akčním plánu boje s nelegální migrací ze dne 4. února 2004. Vláda ČR. URL: https://kormoran.vlada.cz/usneseni/usneseni_webtest.nsf/0/ABF17A44EF9AEBD9C12571B6006E39E5 (Date of access: 02.02.2019.)

Vashkova L. Czech Republic again said «no» to the acceptance of refugees. Radio Praha. Russian Service. 2018. 16 July. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/chexiya-vnov-skazala-net-prinyatiyu-bezhencev> (Date of access: 02.14.2019.) (In Russ.)

Volební program TOP 09 pro Prahu. 2010 // Oficiální web strany «TOP 09». URL: http://www.top09.cz/files/soubory/praha-5-praha-13_168.pdf (Date of access: 14.02.2019.)

Základní dlouhodobý program ČSSD «Otevřenost novým výzvám, věrnost tradici». Oficiální web České sociálně demokratické strany. URL: http://www.cssd.cz/data/files/dlouhodoby_program_cssd_2003.pdf (Date of access: 20.02.2019.)

Zákon č. 216/2002 Sb., o ochraně státních hranic České republiky a o změně některých zákonů (zákon o ochraně státních hranic) ze dne 02. května 2002. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2002-216> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 221/2003 Sb., o dočasné ochraně cizinců ze dne 26. června 2003. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2003-221> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 262/2006 Sb., zákoník práce ze dne 21. dubna 2006. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2006-262> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 273/2008 Sb., o Policii České republiky ze dne 17. července 2008. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2008-273> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 325/1999 Sb., o azylu ze dne 11. listopadu 1999. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-325> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 326/1999 Sb., o pobytu cizinců na území České republiky ze dne 23. dubna 2014. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-326> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 40/1993 Sb., České národní rady o nabývání a pozbývání státního občanství České republiky ze dne 29. prosince 1992. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/1993-40> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 435/2004 Sb., o zaměstnanosti ze dne 13. května 2004. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2004-435> (Date of access: 03.03.2019.)

Zákon č. 55/2003 Vyhlaška, kterou se mění vyhláška č. 478/2000 Sb., kterou se provádí zákon o silniční dopravě. Zákony pro lidi. URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2003-55> (Date of access: 03.03.2019.)

Změny a naděje. Lepší budoucnost pro obyčejné občany lidí 2010. ČSSD.cz: Oficiální web České sociálně demokratické strany. URL: http://www.cssd.cz/data/files/volebni_program_velky2010.pdf (Date of access: 03.03.2019.)

Ф.О. Трунов

**ПОЗИЦИЯ ФРГ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ
АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА**

***Аннотация.** Арабо-израильский конфликт продолжает оставаться одним из «нервов» процессов, происходящих на Ближнем Востоке. «Новое прочтение» проблемы привнесли решения администрации Д. Трампа по Иерусалиму (2017) и Голанским высотам (2019), которые обозначили отход США от согласованной с западными партнерами позиции. Отмечается, что на этом фоне возможный переход арабо-израильского конфликта из «тлеющей» в «горячую» фазу во многом зависит от позиции России и европейских держав НАТО. В данной связи в статье исследуется линия Германии по урегулированию с начала 1990-х годов. Основным методом является ивент-анализ.*

Отмечается последовательная поддержка ФРГ созданию самостоятельного Палестинского государства. Официальный Бонн / Берлин рассматривал этот фактор как ключевой для обеспечения безопасности Израиля с учетом особой исторической ответственности Германии за это. В статье исследуется позиция ФРГ по сохранению коллегиальной позиции Запада в условиях односторонних решений администрации Д. Трампа. Исследуется динамика отношений Германии с Египтом и Иорданией на примере сотрудничества с каждой из этих стран в политико-военной области. Отмечается возрастающая роль Иордании во внешнеполитическом планировании ФРГ.

Рассматриваются усилия ФРГ по урегулированию вооруженного конфликта на юге Ливана (33-дневной войны) между Израилем и движением «Хезболла» (2006) как составной части арабо-израильского конфликта. Исследуется германский вклад в реформирование сектора безопасности Ливана (в первую очередь, военно-морских сил). В связи с этим рассматривается военно-техническое сотрудничество Германии и Израиля, особенно поставки подводных лодок последнему.

В выводах оценивается потенциал влияния ФРГ на ход урегулирования арабо-израильского конфликта и перспективная линия в данном вопросе.

Ключевые слова: Германия; арабо-израильский конфликт; урегулирование; Палестина; Ливан; «фактор Трампа».

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы
и Америки ИНИОН РАН. E-mail: 1.trunov@mail.ru

Ph.O. Trunov. The German Position Towards the Settlement of the Arab-Israeli Conflict

Abstract. *The Arab-Israeli conflict remains one of the most intractable problems in the Middle East region. It is getting even more complicated after the Trump administration decisions on Jerusalem (2017) and the Golan Heights (2019), which signaled the departure of the US from the line traditionally pursued by the Western powers.*

The article argues that the current situation in the region is fraught with the danger of escalating from a «smoldering» phase into a «hot» military conflict and that the settlement of the conflict is in many ways dependent on the position of Russia and the European NATO powers. In this connection, the paper focuses on the way Germany has dealt with the Arab-Israeli conflict since the beginning of the 1990s. The main method used for the consideration of the issue is event-analysis.

Emphasized is the consistent support of the FRG for the creation of the independent Palestinian state. Official Bonn / Berlin has always regarded this factor as a key prerequisite for Israel's security, stressing Germany's special mission for that in terms of historic responsibility. Nowadays the FRG is striving to ensure that the West retains a position of solidarity in the face of unilateral decisions of the Trump administration. Analyzed is the dynamics of Germany's policy towards Egypt and Jordan in the military domain, with Jordan playing an ever increasing role in the FRG's foreign policy planning.

Analyzed are the FRG's efforts aimed at the settlement of the military conflict in the South of Lebanon (the so called 33-day war) between Israel and the Hezbollah movement (2006), the latter being part of the Arab-Israeli conflict. Further, the author explores the German contribution into reforming the Lebanon's security institutions, primarily its naval forces. In this connection, attention is also paid to the military collaboration between Germany and Israel, in particular the delivery of submarines to the country.

In conclusion the paper assesses the potential of the FRG's influence on the settlement of the Arab-Israeli conflict and the general prospects for the future of the region.

Keywords: *Germany; Arab-Israeli conflict; peaceful settlement; Palestine; Lebanon; the Trump factor.*

**Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Science,
Senior Researcher, Department of Europe and America,
INION RAS, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru**

Арабо-израильский конфликт является одним из «нервов» ситуации на Ближнем Востоке в целом. С 1973 г. его развитие на протяжении длительных временных отрезков протекало в «тлеющей» фазе с отдельными вспышками насилия, особенно в Палестине. Масштабным отступлением от этой тенденции стала «33-дневная война» на юге Ливана (2006) между Израилем и движением «Хезболла». Однако усилиями заинтересованных игроков – в первую очередь России, а также стран – участниц ЕС – этот конфликт был де-факто «заморожен». Даже в условиях разрастания гражданской войны в Сирии (с 2011 г.) арабо-израильский конфликт не перешел в «горячую фазу».

Сохранение длительного относительного спокойствия в его зоне объяснялось широким согласием ведущих мировых игроков в необходимости двигаться по пути создания независимого Палестинского государства, при этом придерживаясь принципа взвешенности и учета интересов всех сторон конфликта. Однако односторонние, в интересах исключительно официального Тель-Авива, решения администрации Д. Трампа по признанию Иерусалима столицей Израиля (декабрь 2017 г.) и его суверенитета над оккупированными в 1967 г. Голанскими высотами (март 2019 г.) могут стать «детонаторами» нового перехода (в том числе отложенного по времени) арабо-израильского конфликта в «горячую фазу». В значительной степени недопущение или, наоборот, реализация данного сценария будет зависеть от позиции ведущих держав за пределами Евро-Атлантического сообщества, равно как и европейских держав НАТО – в том числе ФРГ, чье влияние на Ближнем Востоке в целом возрастает.

Западные, особенно германские, исследователи создали существенный задел в изучении данной проблематики [Actors 2018; GermanMiddle 2009, с. 22–30]. Весомый вклад в ее разработку – особенно в историческом контексте [Дудайти 2009] – внесли и отечественные ученые. Вместе с тем в большинстве работ рассматривались лишь достаточно короткие временные отрезки (в основном позиция ФРГ по точечным вопросам), при этом не изучались в единой связке подходы Германии к решению «палестинской проблемы», стабилизации ситуации на юге Ливана и вопросам взаимодействия с Египтом и Иорданией. В статье предпринята попытка восполнить указанные пробелы.

Подход ФРГ к решению «палестинского вопроса»

На этапе институционализации переговорного процесса по «палестинскому вопросу» (1991–1993) ФРГ не играла сколько-нибудь заметной роли в нем, в отличие от США и России. Это объяснялось, во-первых, фокусированием внимания официального Бонна на урегулировании широкого комплекса еще остававшихся внешнеполитических вопросов, связанных с объединением (1990), – в первую очередь обеспечением начала вывода советских войск из «новых» (восточных) земель. Во-вторых, ФРГ не имела в тот момент достаточно прочных общеполитических позиций на Ближнем Востоке. Этот фактор множилась на наличие дилеммы для Германии в деле урегулирования конфликта – как пройти между Сциллой и Харибдой: особой исторической ответственностью за безопасность Израиля (особенно учитывая феномен холокоста) и учетом интересов Палестины и в целом арабских стран.

На протяжении «классической» холодной войны ФРГ установила и развивала достаточно тесные контакты с Израилем, в том числе в такой чувстви-

тельной области, как военно-техническая¹. В 1968 г. состоялся тайная сделка: в обмен на 200 т обогащенного урана Германия получила от Израиля технологию производства лазера (с доплатой) [Примаков 2006, с. 342]. Официальный Бонн в полной мере признал ответственность за членоконенавистнические действия Третьего рейха в отношении еврейского народа, а потому и необходимость заботы ФРГ о мирном и безопасном существовании созданного им государства. С учетом этого фактора, а также положением ведомого со стороны США в годы «классической» холодной войны (особенно в военно-политической области) Западная Германия не могла осуждать оказание Израилю масштабной военной помощи Соединенными Штатами. Однако официальный Бонн ни разу не выразил поддержку израильским территориальным претензиям, стремясь проводить сбалансированный курс «строгого неприсоединения» [Дудайти 2009, с. 81–83].

Формально ФРГ продолжила эту линию с 1990-х годов, однако де-факто она начала все больше поддерживать палестинскую сторону. Развивая решения «Осло-1», ФРГ одной из первых в мире признала международную правосубъектность Палестинской национальной автономии (ПНА). Уже в начале 1994 г., в опережение своих партнеров по НАТО и ЕС, германская сторона учредила постоянное дипломатическое представительство в Рамалле – административном центре ПНА. Символично, что улица, на которой было размещено учреждение МИД ФРГ, палестинскими властями была переименована в Берлинскую [см.: Deutsches Vertretungsbüro 2019]. Тем самым Германия продемонстрировала приверженность созданию самостоятельного Палестинского государства. Лишь его возникновение и стабильное развитие как зрелого института власти (в том числе способного бороться с радикализмом) стали рассматриваться ФРГ как залог безопасного существования Израиля [Der Nahostkonflikt 2018].

Каковы причины отмеченной динамики политико-дипломатических усилий правительства Г. Коля / К. Кинкеля (ХДС / ХСС и СвДП) в 1994 г.? Во-первых, их следует рассматривать в качестве элемента «прецедентной дипломатии», т.е. опережающего партнеров по евро-атлантическим институтам использования дипломатических инструментов – прежде всего с целью официального признания и установления дипломатических отношений, в первой половине 1990-х годов. «Прецедентная дипломатия» «черно-желтого» кабинета позволила существенно укрепить позиции ФРГ в различных регионах мира, став важной вехой на пути самоидентификации Германии, т.е. движения по пути возвращения стране статуса державы. Вторая причина –

1. Израиль со времени «классической» холодной войны получает существенную (до 1/3 от стоимости) скидку на закупаемые у ФРГ вооружения и военную технику. – Прим. авт.

желание достичь дипломатическими средствами «точки невозврата» в процессе постепенного строительства независимого Палестинского государства. Тем самым Германия укрепляла свои позиции в мусульманских странах Ближнего Востока, в целом поддерживавших палестинских арабов в их стремлении создать собственную государственность. При этом официальный Бонн / Берлин придерживался принципа взвешенности, не переходя «красную черту» в виде повышения статуса диппредставительства до посольства.

Однако шаги Германии, равно как и других государств – сторонников реализации «Осло-1», не привели к сдвигу в урегулировании «палестинского вопроса». Как и предполагала германская сторона, регресс в урегулировании проблемы Палестины увеличил угрозы безопасности для населения Израиля. Новый рост напряжения в зоне конфликта, в том числе отказ официального Тель-Авива от заключения «Осло-2» (1996), в итоге привел к началу второй интифады² (2000), т.е. вооруженной борьбы палестинцев с применением террористических тактик.

На этом фоне германская дипломатия активно поддерживала попытки поиска выхода из тупиковой ситуации, в частности план администрации Дж. Буша-младшего по созданию независимого Палестинского государства в короткие сроки (2002), который встретил поддержку России. При этом правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера поддержало активное вовлечение в процесс выработки договоренностей ООН и ЕС. «Ближневосточный квартет» (Россия, США, Европейский союз и ООН) в начале 2003 г. выработал «дорожную карту» по полному урегулированию «палестинского вопроса», включавшему три фазы:

1) отказ от применения террористической тактики и насилия в целом (срок выполнения – до мая 2003 г.) (т.е. добровольное окончание второй интифады при одновременном отказе Израиля от строительства новых еврейских поселений на спорных территориях и проведения силовых акций);

2) переходный период (май–ноябрь 2003 г.), на котором третья сторона (США, РФ, ЕС и ООН) осуществляла бы мониторинг и оценивала степень завершенности мер в рамках первого этапа;

3) образование Палестинского государства (2004–2005) как средства полного урегулирования конфликта [Fahrplan, 2003].

Однако выполнение «дорожной карты» было сорвано. Помимо неуступчивости сторон конфликта (особенно Израиля) и смерти Я. Арафата (2004) – общепризнанного лидера палестинского народа – косвенное, однако значимое, влияние оказали военно-политический кризис вокруг Ирака (февраль–март 2003 г.) и последовавшее вторжение в страну «коалиции желающих» во

2. Первая интифада началась в 1987 г. и фактически завершилась лишь с запуском переговорного процесса по Палестине. – Прим. авт.

главе с США. Солидаризировавшись с Россией и официальным Парижем, германское правительство не просто не поддержало администрацию Дж. Буша-мл., но стремилось дипломатическими средствами помешать началу операции, используя возможности ООН, МАГАТЭ и «треугольника» РФ – ФРГ – Франция. Кабинет Г. Шрёдера / Й. Фишера не исключал возможности применения данного переговорного механизма для урегулирования арабо-израильского конфликта [Заявление для прессы 2003], но эти планы не были претворены на практике. Предпочтительнее для ФРГ осталось сотрудничество с партнерами по Евро-Атлантическому сообществу и особенно ЕС.

Официальный Берлин весьма негативно отреагировал на победу радикального течения ХАМАС во время выборов в Палестинский законодательный совет (2006), в частности это выразилось во временном сокращении объемов официальной помощи развития (ОПР), направляемой ФРГ в ПНА. Однако это отнюдь не означало пересмотра Германией линии на поддержку самостоятельного Палестинского государства. При этом в качестве фокусных партнеров в ПНА официальный Берлин рассматривал: движение «ФАТХ», президента ПНА М. Аббаса, а также коммунальные (муниципальные) органы власти.

С 2010 г. с частотой в два года стали проходить встречи германо-палестинского «Комитета по налаживанию управления». Со стороны ФРГ работой данного органа руководил министр иностранных дел Палестины – премьер-министр ПНА (с 2013 г. этот пост занимает Р. Хамдалла). Его основной задачей является содействие властям ПНА всех уровней в государственном строительстве – особое внимание уделяется поддержке в проведении институциональных реформ, а также углублению сотрудничества в сферах водоснабжения, культуры и научных исследований [Beziehungen zu Deutschland, 2018]. Именно на эти направления расходуется основной объем официальной помощи развития – всего с начала 1980-х годов ОПР было предоставлено на сумму в 1,2 млрд долл. [Hilfe für Palästina 2018], что, согласно расчетам автора, составило лишь около 7 евро на одного жителя ПНА. Параллельно ФРГ оказывает большую гуманитарную помощь – в том числе палестинским беженцам на территории Иордании и Сирии. Так, в 2017 г. из общего объема германских ассигнований на Палестину в 133,5 млн евро ОПР составила 78,5 млн (58,8%), гуманитарная помощь – 34,5 млн (25,8), отдельные программы по развитию культуры и образованию – до 5 млн (около 4%), реформа сектора безопасности 6,1 млн евро [Hilfe für Palästina 2018] (4,5%).

Параллельно – также с 2010 г. – Германия включилась в реформу сектора безопасности ПНА. Основное внимание уделяется помощи в подготовке кадров национальной полиции, ставшей с 2008 г. основной внутripалестинской

силой, борющейся с наиболее радикальными представителями движения ХАМАС³. Работа германских специалистов по обучению и переподготовке кадров полиции в самой ПНА сочетается с командированием палестинских стражей порядка в Высшую специальную (полицейскую) школу в федеральной земле Бранденбург [Hilfe für Palästina 2018].

На этом фоне ФРГ оказывает значительную общеполитическую поддержку ПНА. В связи с этим показательна взаимность интенсивных визитов высших должностных лиц Германии и Палестины – соответственно, представители последней не выступают в роли просителей, приезжающих к старшему партнеру. Так, 24 марта 2017 г. президент М. Аббас провел в Берлине переговоры с канцлером А. Меркель, а уже 9 мая 2017 г. принимал у себя в Рамалле федерального президента Ф.-В. Штайнмайера. В большинстве случаев германские руководители прибывали в ПНА после переговоров в Израиле, тем самым вновь подчеркивая свою приверженность принципу «двух государств как основы урегулирования» [Beziehungen zu Deutschland, 2018]. Другой значимой причиной столь интенсивных взаимных двусторонних контактов на высшем и высоком уровнях является стремление официального Берлина продемонстрировать поддержку лично президенту М. Аббасу и движению «ФАТХ», сдерживая радикализм ХАМАС. Эта особенность развития ПНА как с объективной, так и субъективной (используется официальным Тель-Авивом для обоснования своей неуступчивости) точек зрения рассматривается ФРГ в качестве одного из «тормозов» на пути урегулирования.

Таким образом, с одной стороны, Германия прилагает активные усилия (экономические, политико-дипломатические и политико-военные) по помощи ПНА в деле строительства зрелой государственной системы даже в условиях ее нынешнего статуса. С другой стороны, официальный Берлин последовательно поддерживает линию на строительство полноценного с международно-правовой точки зрения Палестинского государства. Так, германская сторона на регулярной основе (через Дипломатическую службу ЕС) участвует в подготовке встреч «Ближневосточного квартета» [Der Nahostkonflikt 2018], несмотря на имеющийся кризис в отношениях Запада и РФ.

В связи с этим логичным стало жесткое неприятие ФРГ решения администрации Д. Трампа от 6 декабря 2017 г. о признании всего Иерусалима (т.е. включая его восточную часть) столицей Израиля с последующим переносом посольства США в этот город из Тель-Авива. Уже 11 декабря 2017 г.

3. После победы на выборах (2006) руководство ХАМАС попыталось распустить национальную полицию и набрать в ее ряды своих сторонников. Однако президент М. Аббас и «ФАТХ» оказали этому сопротивление, сумев сохранить контроль над полицией, которая и стала основным инструментом попыток силового захвата власти и провоцирования Израиля со стороны ХАМАС. – Прим. авт.

правительство ФРГ заявило о «развороте позиции на 360°», т.е. сохранении приверженности созданию Палестинского государства, в том числе на части Иерусалима [360 grad Jerusalem 2017]. При этом «палестинская проблема», особенно с 2006 г., все теснее оказывается связана с «ливанским вопросом».

Вклад ФРГ в стабилизацию обстановки на юге Ливана

«33-дневная война» между Израилем и «Хезболлой» на юге ливанской территории (2006) показала возможность масштабной «разморозки» арабо-израильского конфликта как минимум на одном из направлений. В связи с этим показательна достаточно оперативная реакция ведущих мировых игроков (в том числе России) по достижению и реализации договоренностей о прекращении огня. В зоне вооруженного конфликта на основании резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН № 1701 от 11 августа 2006 г. стала разворачиваться миротворческая миссия ООН UNIFIL (ВСООНЛ). При ее общей изначальной численности в 15 тыс. военнослужащих Бундестаг санкционировал по просьбе федерального правительства направление контингента с «потолком» в 2,4 тыс. солдат и офицеров [Antrag 2006, S. 3] (в реальности – свыше 2,0 тыс.). С точки зрения автора, столь масштабное вовлечение ФРГ в урегулирование объяснялось стремлением существенно укрепить свои позиции на Ближнем Востоке в качестве миротворца, т.е. значимого внешнего игрока для региона. Подразделения бундесвера и люфтваффе должны были обеспечивать логистическую поддержку основной массы миротворцев ВСООНЛ на юге Ливана [Antrag 2006, S. 3]. Данные силы были в основном выведены к 2014–2015 гг. не только из-за успешного выполнения задач, но и из-за опасения подвергнуться атаке (а следовательно, и понести потери) со стороны террористов, усиливающих свои позиции в Сирии (до осени 2015 г.). Их удары могли привести либо к отзыву мандата Бундестага, либо к втягиванию Германии в гражданскую войну в САР, чего официальный Берлин стремился избежать в принципе.

При этом ключевой задачей контингента бундесвера в составе UNIFIL являлось выполнение функций «рамочного государства» (т.е. принятие на себя управленческих задач и предоставление не менее 40% от общей численности единиц техники и личного состава) в комплектовании и деятельности военно-морских сил миссии. Так, в 2006–2007 гг. при общей численности флотского соединения UNIFIL в 1330 военнослужащих на долю ФРГ приходилось 875 [Antrag 2007, S. 2–3] (т.е. 65,8%). Эти силы были ответственны за возобновление регулярного пассажирского и грузового сообщения через ливанские порты, а также содействие росту весьма ограниченной в реалиях

2006 г. мощи ВМС Ливана⁴. Тем самым должно было быть обеспечено снятие установленной израильским флотом блокады ливанского побережья. Оперативная группа ВМС Германии (ее состав с обновлением на ротационной основе включал 1–3 фрегата, 1–2 корвета и группу патрульных катеров) сосредоточилась в ливанских территориальных водах к 15 октября 2006 г., используя для текущего ремонта и отдыха порты Бейрута, Сайды (Сидона) и Триполи [Antrag 2007, S. 5–6]. Боевые суда ФРГ, особенно в наиболее проблемный период 2006–2009 гг., сыграли ключевую роль в стабилизации ситуации в прилегающей к Ливану морской зоне. Примечательно, что в 2006–2008 гг., а вслед за этим с 1 сентября по 15 ноября 2009 г. действиями флотского соединения в составе UNIFIL руководили офицеры ВМС ФРГ [Einsatz der Bundeswehr 2019].

С конца 2000-х годов все бóльшая нагрузка в обеспечении охраны территориальных вод Ливана стала перекладываться на собственный флот страны. В его состав уже в 2009 г. ФРГ передала три подержанных патрульных катера; с 2011 г. на каждый катер самого германского контингента в составе UNIFIL стали приниматься для прохождения практики два ливанских морских кадета. Германские и ливанские военно-морские суда стали с начала 2010-х годов выходить на боевое дежурство попарно. В г. Джуния был открыт военно-учебный центр, где офицеры бундесмарине обучали личный состав ливанского флота (в первую очередь, младших командиров) искусству навигации, управления кораблем и тактическим приемам. Часть этих занятий проходила на специальном тренажере, имитирующем пункт управления боевым кораблем. Эта техника была передана ФРГ также на безвозмездной основе. Особо следует отметить передачу Германией Ливану девяти радиолокационных станций к 2013 г., что позволило отслеживать перемещения судов вдоль всей линии побережья этой ближневосточной страны [Einsatz der Bundeswehr 2019]. Данный фактор сыграл определенную роль в сокращении потоков беженцев из САР, Ирака и других стран Ближнего Востока, стремящихся различными путями – в том числе, через порты Ливана – попасть в ЕС, что в итоге спровоцировало миграционный кризис 2015–2016 гг.

В целом к середине 2010-х годов при активном участии официального Берлина были существенно увеличены возможности ВМС Ливана по охране побережья. При этом они не могли проводить масштабных наступательных операций, а следовательно, и не воспринимались Израилем в качестве

4. Войска центрального правительства, в том числе ВМС, в Ливане традиционно были достаточно слабыми. Большими возможностями обладали военизированные формирования этноконфессиональных групп населения страны, в особенности движение «Хезболла», с которым Израиль де-факто и вел боевые действия на юге Ливана. – Прим. авт.

серьезной угрозы. Интересно также, что в 2014–2015 гг. ФРГ осуществила масштабные поставки военной техники – в первую очередь подводных лодок – Израилю [Bericht der Bundesregierung 2016, S. 102]. По мнению автора, это проявление «сбалансированности» как принципиального подхода к урегулированию арабо-израильского конфликта.

К 2018–2019 гг. ФРГ существенно сократила свое военно-морское присутствие в Ливане (реальная численность 125–140 военнослужащих при «потолке» в 300 [Antrag 2017, S. 2, 5]). Формальное основание для этого – длительное (с 2006 г.) сохранение режима прекращения огня. Этому способствует постоянная работа вновь созданной сразу после «горячей» фазы конфликта трехсторонней контактной группы (Израиль – Ливан (официальное правительство) – ООН). ФРГ, особенно в периоды своего избрания постоянным членом СБ ООН (2011 / 2012 гг., а также 2019 / 2020 гг.) [см.: Antrag 2017, S. 5], играет весьма активную роль в работе контактной группы. Параллельно ФРГ интенсифицировала контакты с другими региональными игроками, заинтересованными в урегулировании конфликта, – Иорданией и Египтом.

Политико-военные контакты ФРГ с Египтом и Иорданией: Возможности для влияния на арабо-израильский конфликт?

Обращает на себя внимание динамика сотрудничества Германии с Египтом в такой чувствительной сфере, как военно-техническая, особенно в сравнении с Израилем (табл.).

Таблица

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБЪЕМОВ ВОЕННОГО ЭКСПОРТА ФРГ В ИЗРАИЛЬ, ЕГИПЕТ, ИОРДАНИЮ И ЛИВАН В 2010-е годы (млн евро)*

Год	Страна			
	Израиль	Египет	Иордания	Ливан
2011	62,9	74,2	0,9	1,2
2012	49,1	10,7	1,1	0,8
2013	266,5	13,2	10,1	1,8
2014	684,6	22,7	1,4	4,4
2015	507,2	18,7	7,3	1,3
2016	53,9	399,8	16,6	4,6
2017	123,3	708,3	31,5	1,0

* Рассчитано автором на основе: [Bericht der Bundesregierung 2016; Bericht der Bundesregierung 2018].

В середине 2010-х годов региональным лидером по импорту германской военной продукции был Израиль – в 2013 г. он закупил большую партию

тяжелой бронетехники и особенно комплектующих к ней (прежде всего для танков), а в 2014–2015 гг. – серию передовых по своим тактико-техническим характеристикам дизельных подводных лодок (ПЛ) проекта 212 А [Bericht der Bundesregierung 2016, S. 102]. В 2016–2017 гг. место ключевого государства – закупщика вооружений и военной техники из ФРГ на Ближнем Востоке занял Египет – вслед за Израилем он закупил большую партию ПЛ проекта 212 А и торпед [Bericht der Bundesregierung 2016, S. 73]. Чем объяснялась эта тенденция? Прежде всего совпадением собственно коммерческих и общеполитических интересов. Израиль традиционно развивал активное военно-техническое сотрудничество со странами – участницами НАТО; Египет превратился в этой связи в ценного партнера ФРГ после прихода к власти фельдмаршала (т.е. представителя армии) А.-Ф.Х. Ас-Сиси (с 2014 г. президент АРЕ). С одной стороны, в целом (за исключением пребывания у власти «Братьев-мусульман») официальный Тель-Авив не был жестко настроен против АРЕ с учетом фактора Кэмп-Дэвидских соглашений (1978). Они, как отмечал выдающийся отечественный востоковед Е.М. Примаков, по сути были сепаратной сделкой по формуле «мир в обмен на территории» – принесла выгоду Египту, они отнюдь не способствовали ускорению процесса урегулирования арабо-израильского конфликта [Примаков 2006]. Официальный Бонн (с 1999 г. Берлин), напротив, весьма позитивно оценивал Кэмп-Дэвидские соглашения, заключенные при посредничестве США, считая, что они сужают потенциальный ареал для новых вспышек организованного насилия.

С другой стороны, во второй половине 2010-х годов Египет вновь начинает демонстрировать стремление принять на себя роль лидера (одного из лидеров) арабских стран на Ближнем Востоке. В связи с этим переоснащение Израиля (в первую очередь, военно-морское и в меньшей степени наземное) де-факто уравнивается масштабными поставками вооружений и военной техники (также в интересах флота и армии) в Египет. Тем самым ФРГ вновь реализует сбалансированную линию на сохранение тесных контактов со всеми сторонами (разумеется, за исключением радикальных сил) арабо-израильского конфликта.

Германо-египетские отношения обладают большим потенциалом для развития именно в сфере урегулирования конфликтов – в первую очередь, межливийского и арабо-израильского. В первом случае наблюдается интерес ФРГ к АРЕ. Именно действия большинства европейских стран – участниц Альянса во главе с Францией и Великобританией (не поддержанные в военном отношении Германией) по борьбе с режимом М. Каддафи привели к обрушению института государства в Ливии. Однако в условиях «горячей фазы» межливийского конфликта, в котором активную роль играют террористы

(в первую очередь, боевики «Исламского государства»⁵ и аффилированных с ним структур), государства – члены ЕС и НАТО не готовы развертывать полномасштабной миротворческой миссии. Этим и обуславливается интерес к Египту, способному (в том числе посредством контактов с фельдмаршалом Х. Хафтаром, которого не поддерживают страны Запада) внести существенный вклад в прекращение гражданской войны. Лишь по завершении ее острой фазы Запад готов полномасштабно включиться в урегулирование.

В случае арабо-израильского конфликта, наоборот, уже Египет больше заинтересован в ФРГ. Если обе стороны смогут эффективно координировать свои действия – в первую очередь по ослаблению позиций ХАМАС в секторе Газа, то это позволит АРЕ частично восстановить свои позиции в области урегулирования, подорванные после Кэмп-Дэвидских соглашений (1978), а следовательно, и усилить позиции в регионе в целом.

Параллельно динамично развиваются и отношения ФРГ с Иорданией. Хашимитское королевство вторым из арабских государств подписало мир с Израилем (1994), что германское руководство расценило весьма позитивно [Deutschland und Jordanien 2019]. В условиях спада в германо-турецких отношениях части бундесвера (в основном из состава люфтваффе), участвующие в операции по борьбе с ИГ в составе II западной антитеррористической коалиции в воздушном пространстве Сирии и Ирака, были перебазированы из Турции (Инджирлик) в Иорданию (Аль-Ашрак) (к октябрю 2017 г.). Резко возросшую значимость Хашимитского королевства во внешнеполитическом планировании ФРГ показывают частота и характер визитов высших должностных лиц Германии в Иорданию. Так, в январе 2018 г. в стране побывали федеральный министр Ф.-В. Штайнмайер (чье влияние на принятие решений, вопреки политическим традициям ФРГ, весьма велико) и министр обороны У. фон дер Ляйен. А уже в июне 2018 г. в Иорданию с визитом прибыли А. Меркель, министр иностранных дел Х. Маас и президент Бундесрата М. Мюллер – факт вдвойне показательный для ФРГ как парламентской демократии. К 2018 г. годовой объем торгового оборота двух стран достиг отметки в 775 млн евро, причем экспорт из Германии в 27 раз (!) превысил импорт [см.: Deutschland und Jordanien 2019]. В обмен на принятие Иорданией значительных масс сирийских беженцев (которые в противном случае могли устремиться в ЕС) в 2016 г. Ф.-В. Штайнмайер (тогда в статусе главы МИД ФРГ) выступил за снятие части барьеров на уровне ЕС для торговли с Хашимитским королевством. Германия уверенно занимает второе место (после США) по объемам ОПР, предоставляемой Иордании [см.: Deutschland und Jordanien

5. *Запрещенная в России террористическая организация. – Прим. авт.*

2019]. В связи с этим обращает на себя внимание и рост военно-технической кооперации двух стран (см. табл.).

Для Германии разветвленные контакты с официальным Амманом – важная основа для отношений с ПНА, особенно для обеспечения стабильного и безопасного развития территорий на Западном берегу р. Иордан. Так, ФРГ координировала свои усилия с Хашимитским королевством с целью недопущения (или минимизации) силового противодействия Израилю со стороны жителей ПНА после односторонних решений администрации Д. Трампа по признанию суверенитета Израиля над всем Иерусалимом (декабрь 2017 г.) и Голанскими высотами (март 2019 г.). При этом степень жесткости реакции ФРГ во втором случае была существенно ниже, чем в первом [см.: Bundesregierung schließt 2019]. Это объяснялось двойственностью того положения, в котором оказался официальный Берлин в данном вопросе. Германия должна была продемонстрировать приверженность магистральным принципам урегулирования арабо-израильского конфликта в целом, в первую очередь неприятию односторонних шагов. В то же время ФРГ стремилась избежать оказания любой поддержки (даже косвенной) официальным властям САР во главе с президентом Б. Асадом. Он воспринимается Западом в качестве оппонента в противовес «умеренной оппозиции» в условиях гражданской войны в Сирии. При этом ни Германия (равно как и страны Запада в целом), ни Израиль не признали колоссального, пусть и опосредованного, вклада официального Дамаска и его союзников – России и Ирана – в урегулирование арабо-израильского конфликта. Резко ослабив ИГ (с осени 2015 г.), эти государства не дали хорошо организованным силам террористов подойти к границам Израиля – страны, обладающей ядерным оружием, что могло привести к непредсказуемым последствиям для Ближнего Востока и всего мира.

* * *

Германия стремится увеличить свое влияние на ход арабо-израильского конфликта, что является частью стремления к общему укреплению ее позиций на Ближнем Востоке. ФРГ последовательно реализует сбалансированный курс, стремясь быть в равноудаленном положении от всех сторон конфликта. Поэтому значимые шаги (общеполитические, военно-технические) навстречу одной из них неоднократно уравнивались аналогичными или как минимум соразмерными действиями в отношении другой.

В целом германской стороной не были осуществлены какие-либо «прорывные» решения в области урегулирования; не следует ожидать подобных инициатив и как минимум в среднесрочной перспективе. Вместе с тем реализуемая официальным Бонном / Берлином политика «малых шагов» приносит определенные плоды – в первую очередь в деле стабилизации обстановки на

юге Ливана и строительства зрелого аппарата государственной власти в ПНА. Существенный потенциал для сотрудничества в области урегулирования имеют германо-египетские и особенно германо-иорданские отношения.

В перспективе ФРГ будет активизировать свои усилия на всех направлениях арабо-израильского конфликта, постепенно стремясь привести их к единому знаменателю – в первую очередь под эгидой ООН.

Библиография

Дудайти А.К. Октябрьская война 1973 г. на Ближнем Востоке и позиция ФРГ // Научные ведомости Белгородского университета. 2009. Серия: История. Политология. № 7 (62). С. 80–86.

Заявление для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции после трехсторонних переговоров президента России В.В. Путина с федеральным канцлером ФРГ Г. Шрёдером и президентом Франции Ж. Шираком, Санкт-Петербург, 11 апреля 2003 года // МИД РФ: Официальный сайт. 2003. 14.04. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/de/-/asset_publisher/No2VLi5PHLYX/content/id/524662 (Дата обращения 30.03.2019.)

Примаков Е.М. Ближний Восток: на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2006. 382 с.

Actors in the Israeli-Palestinian Conflict. Interests, Narratives and the Reciprocal Effects of the Occupation / Lintl P. (Ed.). Berlin: SWP Research Paper, 2018. 64 p.

Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/2572. 13.09.2006. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der «United Nations Interim Force in Lebanon» (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/12492. 24.05.2017. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte im Rahmen der «United Nations Interim Force in Lebanon» (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/6278. 28.08.2007. 8 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Rüstungsexportbericht 2015. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Rüstungsexportbericht 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. 116 S.

Beziehungen zu Deutschland (von Palästinischen Gebieten) // Auswärtiges Amt: Official Website. 2018. Jan. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/palaestinensischegebiete-node/-/204432> (Дата обращения: 30.03.2019.)

Bundesregierung schließt Sanktionen gegen USA wegen syrischer Golanhöhen nicht aus // RT Deutsch. 2019. 25.03. URL: <https://deutsch.rt.com/international/86340-bundesregierung-schliesst-sanktionen-gegen-usa/> (Дата обращения: 30.03.2019.)

Der Nahostkonflikt // Auswärtiges Amt: Official Website. 2018. 27.04. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/nahermittlererosten/-/203626> (Дата обращения: 30.03.2019.)

Deutsches Vertretungsbüro Ramallah. 2019. URL: <https://ramallah.diplo.de/ps-de> (Дата обращения: 30.03.2019.)

Deutschland und Jordanien: bilaterale Beziehungen // Auswärtiges Amt: Official Website 2019. 15.03. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/jordanien-node/-/218014> (Дата обращения: 30.03.2019).

Fahrplan für eine dauerhafte Zweistaaten-Lösung im israelisch-palästinensischen Konflikt (deutsche Kurzfassung). Roadmap to a Permanent Two-State Solution to the Israeli-Palestinian Conflict // AG Friedensratschlag. 2003. 30.04. URL: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Nahost/fahrplan.html> (Дата обращения: 30.03.2019.)

Einsatz der Bundeswehr im Libanon (UNIFIL) // Bundeswehr: Official Website. 2019. URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/libanon!/ut/p/z1/hU5PC4IwHP0sHbzutxTTuq2UKIQCi3SXWLmmsTaZS_v4LToFre_2_vKAQgFUsb4RzDZaMel4SSfHeZztMn_q-8luT_AqDfEmXyTBMo3g8C9AnY1_gGDIKw6l24h-buzHkAMFemU9e6BWGyu5Rez8eghlzVQl-VafyVtYAxVSn97XiToFsQBq-IUbbtDdOLm2tu1mHvbwMAxIaC0kR-bu4W-NWncWio8gtLdiwEEo-4yMnu0lCaQ!dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DTUA0IE50OSCD3GU1 (Дата обращения: 30.03.2019.)

German Middle East and North Africa Policy. Interests, Strategies, Opinions / Steinberg G. (Ed.). Berlin: SWP Research Paper, 2009. 74 p.

Hilfe für Palästina // Auswärtiges Amt: Official Website. 2018. 03.05. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/nahermittlererosten/deutsche-hilfe-palastina/203632> (Дата обращения: 30.03.2019.)

360 grad Jerusalem // Die Bundesregierung. 2017. 12.12. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/360-grad-jerusalem-431372> (Дата обращения: 30.03.2019.)

References

Actors in the Israeli-Palestinian Conflict. Interests, Narratives and the Reciprocal Effects of the Occupation / Lintl P. (Ed.). Berlin: SWP Research Paper, 2018. 64 p.

Antrag der Bundesregierung. Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/2572. 13.09.2006. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der «United Nations Interim Force in Lebanon» (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/12492. 24.05.2017. 8 S.

Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte im Rahmen der «United Nations Interim Force in Lebanon» (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 16. Wahlperiode. Drucksache 16/6278. 28.08.2007. 8 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2015. Rüstungsexportbericht 2015. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2016. 132 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Rüstungsexportbericht 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. 116 S.

Beziehungen zu Deutschland (von Palästinensischen Gebieten). Auswärtiges Amt: Official Website. 2018. Jan. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/palaestinensischegebiete-node/-/204432> (Date of access: 30.03.2019.)

Bundesregierung schließt Sanktionen gegen USA wegen syrischer Golanhöhen nicht aus. RT Deutsch. 2019. 25.03. URL: <https://deutsch.rt.com/international/86340-bundesregierung-schliesst-sanktionen-gegen-usa/> (Date of access: 30.03.2019.)

Der Nahostkonflikt. Auswärtiges Amt: Official Website. 2018. 27.04. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/nahermittlererosten/-/203626> (Date of access: 30.03.2019.)

Deutsches Vertretungsbüro Ramallah. 2019. URL: <https://ramallah.diplo.de/ps-de> (Date of access: 30.03.2019.)

Deutschland und Jordanien: bilaterale Beziehungen. Auswärtiges Amt: Official Website 2019. 15.03. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/jordanien-node/-/218014> (Date of access: 30.03.2019.)

Dudayti A.K. The October war (1973) in the Middle East and FRG's position. The Scientific Bulletin of Belgorod University. 2009. Series: History. Politology. No. 7 (62). P. 80–86. (In Russ.)

Einsatz der Bundeswehr im Libanon (UNIFIL). Bundeswehr: Official Website. 2019. URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze/libanon!/ut/p/z1/hU5PC4lwHP0sHbzutxTTuq2UKIQCi3SXWlmmstazS_v4LToFre_2_vKAQgFUsb4RzDZaMel4SSfHeZztMn_q-8luT_AqDfEmXyTBMo3g8C9AnY1_gGDIKw6l24h-buzHkAMFemU9e6BWGyu5Rez8eghlzVQl-VafyVtYAxVSn97XiToFsQBq-IUbbtDdOLm2tu1mHvbwMAxIaC0kR-bu4W-NWncWio8gtLdiwEEo-4yMnu0lCaQ!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DTUA0IE50OSCD3GU1 (Date of access: 30.03.2019.)

Fahrplan für eine dauerhafte Zweistaaten-Lösung im israelisch-palästinensischen Konflikt (deutsche Kurzfassung). Roadmap to a Permanent Two-State Solution to the Israeli-Palestinian Conflict. AG Friedensratschlag. 2003. 30.04. URL: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Nahost/fahrplan.html> (Date of access: 30.03.2019.)

German Middle East and North Africa Policy. Interests, Strategies, Opinions / Steinberg G. (Ed.). Berlin: SWP Research Paper, 2009. 74 p.

Hilfe für Palästina. Auswärtiges Amt: Official Website. 2018. 03.05. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/nahermittlererosten/deutsche-hilfe-palae-stina/203632> (Date of access: 30.03.2019.)

Primakov E.M. Middle East: on stage and backstage. Moscow: Rossiyskaya gazeta, 2006. 382 p. (In Russ.)

The declaration for the Press and answers to the questions at common press conference after trilateral negotiations of Russian President V.V. Putin with German federal Chancellor G. Schröder and French President J. Chirac. Saint-Petersburg, 11 April 2003. Russian Ministry of Foreign Affairs: Official Website. 2003. 14.04. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/de/-/asset_publisher/Ho2VLi5PHLYX/content/id/524662 (Date of access: 30.03.2019.) (In Russ.)

360 grad Jerusalem. Die Bundesregierung. 2017. 12.12. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/360-grad-jerusalem-431372> (Date of access: 30.03.2019.)

А.В. Шурубович

**БЕЛОРУССИЯ В ЕАЭС:
ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

***Аннотация.** В статье анализируются нынешнее состояние, тенденции и проблемы участия Республики Беларусь (РБ) в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Раскрывается значение Белоруссии для ЕАЭС и ЕАЭС для Белоруссии. Участвуя в ЕАЭС, Белоруссия рассчитывает расширить рынок сбыта своей продукции, добиться снятия барьеров во взаимной торговле, реализовать с помощью стран-партнеров ряд важных инвестиционных проектов, увеличить свои транспортно-логистические возможности. Для стран-партнеров и для ЕАЭС Белоруссия имеет большое значение прежде всего благодаря своему экономико-географическому положению и транзитному потенциалу, а также значительному экономическому и научно-технологическому потенциалу, а также активной инновационной политике, делающими ее одним из лидеров процесса модернизации и цифровизации экономики на пространстве ЕАЭС. Рассматриваются экономические отношения РБ со странами-партнерами, прежде всего с Россией, по основным направлениям (внешняя торговля, производственная кооперация, инвестиционное и инновационное сотрудничество) в последние годы. Анализируется участие республики в деятельности ЕАЭС как интеграционного объединения, характеризуются ее важнейшие инициативы в рамках этого объединения и позиции по ключевым вопросам интеграции. Как страна с экспортно ориентированной и открытой экономикой РБ активно выступает за скорейшее снятие ограничений во взаимной торговле и за формирование общих товарных рынков (прежде всего, общих рынков энергоресурсов на пространстве ЕАЭС). Анализируются проблемы, связанные с участием Белоруссии в ЕАЭС, а также со взаимоотношениями с крупнейшим партнером – Россией. Предлагаются пути решения этих проблем. Перспективы участия Белоруссии в ЕАЭС во многом будут определяться согласованной модернизацией и цифровизацией экономик РБ и стран-партнеров, прогрессом в формировании общих рынков, а также «вписыванием» евразийской интеграции в региональные проекты, прежде всего в китайский проект Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП).*

***Ключевые слова:** Белоруссия; Евразийский экономический союз; взаимная торговля; инвестиции; инновации; российско-белорусские экономические конфликты; согласованная модернизация.*

Шурубович Алексей Викторович – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований
Института экономики Российской академии наук
(ИЭ РАН), Москва. E-mail: shurubovich@transecon.ru

A.V. Shurubovich. Byelorussia in the EAEU: Trends, Problems, Prospects

Abstract. *The article analyzes the present state, trends in and prospects for the participation of the Republic of Belarus (RB) in the Eurasian Economic Union (EAEU). Emphasizing the importance of the EAEU for Byelorussia and that of Byelorussia for the EAEU, the author points out that in the Union Byelorussia expects to reach such priority goals as broadening its external markets, removing barriers in the trade with other participants, implementing a number of important investment projects and increasing the country's transportation and logistical resources. For the partner countries and the EAEU as a whole, Byelorussia is highly important, above all, due to its geo-economical position and a vast transition potential; besides, pursuing an active innovation policy, the country has accumulated such a significant economic, scientific and technological potential that it is generally recognized as one of the leaders in modernization and digitalization of economy in the EAEU area. Thoroughly discussed are the economic relations of the RB with the partner countries, primarily with Russia with the focus on mutual trade and cooperation between the countries in various areas over the last years. As a country with an export-oriented and open economy, the RB argues vigorously in favor of the quickest elimination of restrictions in mutual trade, thus envisioning common commodity markets in the EAEU area, primarily in energy resources. At the same time, there are problems and contradictions inherent in Byelorussia's participation in the Union, those being connected with intermittent difficulties in the country's relations with Moscow. The article suggests a number of ways which might be helpful for overcoming the existing differences between the two countries. The prospects for further participation of Byelorussia in the EAEU, concludes the author, are largely dependent on its own modernization as well as its incorporation in the mega-structures of Eurasian integration such as the Chinese initiative of the Silk Road Economic Belt.*

Keywords: *Byelorussia; Eurasian Economic Union; mutual trade; investment; innovations; Russian-Byelorussian economic conflicts; coordinated modernization.*

Shurubovich Alexey Viktorovich – Candidate of Economics,
Leading Researcher of the Institute of Economics
of the Russian Academy of Sciences (IE RAS).
E-mail: shurubovich@transecon.ru

С самого начала интеграционных процессов на евразийском пространстве Республика Беларусь (РБ) входила в число их инициаторов и активных участников. Она строит вместе с Россией Союзное государство, внесла весомый вклад в деятельность ряда многосторонних интеграционных объединений: Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Таможенного союза

(ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП). С 2015 г. Белоруссия является членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Руководство РБ придает большое значение участию в евразийской интеграции, рассматривая его в качестве важного фактора успешного развития экономики страны и укрепления ее позиций в мировом хозяйстве. Президент РБ А. Лукашенко, выступая на пятом Всебелорусском народном собрании 22 июня 2016 г., отметил необходимость «максимально использовать преимущества интеграционных проектов, созданных на постсоветском пространстве по нашей инициативе и при активнейшем участии» [Сила в движении 2016]. В принятой в 2015 г. Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. развитие экономической интеграции в рамках ЕАЭС было указано среди важнейших задач внешне-экономических отношений республики.

Вопреки распространенному представлению Белоруссия не только не тормозит интеграцию в ЕАЭС, но и стремится создать для нее адекватную материальную основу, ставя во главу угла развитие сотрудничества в высокотехнологичных отраслях. Белорусские представители в органах ЕАЭС, как будет показано ниже, неоднократно выдвигали предложения по активизации взаимного сотрудничества и совершенствованию его нормативно-правовой базы; многие из этих предложений были приняты, что способствовало развитию сотрудничества и решению имеющихся проблем. Вместе с тем следует отметить, что экономические отношения РБ с партнерами по объединению, прежде всего с Россией, при общей позитивной тенденции характеризуются серьезными проблемами и противоречиями [Шурубович 2018, с. 61–78], и это, естественно, сказывается и на участии Белоруссии в деятельности ЕАЭС.

Как отмечается в коллективной монографии сотрудников Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР), с точки зрения интеграционных процессов в ЕАЭС для экономики РБ характерны следующие основные черты:

1. Транзитное положение на пути российских товаров в Европу.
2. Сильная зависимость от России; Россия – основной рынок сбыта белорусских товаров, а также основной донор прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для белорусской экономики; в России производятся комплектующие для продукции белорусского машиностроения.
3. Малые объемы торговли с другими странами ЕАЭС, кроме России.
4. Большая доля госсектора в экономике, препятствующая росту прежде всего российских инвестиций [Евразийский экономический союз 2017, с. 41].

Эти черты экономики РБ оказывают серьезное влияние на ее взаимодействие с партнерами по ЕАЭС, а также на характер ее участия в евразийской интеграции.

Значение ЕАЭС для Белоруссии и Белоруссии для ЕАЭС

Важность участия в ЕАЭС для Белоруссии определяется прежде всего высокой долей стран-партнеров в общем объеме внешнеэкономических связей республики. РБ является единственной страной ЕАЭС, у которой внешняя торговля ориентирована на партнеров по интеграции. В 2017 г. на страны ЕАЭС приходилось 52,8% внешнеторгового оборота республики, в том числе 46,6 – экспорта и 57,6% импорта [Статистический ежегодник 2018, с. 463]. На долю Белоруссии в 2017 г. приходилось 25,1% взаимного товарооборота государств – участников объединения, тогда как на долю России, многократно превосходящей Белоруссию по экономическому потенциалу, – 63,4%, на долю Казахстана – 9,5, Киргизии и Армении – по 1,0%¹. Необходимо, однако, отметить, что подавляющая часть товарооборота Белоруссии со странами ЕАЭС (97,4% в 2017 г.) приходится на Россию, в то время как торговля с другими странами-партнерами незначительна. На долю партнеров по ЕАЭС, прежде всего России, приходится в последние годы 40–50% общего объема иностранных инвестиций в реальный сектор белорусской экономики, в том числе (что особенно важно) более половины прямых инвестиций.

Участвуя в ЕАЭС, Белоруссия рассчитывает, в частности, расширить рынок сбыта своей продукции, добиться снятия барьеров во взаимной торговле, реализовать с помощью стран-партнеров ряд важных для нее инвестиционных проектов, увеличить свои транспортно-логистические возможности.

Членство в ЕАЭС значительно увеличивает возможности привлечения в РБ кредитных ресурсов для начавшейся модернизации экономики страны и проведения экономических реформ. Следует при этом отметить, что, наряду с привлечением крупных кредитных ресурсов от России², Белоруссия получает в последние годы кредиты от евразийских финансовых структур. Так, в марте 2016 г. Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР) принял решение предоставить РБ кредит в размере 2 млрд долл. на поддержку роста экономики и проведение рыночных реформ. Из семи траншей кредита ЕФСР к ноябрю 2018 г. было получено шесть на общую сумму 1,8 млрд долл.

В целом, как отмечают эксперты ЦИИ ЕАБР, «практически все расчеты макроэкономических эффектов по ТС и ЕАЭС указывают на Беларусь как на крупнейшего (в относительных терминах) выгодоприобретателя» [Евразийский экономический союз, с. 201]. По имеющимся оценкам, благодаря реали-

1. Рассчитано по материалам Евразийской экономической комиссии.

2. Только в 2007–2017 гг. Белоруссии были выделены льготные российские государственные кредиты на общую сумму 5,7 млрд долл., а также экспортный кредит в размере 10 млрд долл. на строительство АЭС.

зации интеграционных соглашений прирост ВВП в Белоруссии в течение нескольких лет может составить до 12%, тогда как в Армении – до 6,5, в Киргизии – до 7,5, в России и Казахстане – в пределах 1% [Фаляхов 2017].

Следует при этом отметить, что рассмотренная выше мотивация участия Белоруссии в ЕАЭС определяется прежде всего тем, что членом этого объединения, наряду с другими государствами, является главный экономический и стратегический партнер республики – Россия. Однако это не означает, что ЕАЭС как многосторонняя интеграционная структура не представляет для Белоруссии значительного интереса. С учетом того что ключевые вопросы евразийской интеграции (в частности, таможенно-тарифное регулирование, формирование общих рынков и др.) решаются ныне в рамках ЕАЭС, активное участие РБ в деятельности объединения является необходимым условием обеспечения должного учета ее интересов при решении этих вопросов. В рамках ЕАЭС Белоруссия имеет возможность использовать для защиты своих интересов в периодически возникающих торгово-экономических конфликтах с Россией авторитет наднациональных органов объединения, прежде всего Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), и, как показывает опыт последних лет, активно пользуется этой возможностью.

Для стран – партнеров РБ по Евразийскому экономическому союзу и для ЕАЭС как интеграционной группировки наличие в составе Союза такого участника, как Белоруссия, также имеет существенное значение – в частности транзитное. Выгодное экономико-географическое положение Белоруссии в центре Европы на пути между динамично развивающимися экономическими центрами – Евросоюзом, Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – «предопределяет ее роль как ключевого связующего звена в создании новой системы транспортных связей на Евроазиатском континенте, ориентированной на взаимовыгодное сотрудничество» [Ивуть, Зубрицкий, Зиневич 2015, с. 20]. Через территорию РБ проходят основные транзитные пути, связывающие Россию и Казахстан со странами Центральной и Западной Европы; Белоруссия обеспечивает, в частности, транзит примерно 50% российской нефти и 30% газа в европейские страны [Возможен ли «белорусский майдан» 2017, с. 84].

Значительный экономический и научно-технологический потенциал РБ, более прогрессивная по сравнению с другими странами-участницами структура экономики³ и активная государственная инновационная политика делают ее одним из лидеров процесса модернизации и цифровизации экономики на

3. Так, в 2017 г. доля машиностроения в структуре промышленной продукции составила в Белоруссии 13,6%, тогда как в Армении – 1,8, в Казахстане – 2,3, в Киргизии – 1,3, в России – 12,4% [Содружество Независимых Государств в 2017 году 2018, с. 238, 278, 319, 360, 440].

пространстве ЕАЭС. Уже сейчас в стране быстро растет выпуск наукоемкой продукции; создана развитая инновационная инфраструктура, в которой центральное место занимает Парк высоких технологий (ПВТ), добившийся в последнее время впечатляющих успехов в своей деятельности⁴. Новые возможности для развития инновационной сферы открывает декрет президента РБ № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г., реализация которого должна сделать страну как минимум региональным лидером в развитии самых передовых направлений: искусственного интеллекта, больших данных, технологии блокчейн.

Участие Белоруссии в ЕАЭС имеет для этого объединения серьезное международное значение с точки зрения развития отношений с другой интеграционной группировкой – Евросоюзом. Будучи единственной страной ЕАЭС, вся территория которой расположена в Европе, Белоруссия, значительно улучшившая в последнее время экономические и политические отношения с государствами ЕС, может в перспективе сыграть важную роль в развитии контактов между двумя объединениями.

Таким образом, участие Белоруссии в ЕАЭС является важным фактором динамичного развития как самой республики, так и объединения в целом, и от его активизации во многом зависят модернизация экономики РБ и дальнейший прогресс евразийской интеграции.

Развитие экономических отношений РБ со странами ЕАЭС

Экономическое взаимодействие Белоруссии со странами – партнерами по евразийской интеграции развивается по многим направлениям: взаимная торговля, производственная кооперация, инвестиционное сотрудничество и др.

Динамика внешней торговли РБ с партнерами по интеграции в период 2010–2017 гг., характеризующийся активизацией интеграционных процессов на евразийском пространстве в рамках Таможенного союза (2010–2011), Единого экономического пространства (2012–2014) и Евразийского экономического союза (с 2015 г.), носит противоречивый характер. Если в 2011–2012 гг. наблюдался быстрый рост взаимного товарооборота, достигшего в 2012 г. исторического максимума (44 986,1 млн долл.), то в последующие четыре года товарооборот неуклонно снижался и в 2016 г. составил лишь 26 759,5 млн долл.

4. Экспорт программного обеспечения из ПВТ быстро растет и превысил в 2017 г. 1 млрд долл. Пять из десяти крупнейших корпораций мира являются потребителями услуг ПВТ, а мобильные приложения, разработанные его резидентами, используются более чем 1 млрд человек в более чем 150 странах [Романчук 2017].

В 2017 г. рост товарооборота возобновился, однако его объем остается заметно ниже чем в 2012 г. (табл. 1)

Таблица 1

**ДИНАМИКА ТОВАРООБОРОТА БЕЛОРУССИИ СО СТРАНАМИ ЕАЭС
В 2010–2017 гг., млн долл.**

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Армения</i>								
оборот	47,2	32,4	46,1	41,4	38,6	35,4	32,1	42,7
экспорт	42,1	26,8	38,7	32,4	29,2	27,8	22,0	34,5
импорт	5,1	5,6	7,4	9,0	9,4	7,6	10,1	8,2
сальдо	37,0	21,2	31,3	23,4	19,8	20,2	11,9	26,3
<i>Казахстан</i>								
оборот	870,6	810,9	925,9	952,8	966,8	574,5	419,3	689,1
экспорт	464,8	673,9	806,9	870,4	879,4	525,1	363,9	592,2
импорт	405,8	137,0	119,0	82,4	87,4	49,4	55,4	96,9
сальдо	59,0	536,9	687,9	788,0	792,0	475,7	308,5	495,3
<i>Киргизия</i>								
оборот	93,8	227,3	154,3	110,9	95,3	59,4	53,3	130,0
экспорт	85,5	218,2	141,8	98,2	88,8	55,4	48,7	123,4
импорт	8,3	9,1	12,5	12,7	6,5	4,0	4,6	6,6
сальдо	77,2	209,1	129,3	85,5	82,3	51,4	44,1	116,8
<i>Россия</i>								
оборот	28 034,2	39 438,8	43 859,8	39 742,4	37 371,2	27 541,6	26 254,8	32 493,4
экспорт	9953,6	14 508,6	16 308,9	16 837,5	15 181,0	10 398,4	10 948,0	12 897,2
импорт	18 080,6	24 930,2	27 550,9	22 904,9	22 190,2	17 143,2	15 306,8	19 596,2
сальдо	-8127,0	10 421,6	11242,0	-6067,4	-7009,2	-6744,8	-4358,8	-6699,0
<i>ЕАЭС</i>								
оборот	29 045,8	40 509,4	44 986,1	40 847,5	38 471,9	28 210,9	26 759,5	33 355,2
экспорт	10 546,0	15 427,5	17 296,3	17 838,5	16 178,4	11 006,7	11 382,6	13 647,3
импорт	18 499,8	25 081,9	27 689,8	23 009,0	22 293,5	17 204,2	15 376,9	19 707,9
сальдо	-7953,8	-9654,4	10 393,5	-5170,5	-6115,1	-6197,5	-3994,3	-6060,6

Составлено по: [Статистический ежегодник 2018, с. 463, 466–467; Внешняя торговля 2013, с. 123–124; Внешняя торговля 2014, с. 135–136].

В 2018 г. рост товарооборота РБ со странами ЕАЭС продолжился. В январе–августе 2018 г. объем товарооборота с этими странами, по оперативным данным Национального статистического комитета РБ, составил 24 077,7 млн долл., увеличившись на 12,0% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, в том числе экспорт – 9173,8 млн долл. (рост на 4,0%), импорт – 14 903,9 млн долл. (рост на 23,1%).

Как видно из таблицы, динамика товарооборота РБ с различными странами ЕАЭС была неодинаковой, однако имеются и некоторые общие черты: рост товарооборота в начале 2010-х годов (кроме Армении), заметное его снижение в 2015–2016 гг. и возобновление роста в 2017 г. Важной особенностью взаимной торговли является постоянное активное сальдо РБ со

всеми партнерами по ЕАЭС, кроме России; однако вследствие огромной доли России в ее общем товарообороте со странами ЕАЭС суммарное внешнеторговое сальдо Белоруссии в рамках объединения является устойчиво отрицательным. При этом с другими странами, в частности с государствами ЕС, Белоруссия, как правило, имеет положительное торговое сальдо.

Структура внешней торговли РБ в целом со странами ЕАЭС в решающей мере определяется структурой ее торговли с Россией. В экспорте Белоруссии в страны-партнеры ведущие места занимают продовольственные товары, сельхозсырье, продукция машиностроения и химической промышленности; в импорте преобладает минеральное сырье (прежде всего энергоносители), на долю которого приходится около половины общего объема импорта из государств ЕАЭС (табл. 2).

Таблица 2

**ТОВАРНАЯ СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РБ
СО СТРАНАМИ ЕАЭС (в %)**

	<i>Экспорт 2016–2017</i>	<i>Импорт 2016–2017</i>
Минеральные продукты	2,6–2,8	48,5–49,5
Машины, оборудование и транспортные средства	27,9–29,0	15,0–15,2
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	33,5–32,1	6,0–5,5
Металлы и изделия из них	6,7–7,0	10,4–11,9
Продукция химической промышленности	11,9–11,8	10,5–10,3
Текстиль, текстильные изделия и обувь	8,2–7,8	2,8–2,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,9–2,9	2,1–1,9
Другие товары	6,3–6,6	4,7–3,5
Всего	100,0–100,0	100,0–100,0

Источник: Данные Евразийской экономической комиссии. Данные о товарной структуре внешней торговли РБ в целом со странами ЕАЭС до 2016 г. во внешнеторговой статистике не представлены.

Структура экспорта РБ в различные страны ЕАЭС более или менее однородна; ведущие места занимают тракторы, сельхозтехника (кроме Армении), части и принадлежности для автомобилей и тракторов, молочная продукция. В Россию, Казахстан и (в меньшей степени) в Киргизию в значительных объемах поставляются мясо и мясные субпродукты. Вместе с тем структура импорта из каждой страны имеет свою специфику, обусловленную прежде всего структурой экономики этой страны. Так, в белорусском импорте из России ведущие места занимают сырая нефть и нефтепродукты, природный газ, черные металлы и изделия из них, из Армении – крепкие спиртные напитки, глины, вакцины и сыворотки, из Казахстана – каменный уголь, черные металлы, нефть и нефтепродукты, хлопковое волокно.

В отдельных отраслевых сегментах Белоруссия формирует половину и более взаимного экспорта товаров обрабатывающей промышленности. К ним относятся, в частности, пищевые продукты (53,7% в 2016 г.), продукция текстильного и швейного производства (56,4), машины и оборудование (50), продукция прочих видов деятельности обрабатывающей промышленности (55,5%) [Хамчуков, Куликович 2018, с. 30].

Важным направлением развития экономического взаимодействия РБ с партнерами по интеграции, прежде всего с Россией и Казахстаном, является производственная кооперация, во многом основывающаяся на устойчивых технологически обусловленных кооперационных связях, сложившихся еще в советский период. Обрабатывающая промышленность в Белоруссии вовлечена в межстрановую производственную кооперацию в большей степени, чем в других странах ЕАЭС, о чем говорит высокая доля промежуточных товаров, поставляемых в страны-партнеры, по отношению к их производству (в РБ эта доля в 2016 г. составляла около 10%, тогда как в среднем по ЕАЭС – около 2,2%) [Хамчуков, Куликович 2018, с. 18].

В настоящее время кооперацией связано более 8 тыс. предприятий Белоруссии и России; каждое второе белорусское предприятие связано с российскими партнерами кооперационными отношениями, а в некоторых отраслях этот показатель достигает 80%. В наибольшей степени кооперацией охвачены машиностроение, производство резины и пластмасс, текстильное и швейное производство, производство изделий из кожи и обуви.

Налаживается кооперация между предприятиями Белоруссии и Казахстана. В середине 2010-х годов с казахстанскими партнерами были связаны в рамках кооперации 16,9% от общего числа белорусских промышленных предприятий. Наибольшее распространение кооперация получила в производстве транспортных средств (в частности, между Минским заводом колесных тягачей и Петропавловским заводом тяжелого машиностроения), резиновых и пластмассовых изделий, текстильном и швейном производстве. Производственная кооперация РБ с экономически менее развитыми странами ЕАЭС – Арменией и Киргизией – пока не получила значительного развития.

Инвестиционное сотрудничество в рамках ЕАЭС Белоруссия в крупных масштабах осуществляет только с Россией; потоки инвестиций между РБ и азиатскими странами объединения незначительны. Так, в 2017 г. поступление инвестиций из России в реальный сектор экономики Белоруссии составило 3695,6 млн долл. (38,0% общего объема иностранных инвестиций [Беларусь в цифрах 2018, с. 64]), тогда как инвестиций из других стран ЕАЭС практически не было (из Армении поступило всего 8,1 млн долл., а инвестиции из остальных стран-партнеров в официальной белорусской статистике вообще не отражены). Сходная ситуация наблюдается и с белорусскими инвестициями в государства ЕАЭС: в 2017 г. в экономику РФ было направлено 3709,7 млн долл.

(66,9% общего объема зарубежных инвестиций РБ), в экономику Казахстана – 56,6 млн долл. (1,0%) [Содружество Независимых Государств в 2017 году 2018, с. 431], а инвестиции в другие страны ЕАЭС не отражены в статистике.

Наиболее крупные активы в РБ российский бизнес имеет в сфере транспортировки и добычи энергоносителей. Крупнейший российский инвестор – ПАО «Газпром», в 2007–2011 гг. поэтапно приобретшее за 5 млрд долл. 100% акций компании «Белтрансгаз», преобразованной ныне в дочернюю компанию «Газпром трансгаз Беларусь». Компании «Славнефть» (в свою очередь контролируемой другими российскими структурами) принадлежат 42,5% акций ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод». В республике реализуется ряд крупных инвестиционных проектов с российским участием, наиболее значимым из которых является строительство атомной электростанции в г. Островец (Гродненская обл.) мощностью 2,4 ГВт, которая со временем будет, как предполагается, давать 25–30% общего производства электроэнергии в РБ (стоимость проекта – 10 млрд долл.). Первый блок АЭС намечено ввести в конце 2019 г., второй – в середине 2020 г.

Масштабы белорусских инвестиций в российскую экономику многократно меньше российских инвестиций в экономику РБ. Крупнейшей инвестицией белорусского бизнеса в РФ является приобретение в 2016 г. белорусским инвестором 20% акций ПАО «Уралкалий». Белорусские партнеры вкладывают капиталы также в сельское хозяйство, розничную торговлю, фармацевтику РФ, а с недавнего времени – и в топливно-энергетический комплекс⁵.

Значительное развитие получило в последние годы инновационное сотрудничество между Россией и Белоруссией, что проявилось, в частности, в разработке и реализации совместных программ по созданию и развитию высокотехнологичных производств и современных технологий, частично финансируемых из бюджета создаваемого двумя странами Союзного государства. С 2000 по 2015 г. было реализовано 44 совместных программы по 38 направлениям в промышленной и смежных сферах [Ленчук, Филатов 2015, с. 160]. Всего с 1998 г. выполнено более 50 союзных программ, реализация которых вносит заметный вклад в развитие соответствующих отраслей экономики, науки и техники обеих стран.

Активизируется работа по созданию совместных инновационных институтов. Так, в начале 2017 г. был учрежден Российско-белорусский фонд венчурных инвестиций в размере 1,4 млрд российских руб., в котором 50% составит доля Российской венчурной компании и 50% – доля Белорусского инновационного фонда. Предполагается, что фонд будет финансировать

5. В 2013 г. компания «Белоруснефть» приобрела российскую компанию «Янгпур», ведущую поиск, разведку и добычу месторождений на территории Ямало-Ненецкого автономного округа РФ.

проекты в области нанотехнологий, биотехнологий, фармации и др. В целом сотрудничество России и Белоруссии, обладающих наибольшими инновационными потенциалами на пространстве ЕАЭС, может, на наш взгляд, внести решающий вклад в создание межгосударственного инновационного пространства в рамках данного объединения.

Участие Белоруссии в деятельности ЕАЭС и ее важнейшие инициативы в рамках «пятерки»

Белоруссия как член ЕАЭС активно участвует в его деятельности по всем основным направлениям: таможенно-тарифное регулирование, формирование общих рынков, сотрудничество в важнейших отраслях экономики и др. Вместе с тем некоторым аспектам она в силу особенностей своей экономики и состояния отношений со странами-партнерами, прежде всего с Россией, уделяет особое внимание.

В 2015 г. РБ вступила в председательство в руководящих органах только что созданного ЕАЭС. В обращении к главам государств – членов объединения по этому поводу А. Лукашенко подчеркнул, что фундаментом Евразийского экономического союза должна стать полная отмена изъятий и ограничений в движении товаров, и внес ряд предложений по дальнейшему развитию интеграции. Президент РБ, в частности, предложил:

- принять меры по скорейшему переходу к согласованной, а в перспективе – и к единой промышленной и агропромышленной политике;
- ускорить разработку и принятие основных направлений промышленного сотрудничества в рамках Союза;
- обеспечить безусловное начало функционирования с 1 января 2016 г. единых рынков лекарственных средств и медицинских изделий;
- начать практическую реализацию положений Договора, предусматривающих совместные действия по развитию экспорта.

А. Лукашенко заявил также о важном значении выработки концепций формирования общих рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, развития интеграционных процессов в сфере услуг, таможенно-тарифной и нетарифной защиты единого таможенного пространства [Обращение Президента 2015].

Таким образом, президент РБ обозначил приоритеты Белоруссии в евразийской интеграции. В соответствии с ними республика выстраивает свою деятельность в рамках объединения. В ходе развития ЕАЭС эти приоритеты корректировались, акцент переносился на новые вопросы, о чем подробнее будет сказано ниже. В целом можно отметить, что Белоруссия достаточно результативно действовала в рамках ЕАЭС по обозначенным направлениям.

Так, в сентябре 2015 г. по инициативе РБ были утверждены Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза, рассчитанные на пять лет. Главная цель этого документа – реализация потенциала взаимного сотрудничества для противодействия негативным тенденциям в мировой экономике. Он определяет, в частности, формы сотрудничества, правила взаимодействия, приоритетные отрасли, «чувствительные» товары, цели, задачи, механизмы и инструменты промышленной политики стран-участниц.

В последние годы одним из важнейших направлений деятельности ЕАЭС является активизация инновационного сотрудничества и выработка согласованной (а в перспективе единой) инновационной политики стран ЕАЭС, предполагающей, в частности, координацию национальных программ в данной сфере и создание совместных инновационных институтов. Представители РБ внесли значительный вклад в решение этой задачи.

При активном участии белорусской стороны создается Евразийский инжиниринговый центр по станкостроению, основными целями деятельности которого являются разработка инновационных технологических решений и содействие их внедрению в производственные процессы машиностроительных комплексов государств-членов. Формируются евразийские технологические платформы⁶ (ЕТП), направленные на развитие кооперации в отдельных высокотехнологичных отраслях и производствах. К концу 2017 г. было сформировано 12 ЕТП, включающих такие направления, как космические и геоинформационные технологии, биомедицина, легкая промышленность, фотоника, добыча и переработка твердых полезных ископаемых и др. В рамках ЕТП сформировано около 200 инновационных предложений [Евразийские экономические платформы 2017].

Республика поддержала принятую недавно цифровую повестку ЕАЭС и выразила готовность участвовать в инициативах в сфере цифровой торговли, электронной логистики и цифровых транспортных коридоров

Предметом особого внимания Белоруссии является снятие имеющихся ограничений во взаимной торговле и скорейшее формирование общих товарных рынков на пространстве ЕАЭС. Как страна с экспортно ориентированной и открытой экономикой РБ заинтересована в свободном движении товаров и услуг в рамках «пятерки»; поэтому ее принципиальная позиция заключается в скорейшем создании равных условий деятельности компаний всех стран ЕАЭС и снятии всех имеющихся ограничений. По расчетам Центра интегра-

6. Технологическая платформа – это «коммуникационный инструмент, объединяющий представителей государства, бизнеса, науки вокруг общего видения научно-технологического развития и общих подходов к разработке соответствующих технологий» [Ильина 2015, с. 184].

ционных исследований ЕАБР, от снятия препятствий на пути создания общего рынка ЕАЭС Белоруссия получит максимальную выгоду в отношении к ВВП – (плюс 2,8%), тогда как в Казахстане прирост составит 0,7, в России – 0,2% ВВП [Едовина, Сапожков 2017].

Следует отметить, что Белоруссия, критически зависимая от импорта российских энергоресурсов и заинтересованная поэтому в получении их по возможно более низким ценам, придает наибольшее значение скорейшему формированию общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, предполагающих выравнивание цен на энергоносители. Во время переговоров об образовании ЕАЭС она выступала за формирование этих рынков не позднее общего рынка электроэнергии, но в конечном счете согласилась отнестись к их созданию на 2025 г., тогда как общий рынок электроэнергии намечено создать уже в 2019 г. Такая последовательность, как отмечает белорусская сторона, невыгодна для республики; поэтому в 2017 г. Белоруссия предложила ускорить создание общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов. Программы формирования этих рынков были подписаны на саммите ЕАЭС в Санкт-Петербурге в декабре 2018 г.

Позиция Белоруссии по институциональным вопросам деятельности ЕАЭС не была неизменной. Первоначально республика выступала против расширения полномочий наднациональных органов, считая, что сначала для этого должен быть создан соответствующий экономический базис. В дальнейшем, однако, подход РБ к наднациональным органам был скорректирован, что, очевидно, во многом связано с ее стремлением использовать авторитет этих органов, прежде всего Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в участвовавших торгово-экономических конфликтах с Россией. Ныне РБ поддерживает укрепление наднациональных органов ЕАЭС, расширение полномочий ЕЭК, которая, по мнению белорусов, должна иметь реальные возможности влиять на выполнение государствами-членами своих обязательств.

В августе 2018 г. Белоруссия предложила ввести ответственность стран ЕАЭС, в том числе материальную, за неисполнение своих обязательств. Работу в этом направлении республика готова вести во время своего председательства в органах ЕАЭС в 2020 г. Программа председательства уже формируется, и белорусская сторона намерена максимально учесть в ней все проблемы Союза.

Белоруссия в ЕАЭС: Проблемы и противоречия

Основные препятствия на пути активизации участия Белоруссии в ЕАЭС прежде всего связаны, на наш взгляд, с наличием серьезных трудностей в отношениях с крупнейшим партнером – Россией. Проблемы в российско-бело-

русских отношениях тормозят интеграцию в рамках ЕАЭС, препятствуют выработке и реализации важных интеграционных документов.

В мае 2014 г. Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан президентом РБ, а в октябре ратифицирован парламентом только после того, как Россия учла белорусские пожелания в области распределения экспортных пошлин на вывозимые из республики в третьи страны нефтепродукты⁷.

Зависимость участия РБ в деятельности ЕАЭС от состояния экономических отношений с Россией неоднократно проявлялась и в последующие годы. Так, в декабре 2016 г. из-за конфликта с РФ по вопросам поставок энергоносителей в Белоруссию А. Лукашенко проигнорировал саммит стран ЕАЭС в Санкт-Петербурге, на котором был принят Таможенный кодекс Союза, а в феврале 2017 г. отозвал белорусских специалистов из таможенных органов ЕАЭС, что породило слухи о скором выходе Белоруссии из этого объединения. Таможенный кодекс ЕАЭС был подписан президентом РБ лишь в апреле 2017 г. после урегулирования разногласий с РФ по нефтегазовым вопросам. В связи с этим в России получило распространение мнение о том, что «Минск сегодня фактически использует свои полномочия в ЕАЭС как рычаги, с помощью которых может влиять на Москву для торга по актуальным для себя вопросам» [Воробьев 2017].

В значительной мере проблемы Белоруссии в связи с участием в ЕАЭС (в том числе в отношениях с Россией) связаны с относительно медленным продвижением по пути интеграции. Белорусские эксперты отмечают, что, несмотря на подписанные интеграционные соглашения, на внутренних товарных рынках стран ЕАЭС под видом ветеринарных, санитарных и фитосанитарных норм продолжают применяться нетарифные ограничения. Постоянными стали ограничения при проведении госзакупок, хотя ранее эта мера позиционировалась как исключительная и временная (максимум на два года). Из общего регулирования выпали ключевые виды услуг: передача электроэнергии и международные автомобильные перевозки, не в полной мере функционирует единое техническое регулирование. Все это создает для РБ, во многих аспектах готовой к интеграции в большей степени, чем ее партнеры, серьезные трудности.

Белорусскую сторону не устраивают также установленные в ЕАЭС нормативы распределения ввозных таможенных пошлин: Армения – 1,22%, Белоруссия – 4,56, Казахстан – 7,055, Киргизия – 1,9, Россия – 85,265%. По ее мнению, такие нормативы ставят Белоруссию как страну со значительным объемом импорта в неравные условия. При решении этого вопроса РБ считает

7. Белорусская сторона добилась того, чтобы эти пошлины, в 2011–2014 гг. перечислявшиеся в российский бюджет в обмен на беспошлинные поставки в РБ российской нефти, оставались в бюджете Белоруссии.

необходимым актуализировать информацию и принимать решения по нормативам каждые три года, исходя из объемов импорта каждой страны [Едовина, Крючкова 2018].

Серьезные претензии РБ имеет и к работе органов ЕАЭС, неспособных, по ее мнению, обеспечить строгое выполнение принятых в рамках объединения решений, направленных на создание равных условий для всех субъектов хозяйствования на пространстве ЕАЭС и снятие имеющихся ограничений во взаимных экономических отношениях стран-участниц. Следует, однако, отметить, что органы ЕАЭС в последнее время неоднократно занимали сторону Белоруссии в ее торгово-экономических конфликтах с РФ. Так, в июле и ноябре 2018 г. Коллегия ЕЭК признала введение Россией ограничений на ввоз белорусской молочной продукции нарушением правил ЕАЭС и призвала отменить эти ограничения.

Нарушения установленных норм ЕАЭС допускает и сама Белоруссия. В частности, в РБ принята обязательная процедура санитарно-гигиенической экспертизы импортной продукции (в том числе из стран ЕАЭС) по примерно 150 товарным позициям (продукты питания, косметика, бытовая химия и др.), несмотря на наличие сертификатов соответствия товаров требованиям ЕАЭС. В целом же Белоруссия, на наш взгляд, отличается повышенным вниманием к соблюдению норм и правил ЕАЭС, от нарушения которых серьезно страдает.

Проблема, однако, состоит в том, что органы ЕАЭС на практике не имеют реальных полномочий для отмены нормативных актов, принятых в странах-участницах. Не случайно, как отмечалось выше, Белоруссия выступает за наделение интеграционных структур «пятерки» такими полномочиями.

Решение этих и других проблем, связанных с участием РБ в евразийской интеграции, зависит, на наш взгляд, прежде всего от прогресса на двух взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, важно уменьшить «поле» возможных конфликтов и изменить структуру взаимной торговли (прежде всего с Россией) в направлении снижения доли топливно-сырьевых товаров, поставки которых являются основным «камнем преткновения», и увеличения доли продукции с высокой добавленной стоимостью. Этому будут способствовать провозглашенный в Белоруссии, России и других странах ЕАЭС курс на модернизацию и цифровизацию национальных экономик и всемерное усиление инновационной составляющей во взаимном сотрудничестве.

Во-вторых, существенное значение приобретает отработка механизма согласования интересов сторон как на двусторонней, так и на многосторонней основе в рамках ЕАЭС. Для этого необходимо, в частности, повышение роли интеграционных органов ЕАЭС в урегулировании возникающих конфликтов и расширение их полномочий, что, в свою очередь, потребует повышения качества работы этих органов, укрепления их кадрового состава.

Наличие у каждого из участников взаимных экономических отношений своих специфических интересов (обусловленных, в свою очередь, структурой экономики, географическим положением, системой хозяйствования и др.), отличных от интересов партнеров, делает невозможным полное устранение имеющихся проблем и противоречий. Задача состоит в том, чтобы минимизировать негативное влияние несовпадения интересов на развитие сотрудничества.

Перспективы участия РБ в евразийской интеграции

Проблемы и трудности, стоящие на пути интеграции РБ с партнерами по ЕАЭС, а также заметное улучшение ее отношений с Западом в последние годы дали некоторым экспертам основание утверждать, что возможна смена Белоруссией геополитического вектора и переориентации с ЕАЭС на Запад⁸. На наш взгляд, однако, по ряду причин (теснейшие экономические и, что особенно важно, военно-политические связи с Россией, сильная экономическая зависимость от нее, внутреннее неприятие президентом РБ А. Лукашенко западных ценностей и негативное отношение к нему на Западе, поддержка большинством населения РБ «восточного» вектора интеграции⁹, а также глубокий кризис конкурирующего интеграционного проекта – Евросоюза, включая кризис идентичности) такое развитие событий представляется крайне маловероятным, по крайней мере при нынешнем руководстве РБ. В ближайшие годы курс Белоруссии на интеграцию в рамках ЕАЭС, очевидно, останется неизменным.

Степень и характер участия РБ в интеграционных процессах в ЕАЭС в предстоящий период будут определяться рядом факторов (состояние экономики самой Белоруссии и стран-партнеров, общемировые экономические тенденции, геополитическая ситуация, развитие ЕАЭС как интеграционного объединения, реализация масштабных транспортных проектов и др.).

Экономика РБ и ее партнеров по интеграции, прежде всего России, в ближайшие годы, по имеющимся оценкам, будет расти относительно медленно: прирост ВВП составит 1,5–3% при среднемировых темпах более 3%. Это окажет на сотрудничество, на наш взгляд, противоречивое воздействие, с одной стороны, ограничивая его возможности, с другой – подталкивая Белоруссию и другие страны ЕАЭС к активизации интеграционных процессов, чтобы эффективнее противостоять имеющимся вызовам. Первостепенное

8. См., например: [Баранчик 2017, с. 163–164].

9. По словам бывшего посла России в РБ, А. Сурикова, ссылающегося на оценки независимых западных экспертных лабораторий, 65% белорусов хотят жить в союзе с Россией и только 20% – с Евросоюзом [Ходасевич 2018].

значение в связи с этим приобретает максимальная нацеленность сотрудничества на ускорение модернизации и цифровизации национальных экономик и проведение согласованной модернизации экономик РБ, РФ и других стран ЕАЭС [Модернизация 2011, с. 285–286]. Прогрессивное изменение структур национальных экономик в результате модернизации создаст для интеграции адекватную ей материальную основу, и Белоруссия с ее значительным экономическим и инновационным потенциалом может внести в развитие этого процесса весомый вклад.

Мировая экономическая и геополитическая ситуация в ближайшие годы будет, по мнению большинства экспертов, характеризоваться повышенной неопределенностью и турбулентностью, ростом конфликтного потенциала. Будет, очевидно, нарастать санкционное давление Запада на Россию, что серьезно отразится на российско-белорусских отношениях и, соответственно, актуализирует вопрос о разработке в рамках ЕАЭС совместного эффективного механизма противодействия санкциям. От создания такого механизма во многом будет зависеть перспектива урегулирования связанных с санкциями российско-белорусских конфликтов, осложняющих ныне сотрудничество в рамках ЕАЭС.

Эффективное участие РБ в ЕАЭС будет зависеть также от прогресса евразийской интеграции в целом – прежде всего от скорейшего формирования общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, имеющих для Белоруссии жизненно важное значение, и от скорейшего устранения сохраняющихся ограничений во взаимной торговле. От снятия этих ограничений Белоруссия получит, как уже отмечалось, больший эффект, чем остальные страны «пятерки». Однако, как показывает практика сотрудничества, устранение таких препятствий, серьезно затрагивающих интересы отдельных стран и их хозяйствующих субъектов, будет нелегким делом и займет достаточно продолжительное время.

Насущной задачей Белоруссии и ее партнеров по ЕАЭС в ближайшие годы станет органичное вписывание в региональные проекты – прежде всего в китайский проект Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП). Как известно, в 2015 г. была поставлена задача сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, и Белоруссия, имеющая развитую транспортную инфраструктуру и значительные транзитные возможности, могла бы сыграть в решении этой задачи важную роль. В настоящее время РБ быстро увеличивает транзит товаров через свою территорию между Китаем и Евросоюзом, рассчитывая встроиться в проект ЭПШП в качестве транспортно-логистического хаба. Однако Белоруссия и другие страны ЕАЭС фактически включаются в этот проект независимо друг от друга; более того, некоторые круги в РБ рассматривают участие в проекте ЭПШП и в целом отношения с Китаем в качестве противовеса усилению российского влияния в стране [Ходасевич 2016]. Поэтому очень важна выработка

скоординированной позиции стран ЕАЭС относительно участия в ЭПШП. Такая позиция со временем позволила бы превратить РБ в транспортно-логистический хаб всего Союза с тем, чтобы выгоды от транзита через ее территорию получала не только сама Белоруссия, но и ее партнеры по евразийской интеграции.

В ноябре 2018 г. министр иностранных дел РБ В. Макей заявил о намерении Белоруссии стать мостом между интеграционными объединениями Евразии. Перечислив пять интеграционных проектов (ЕАЭС, ЕС, китайский Шёлковый путь, АСЕАН и ШОС), он отметил, что их интеграция приведет к созданию Большого евразийского континентального пространства¹⁰. В ближайшие годы формирование такого пространства нереально (прежде всего по геополитическим причинам), но в более отдаленной перспективе оно может встать в повестку дня, и Белоруссия может сыграть в этом процессе заметную позитивную роль.

Библиография

- Баранчик Ю. Современная Белоруссия: специфика политической и социальной модели // Беларусь в режиме трансформации: социально-политические и экономические факторы. Сборник научных трудов. М.: Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ), 2017. 280 с.
- Беларусь в цифрах. Статистический справочник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. 72 с.
- Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2012. Статистический сборник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2013. 285 с.
- Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2013. Статистический сборник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2014. 281 с.
- Возможен ли «белорусский майдан»? Диагностика и вызовы для России. М.: Научный эксперт, 2016. 115 с.
- Воробьев А. Евразийский экономический союз трещит по швам? // Независимая газета. 2017. 16 мар.
- Евразийские экономические платформы. Первые итоги // CA-Portal: Информационно-аналитический портал. 2017. 14 июня. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:35602> (Дата обращения: 10.02.2018.)
- Евразийский экономический союз. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с.
- Едовина Т., Крючкова Е. ЕАЭС изучает правила деления // Коммерсантъ, 2018, 28 нояб.
- Едовина Т., Сапожков О. Евразийский союз пересчитал барьеры // Коммерсантъ, 2017. 3 апр.
- Ивуть Р.Б., Зубрицкий А.Ф., Зиневич А.С. Развитие транзитного потенциала Республики Беларусь в условиях формирования ее транспортно-логистической системы // Новости науки и технологий. Минск, 2015. № 1. С. 19–33.

10. По словам В. Макея, Минск настроен «на перспективу общего экономического пространства от Лиссабона через Минск и Владивосток до Джакарты» [Охота за юанем 2018].

Ильина М.Ю. Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств – членов ЕАЭС // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 4. С. 172–188.

Ленчук Е., Филатов В. Новая индустриализация как условие формирования устойчивого роста стран ЕАЭС // Мир перемен. 2015. № 3. С. 149–161.

Модернизация и экономическая безопасность России. М. – СПб.: Нестор-История, 2011. Т. 2. 516 с.

Обращение Президента. Президент обратился к главам государств – членов Евразийского экономического союза // Советская Белоруссия. 2015. 14 янв.

Охота за юанем. Белоруссия нашла нового покровителя // Gazeta.ru. 2018. 21 нояб. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/21_a_12067507.shtml (Дата обращения: 22.11.2018.)

Романчук Я. В 30 раз за 10 лет // БелГазета. 2017. 29 авг.

Сила в движении. Вступительное слово и доклад Президента «Вместе – за сильную и процветающую Беларусь» на пятом Всебелорусском народном собрании // Советская Белоруссия. 2016. 23 июня.

Содружество Независимых Государств в 2017 году. Статистический ежегодник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2018. 617 с.

Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2018. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. 490 с.

Фаляхов Р. Российские санкции добьют Евразийский союз // Gazeta.ru. 2017. 11 янв. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/01/10965590.shtml> (Дата обращения: 01.11.2017.)

Хамчуков Д.Ю., Куликович К.Г. Влияние общего рынка государств – членов ЕАЭС на развитие обрабатывающей промышленности Республики Беларусь // Белорусский экономический журнал. Минск, 2018. С. 4–34.

Ходасевич А. Лукашенко выбирает Пекин // Независимая газета. 2016. 3 окт.

Ходасевич А. Лукашенко едет в Сочи, а в Минск – новый посол РФ // Независимая газета. 2018. 25 июля.

Шурубович А.В. Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: ИЭ РАН, 2018. 96 с.

References

Baranchik Yu. Modern Belorussija: specifics of political and economic model. Byelorussia in transformation regime: socio-political and economic factors. Collection of scientific works. Moscow: Institute of diaspora and integration (Institute of the CIS countries), 2017. 280 p. (In Russ.)

Belarus in figures. Statistical reference book. Minsk: National statistical committee of the Republic of Belarus, 2018. 72 p. (In Russ.)

The Commonwealth of Independent States in 2017. Statistical Yearbook. M.: Interstate statistical committee of the Commonwealth of Independent States, 2018. 617 p. (In Russ.)

Edovina T., Krjuchkova E. EAES studies rules of division. Kommersant. 2018. 28 Nov. (In Russ.)

Edovina T., Sapozhkov O. Eurasian union re-counted barriers. Kommersant. 2017. 3 Apr. (In Russ.)

Eurasian economic platforms. First results. CA-Portal; Information and analytical portal. 2017. 14 June. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:35602> (Date of access: 10.02.2018.) (In Russ.)

Eurasian economic union. St. Petersburg: CIR EABR, 2017. 296 p. (In Russ.)

External trade of the CIS countries. 2012. Statistical abstract. Moscow: Interstate Statistical committee of the CIS, 2013. 285 p. (In Russ.)

External trade of the CIS countries. 2013. Statistical abstract. Moscow: Interstate statistical committee of the CIS, 2014. 281 p. (In Russ.)

Faljahov R. Russian sanctions will finish off the Eurasian union. Gazeta.ru. 2017. 11 Jan. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/01/10965590.shtml> (Date of access: 01.11.2017.) (In Russ.)

Force in movement. Opening address and report of the President «Together – for strong and prosperous Belarus» at the fifth All-Byelorussian popular meeting. Soviet Belarus. 2016. 23 June. (In Russ.)

Hamchukov D.Ju., Kulikovich K.G. Influence of the common market of the EAEU member states on the development of processing industry of the Republic of Belarus. Belarusian Economic Journal. Minsk, 2018. P. 4–34. (In Russ.)

Hodasevich A. Lukashenko chooses Peking. Nezavisimaya gazeta. 2016. 3 Oct. (In Russ.)

Hodasevich A. Lukashenko goes to Sochi while a new RF ambassador goes to Minsk. Nezavisimaya gazeta. 2018. 25 July. (In Russ.)

Hunting for a yuan. Byelorussia found a new sponsor. Gazeta.ru. 2018. 21 Nov. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/21_12067507.shtml (Date of access: 22.11.2018.) (In Russ.)

Il'ina M.Yu. Single innovation area as a factor of re-industrialization of economies of the EAEU member states. Bulletin of Institute of Economics RAS. 2015. No. 4. P. 172–188. (In Russ.)

Is the Byelorussian maidan possible? Diagnostics and challenge for Russia. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2016. 116 p. (In Russ.)

Ivut' R.B., Zubritskiy A.F., Zinevich A.S. Development of transition potential of the Republic of Belarus in conditions of forming of its transportation and logistical system. News of science and technology. Minsk, 2015. No. 1. P. 19–33. (In Russ.)

Lenchuk E., Filatov V. New industrialization as a condition of forming of stable growth of the EAEU countries. A world of change. 2015. No. 3. P. 149–161. (In Russ.)

Modernization and economic security of Russia. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. Vol. 2. 516 p. (In Russ.)

President's appeal. The President appealed to the heads of states of the Eurasian economic union. Soviet Belarus. 2015. 14 Jan. (In Russ.)

Romanchuk Ya. In 30 times for 30 years. BelGazeta. 2017. 29 Aug. (In Russ.)

Shurubovich A.V. Economic cooperation of Russia and Byelorussia: integration projects and economic interests. Moscow: IE RAS, 2018. 96 p.

Statistical yearbook of the Republic of Belarus. 2018. Minsk: National statistical committee of the Republic of Belarus, 2018. 490 p.

Vorobiyov A. The Eurasian economic union goes to pieces? Nezavisimaya gazeta. 2017. 16 March.

А.С. Левченков

**ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА УКРАИНЫ
В 2014 – НАЧАЛЕ 2019 г.**

***Аннотация.** В статье анализируются содержание и основные направления реализации украинской политики памяти после Евромайдана 2014 г. и до президентских выборов 2019 г.*

Основой формирования новой концепции национальной истории Украины в этот период стали стремление к укреплению украинской государственности и ее противопоставление государственности российской. Особое внимание уделялось политике декоммунизации и избавлению исторической памяти от советского наследия, трактовки голодомора как геноцида украинского народа, созданию пантеона новых национальных героев, среди которых ведущее место занимают деятели националистических организаций, в том числе уличенные в сотрудничестве с нацистами в годы Великой Отечественной войны. Основные нововведения закреплялись законодательно, причем предусматривались наказания за их нарушение.

Историческая политика стала одновременно инструментом суверенизации и освобождения от российского влияния, а также евроинтеграции и реализации евроатлантического курса во внешней политике. Фактически работа с коллективной исторической памятью в Украине перестала быть частью научного дискурса историков, став одной из составляющих конфликтности современных российско-украинских отношений.

Национализация исторической памяти привела к обострению отношений Киева и с рядом европейских партнеров, особенно с Польшей. Внутри страны попытки пересмотра памяти о Великой Отечественной войне и героизация украинских националистов наряду с общей образовательной и языковой политикой, по мнению многих соседних государств, ущемляющей права национальных меньшинств, отдалили Украину от выработки общественного консенсуса.

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война; голодомор; декоммунизация; евроинтеграция; евроатлантизм; историческая память; историческая политика; украинский кризис; украинские националисты.*

Левченков Александр Станиславович – кандидат исторических наук,
доцент кафедры стран постсоветского зарубежья
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва. E-mail: bohem2001@mail.ru

A.S. Levchenkov. The «Policy of Memory» in the Context of Ukraine's Foreign Policy in 2014 – Early 2019

Abstract. *The article analyzes the content and main directions of the «policy of memory» in Ukraine in the period from the coup or the so-called «euromaidan» of 2014 up to the presidential elections of 2019.*

The major driving force behind this policy was the desire to present the history of the Ukrainian statehood as more ancient than it really was, while setting it against the history of the Russian statehood. The main components and themes of this discourse have been decommunization, the decoupling of the national historical memory from the Soviet legacy, the interpretation of the Holodomor as a genocide of the Ukrainian people, the formation of a new pantheon of national heroes, among whom the most prominent are the figures of the nationalistic organizations, including those who collaborated with the Nazi regime during World War II. At that, the new ideological developments went into legislative provisions and envisaged penalties for violation.

At the same time, the «politics of memory» became an instrument for attaining «sovereignty» and «independence» from the Russian influence and a tool for pursuing the course towards European and Euro-Atlantic integration in the foreign policy of the country. As a matter of fact, the elaboration of the collective historical memory stopped being part of academic discourse of professionals and turned into a component of the ongoing conflict between Russia and Ukraine. Besides, the «nationalization» of historical memory has led to increased tensions between Kyiv and a number of its European partners, particularly with Poland. Domestically, this policy, along with the reforms in education and language issues, have greatly distanced the official Kyiv both from the neighboring states and sizeable parts of Ukrainian population.

Keywords: *the «politics of memory»; the Great Patriotic War; holodomor; decommunization; European integration; Euro-Atlanticism; Ukrainian crisis; Ukrainian nationalists.*

**Levchenkov Alexander Stanislavovich – Candidate of History,
Associate Professor of Russian State University for Humanities,
Moscow. E-mail: bohem2001@mail.ru**

Период в истории Украины, начавшийся с переворота в феврале 2014 г. и прихода к власти в Киеве политиков евроатлантической и националистической ориентации, стал временем чрезвычайной активизации исторической политики на государственном уровне. Внутриукраинский кризис и обострение российско-украинских отношений как непосредственные результаты переворота оказали определяющее влияние на содержание этой политики, направленной на закрепление и в научно-образовательной сфере, и в общественной жизни конструкта новой «национальной» концепции истории. Как сущность, так и масштабы внедряемых изменений, преимущественно принудительно и на законодательном уровне, перестали быть частью научного

дискурса историков, став неотъемлемой составляющей глубокого кризиса в российско-украинских отношениях.

Данная тематика в последние годы оказалась объектом пристального внимания и российских, и зарубежных (в том числе украинских) исследователей, занимающихся вопросами как исторической политики, так и «мягкой силы», межнациональных отношений и в более широком смысле межкультурного взаимодействия, проблематики российского зарубежья. Если говорить о новых монографических исследованиях, то в 2019 г. в России вышла книга украинского историка Г.В. Касьянова «Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018», в которой дается обобщающая характеристика различных этапов политики Украинского государства по формированию коллективной исторической памяти [Касьянов 2019]. В этом же году вышла монография российского историка Е.И. Пивовара «Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века», затрагивающая влияние украинского кризиса и вызванных им перемен во внутренней политике Киева на положение российских соотечественников [Пивовар 2019].

Прямая связь исторической политики с внешней политикой в отношениях Украины с Россией, с одной стороны, и Евросоюзом и США – с другой, прослеживалась с начала 1990-х годов, будучи обусловлена рядом внешнеполитических (или геополитических) факторов. Среди них важное место занимал евроинтеграционный вектор, сторонников которого среди украинских политических элит становилось все больше. Политика многовекторности, которой официально старалась придерживаться Украина при Леониде Кучме (1994–2004), позволяла стране балансировать между Россией и ЕС. При этом в целом экономические связи с восточным соседом превалировали, а со стороны России, особенно с рубежа XX–XXI вв., существовал последовательный запрос и заинтересованность в максимально активном включении Украины в интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Дистанцированность официального Киева от проектов евразийской интеграции во внутриукраинском общественном дискурсе опиралась на выработку новой исторической политики и новой концепции национальной истории, провозглашающей самодостаточность, отличность украинской нации, генезиса и воплощения идеи ее государственности от истории российской государственности. Оптимальной формой отличности в противовес «российскости» была выбрана «европейскость» исторического выбора Украины, что удачно согласовывалось с евроинтеграционными надеждами части политической элиты и бизнеса. В первом десятилетии XXI в. евроинтеграционные планы Киева достигли своего высшего развития в годы президентства Виктора Ющенко, однако и в период нормализации отношений с Москвой при Викторе Януковиче (2010 – начало 2014 г.) серьезных изменений на этом направлении не произошло, в результате чего в 2013 г. подготовка Украины к подписанию Соглашения

об ассоциации с ЕС и развитие сотрудничества с Россией вошли в острое противоречие. Успехам Украины на европейском направлении способствовало и участие Украины в программе ЕС «Восточное партнерство». Заключение Соглашения об ассоциации с ЕС в 2014 г. и его постепенная имплементация закрепили евроинтеграционное направление в качестве основного ориентира внешней политики Украины.

Следующим важным фактором, сопряженным с евроинтеграционными проектами, стало постепенное сближение Украины с североатлантическим блоком НАТО. Еще в первой половине 1990-х годов Украина законодательно закрепила статус нейтрального внеблокового государства, что не помешало Киеву уже при Леониде Кучме активно наращивать взаимодействие с альянсом. В 2001–2005 гг. украинские военные контингенты, несмотря на протест со стороны значительной части общества, даже принимали участие в военных операциях альянса на территории Афганистана и Ирака. Хотя Россия также сотрудничала с НАТО, после расширения альянса в Восточной Европе и на западном фланге постсоветского пространства, попытки создания атмосферы доверия в этом сотрудничестве были подорваны, а после обнародования планов Вашингтона по развертыванию наземных элементов американской системы противоракетной обороны в Европе и реакции североатлантического блока на российскую миротворческую операцию 2008 г. в Южной Осетии и Грузии окончательно утрачены. В этом контексте планы адептов украинского евроатлантизма, которых к середине 2000-х годов возглавил победитель «оранжевой» революции Виктор Ющенко, утвердивший в качестве официальной задачи внешней политики страны не только евроинтеграцию, но и вступление в НАТО, входили в противоречие с развитием политических и экономических отношений с Москвой, которые в 2005 – начале 2010 г. стали представляться официальным Киевом как попытка восстановления советского наследия под российской эгидой. После четырехлетнего перерыва в годы президентства Виктора Януковича, при котором Киев официально отказался от планов евроатлантической интеграции, стремление стать членом НАТО вновь закрепилось в качестве одной из приоритетных целей внешней политики Украины, причем главным аргументом «за» стала, по мнению украинских политиков, сторонников вступления в НАТО, угроза государственному суверенитету со стороны России.

Наконец третьим фактором в перечне «геополитической когорты» стали отношения с Москвой. Периодически обострявшиеся противоречия, в ходе урегулирования которых, правда, двум странам до начала 2014 г. удавалось избегать долгосрочных радикальных мер (условной «точки невозврата») – по вопросам статуса Севастополя и порядка пребывания российского Черноморского флота в Крыму, статуса русского языка, конфликт вокруг острова Тузла в Керченском проливе, «газовые» войны – синхронизировались с попытками

националистически ориентированной части украинских политических элит активизировать изменения в исторической политике, направленные на формирование исторического образа Украины как борющейся на протяжении веков за свою национальную и государственную идею, прежде всего против российской советской имперской идеи.

Исследователями было отмечено, что наибольшее число отсылок к истории и национальному прошлому было характерно для Виктора Ющенко и Петра Порошенко, причем частотность упоминаний в официальных речах, например в президентских посланиях, возрастала после двух ключевых и одновременно трагических событий в истории современной Украины – «оранжевой» революции и Евромайдана [Плеханов 2016, с. 74]. Первое из этих событий привело к серьезному ухудшению российско-украинских отношений, в то время как второе сделало их открыто враждебными, и битвы за историческую память в государственной политике Украины вступили в наиболее активную фазу.

Наибольшее внимание в соответствии с новой государственной политикой в области исторического образования и науки в 2014 – начале 2019 г. украинскими властями уделялось проблематике генезиса и развития идеи украинской государственности. Четко прослеживается тенденция к «удревлению истории»; примеры борьбы за независимость приводятся на протяжении различных исторических эпох, от Богдана Хмельницкого и Мазепы, через историю Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики и вплоть до деятельности украинских эмигрантов и диссидентского движения в СССР. Происходит героизация участников националистических формирований, организаций и объединений, включая Организацию украинских националистов и Украинскую повстанческую армию (ОУН-УПА)¹, формирование в общественном сознании восприятия многих известных исторических личностей, родившихся или проживавших на территории современной Украины в эпоху Российской империи и Советского Союза (представителей культуры, искусства, спорта) как исключительно украинских деятелей и т.д. Начался процесс мифологизации и героизации участников движения Евромайдана конца 2013 – начала 2014 г. и жертв происходивших тогда столкновений – так называемой Небесной сотни.

Большую роль при проведении исторической политики в рассматриваемый период играл созданный еще при Викторе Ющенко Украинский институт национальной памяти, главной целью которого стала «организация все-

1. 17 ноября 2014 г. Верховный суд Российской Федерации признал экстремистскими и запретил деятельность на территории России следующих националистических организаций: «Правый сектор», Украинская народная самооборона (УНА-УНСО), Украинская повстанческая армия (УПА) и «Тризуб имени Степана Бандеры».

стороннего изучения истории украинского государства, этапов борьбы за восстановление государственности и распространение соответствующей информации в Украине и мире... осуществление комплекса мероприятий по увековечению памяти участников украинского освободительного движения, Украинской революции 1917–1921 годов, войн, жертв голодомора 1932–1933 годов, массового голода 1921–1923, 1946–1947 годов и политических репрессий, лиц, принимавших участие в защите независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины, а также в антитеррористических операциях...» [Положення про Український інститут].

Одним из приоритетных направлений исторической политики в Украине с 2014 г. стала активизация пропаганды трактовки голода 1932–1933 гг. как инспирированного Москвой геноцида (голодомора). Законодательная и в целом институциональная основа для этого, как и для ряда других направлений исторической политики, была сформирована при предшественниках команды Петра Порошенко, в годы президентства Виктора Ющенко [Левченков 2016, с. 222–243]. В 2006 г. Верховной радой был принят закон «О Голодоморе 1932–1933 годов в Украине», трактующий голод начала 1930-х годов как геноцид украинского народа. При Викторе Ющенко был создан и мемориал жертв голодомора в Киеве, начавший работу в 2010 г. При Викторе Януковиче официального изменения позиции Украины по данному вопросу не произошло (при этом сам президент заявлял о том, что не считает голодомор актом геноцида украинского народа), однако на фоне нормализации российско-украинских отношений он перестал быть в центре внимания. В то время как в годы президентства Виктора Ющенко ежегодно в ноябре организовывалось большое количество мероприятий, 80-летняя годовщина голодомора в 2012–2013 гг. прошла без ажиотажа, наоборот, украинские историки и архивисты старались уделять внимание подготовке к 70-летию освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков. К сожалению, юбилей освобождения украинской столицы Красной армией пришелся на начало событий Евромайдана, что не позволило извлечь максимального историко-просветительского эффекта.

При Петре Порошенко проблематика голодомора вновь стала одной из центральных тем, используемых как в исторической и внутренней политике, так и в политике внешней. При этом президентская команда и представители националистических организаций пытались закрепить уголовную ответственность за отрицание голодомора как факта геноцида украинского народа. Уже в ноябре 2014 г. в Верховной раде был зарегистрирован соответствующий законопроект. С учетом резкого сокращения противников такой трактовки голода 1932–1933 гг. среди депутатов нового состава Рады данный законопроект получил заметно большую поддержку со стороны различных политических партий и движений, однако до принятия тогда все же не дошло.

Новая попытка была предпринята в 2016 г., а затем в 2017 г., когда был внесен очередной законопроект, предусматривающий за публичное отрицание голодомора как геноцида карать штрафом или лишением свободы [Раде предлагают установить]. При этом автор последнего законопроекта депутат Юрий Шухевич в пояснительной записке сравнивал голодомор с холокостом времен Второй мировой войны и ссылался на европейский опыт наказаний за отрицание последнего. Активное участие в дискуссии по этому вопросу принимал и сам Петр Порошенко, заявлявший, что «голодомор – это не что иное, как проявление многовековой гибридной войны, которую Россия ведет против Украины» [Порошенко: Голодомор – часть многовековой гибридной войны]. Таким образом, проблема трактовки трагических событий 1932–1933 гг. в политическом дискурсе Украины в это время стала неотъемлемой составляющей конфликта Киева с Москвой. Одной из основных задач для Киева стало получение поддержки со стороны иностранных государств и международных организаций. После того как парламентская ассамблея Совета Европы отказалась признать голодомор геноцидом украинского народа, больших успехов политика Киева на этом направлении не добилась, хотя в 2017 г. официальная украинская трактовка получила поддержку парламента Португалии, а в 2018 г. – обеих палат Конгресса США [Палата представителей].

В целом президентство Петра Порошенко прошло под условным лозунгом декоммунизации, под которой правильнее понимать попытку избавить историческую память не столько от советского наследия, сколько от российского влияния. В так называемый декоммунизационный законодательный пакет, подготовленный и принятый Верховной радой и подписанный президентом весной 2015 г., вошли, в частности, законы «О правовом статусе и памяти участников борьбы за независимость Украины в XX веке», «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов», «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» и «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов и запрете пропаганды их символики» [Порошенко подписал законы]. В соответствии с законами, героями борьбы за независимость Украины были признаны члены таких националистических организаций, как Организация украинских националистов и Украинская повстанческая армия. День Победы в Великой Отечественной войне был заменен на два праздника – День памяти и примирения (8 мая) и День Победы над нацизмом во Второй мировой войне (9 мая). Сам термин «Великая Отечественная война» был исключен из официального употребления. Коммунистический режим был фактически приравнен к нацистскому и осужден, а советская коммунистическая символика (наряду с георгиевскими ленточками) запрещена. Новое законодательство также предусматри-

вало переименования названий, связанных с советским прошлым населенных пунктов, улиц, демонтаж памятников коммунистического прошлого.

В законе «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» четко выразилась тенденция избавления новой конструкции формирования коллективной исторической памяти от памяти о Великой Отечественной войне как общей освободительной войне и общей победе народов бывшего Советского Союза, а введение празднования победы во Второй мировой войне стало попыткой сближения с традициями ключевых западноевропейских и североамериканских партнеров, что очевидно коррелировалось с внешнеполитическим курсом Киева. Национальный музей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Киеве был переименован в 2015 г. в Национальный музей истории Украины во Второй мировой войне, та же судьба была отведена и другим музейно-мемориальным комплексам. Наиболее серьезной по своим последствиям, с точки зрения формирования взглядов на историю у молодых поколений, стала политика по изъятию термина «Великая Отечественная война» из применения в области исторического образования на всех уровнях, в то время как новыми героями периода Второй мировой войны для украинских школьников и студентов официально стали члены украинских националистических организаций, включая лидера ОУН Степана Бандеру и главу УПА Романа Шухевича.

Поддерживалась активность националистических организаций и объединений, занимавшихся сносом памятников деятелям советской эпохи, включая героев Великой Отечественной войны; были переименованы многие населенные пункты и улицы. Согласно статистике Украинского института национальной памяти, в рамках политики декоммунизации по состоянию на начало 2019 г. «52 тыс. топонимов были изменены, переименовано 987 населенных пунктов. Более 2,5 тыс. памятников вождям коммунистического тоталитарного режима демонтировано» [Что удалось сделать]. Среди самых известных и резонансных переименований: город Днепропетровск превратился в Днепр, Кировоград – в Кропивницкий, а Киевский городской совет в 2016 и 2017 гг. переименовал Московский проспект в честь Степана Бандеры и Проспект генерала Ватутина в честь Романа Шухевича.

Позиция России, на протяжении всего периода последовательно критикующей действия официального Киева в области исторической политики, хорошо известна. В то же время особый интерес представляют последствия исторической политики Украины 2014 – начала 2019 г. для отношений с рядом европейских государств.

Героизация членов украинских националистических организаций времен Второй мировой войны вызвала шквальную критику со стороны не только России, но и политиков, историков и общественных деятелей в Восточной и Центральной Европе. Наиболее серьезные осложнения возникли в отношениях

с одним из ключевых партнеров Киева в Евросоюзе, страной – участницей Вышеградской группы и Центральноевропейской инициативы, активным лоббистом евроинтеграционных устремлений Украины – Польшей. Интересно, что Украинский институт национальной памяти был создан по образцу аналогичного польского института, решающего схожие задачи, связанные с внешней политикой, направленной на минимизацию российского влияния в Европе, за исключением одной – в польской исторической памяти деятельность украинских националистов из ОУН-УПА считается не менее преступной, чем в российской, а Волынская резня 1943 г. расценивается как проявление геноцида по отношению к польскому населению. Героизация ОУН-УПА в Украине вызвала незамедлительный ответ в Польше: в 2016 г. нижняя палата польского парламента приняла резолюцию, согласно которой 11 июля стал днем памяти жертв геноцида, совершенного украинскими националистами против поляков в период Второй мировой войны. Кроме того, польские законодатели приняли поправки к закону об Институте национальной памяти, определявшие наказания – от крупного штрафа до тюремного заключения – за восхваление украинских националистов, виновных в уничтожении поляков.

В результате последние годы прошли в постоянном обмене жесткими заявлениями со стороны как польских, так и украинских официальных лиц, постоянно обвиняющих друг друга в сознательном искажении исторической правды. Отдельные попытки наладить диалог по обсуждению спорных тем ни к чему не привели. Команда Петра Порошенко в преддверии очередных президентских выборов, чувствуя потерю популярности и снижение шансов главы государства на переизбрание, активно использовала в своей предвыборной кампании антироссийскую риторику и усиление националистической компоненты в трактовках исторического прошлого. На фоне этого в марте 2019 г. в Украине в силу вступил закон «О внесении изменения в статью 6 Закона Украины “О статусе ветеранов войны, гарантии их социальной защиты” в части усиления социальной защиты участников борьбы за независимость Украины в XX веке». В законе статус членов украинских националистических организаций (включая Организацию украинских националистов и ее боевое крыло – Украинскую повстанческую армию (ОУН-УПА)) и предоставляемые им социальные гарантии были приравнены к статусу и социальным гарантиям ветеранов войны, сражавшихся в рядах Красной армии [Про внесення змін]. Можно констатировать, что в условиях действия подобных законов налаживание плодотворной академической дискуссии между Украиной, с одной стороны, и Россией и Польшей – с другой, оказалось крайне затруднено.

Историческая политика Киева в 2014 – начале 2019 г. коррелировалась с общей образовательной и языковой политикой, направленной на украинизацию. В этом контексте показательно принятие в 2017 г. нового закона «Об

образовании». Этот закон вызвал жесткую критику со стороны не только России, но и целого ряда других государств, особенно в Восточной Европе – Венгрии, Польше, Словакии. Официальный Будапешт расценил ст. 7 данного закона как угрозу правам и национальной идентичности 150 тыс. венгров, компактно проживающих в Закарпатье, что привело к кризису в украинско-венгерских отношениях. Сторону критиков закона приняла и парламентская ассамблея Совета Европы, которая сочла, что «новый закон влечет за собой значительное сокращение прав, ранее признанных за “национальными меньшинствами” в отношении их собственного языка образования. Эти национальные меньшинства, которые ранее имели право посещать одноязычные школы и с полноценными учебными программами на своем родном языке, теперь оказываются в ситуации, когда образование на их родном языке может быть обеспечено (наряду с образованием на украинском языке) только до окончания начального образования. Для Ассамблеи это не соответствует концепции “совместного проживания”» [Опубликован полный текст резолюции].

Хотя украинское руководство после этого неоднократно заявляло об урегулировании спорных вопросов и отсутствии признаков дискриминации в образовательной политике, 25 апреля 2019 г. Верховной радой под давлением Петра Порошенко, проигрывающего президентские выборы и торопящегося утвердить законодательные изменения, направленные на укрепление националистических основ украинской государственности, был принят резонансный языковой закон, устанавливающий и регулирующий обязательное применение украинского языка [Верховная рада приняла закон]. Данный закон также вызвал шквальную критику со стороны России и Венгрии, при этом министр иностранных дел последней Петер Сийярто заявил, что закон о языке нарушает права венгерского меньшинства и отражает видение президента Петра Порошенко, реализующего антивенгерскую политику [Венгрия раскритиковала языковой закон].

В целом языковая и образовательная политика наряду с героизацией организаций украинских националистов, сотрудничавших в годы Второй мировой войны с нацистским режимом, способствовала формированию среди соседей Украины, включая и государства – члены ЕС, образа современной украинской государственности как строящейся преимущественно на националистической основе, и снижала уровень взаимного доверия между Киевом и общественностью и политическими элитами этих стран.

В российско-украинских отношениях курс Киева привел к разрыву долгое время налаживаемых связей между академической общественностью двух стран. Важно подчеркнуть, что российские историки всегда были настроены на академический диалог и сотрудничество с украинскими историками, и в первой половине 2010-х годов было инициировано несколько

важных совместных проектов, в том числе по линии российско-украинской комиссии историков. В рамках сотрудничества удалось, например, в 2011 г. выпустить первый том трехтомного издания «Страна в огне», посвященного периоду Великой Отечественной войны, подготовленный совместно российскими, белорусскими и украинскими историками под редакцией доктора исторических наук Александра Ковалени и академиков Валерия Смолия и Александра Чубарьяна [1941 год 2011]. В том же 2011 г. начала работу Ассоциация вузов-партнеров России и Украины. Уже после резкого обострения российско-украинских отношений в 2016 г. вышла коллективная работа группы российских историков «История Украины», где основной упор делался на дискуссионные вопросы общей истории [Данилевский 2015]. Плодом коллективной работы ученых Российского государственного гуманитарного университета и Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина в 2012 г. стало подготовленное и изданное под редакцией члена-корреспондента РАН Ефима Пивовара историко-документальное издание «Город и война. Харьков в годы Великой Отечественной войны» [Город и война 2012]. Однако по мере раскручивания маховика декоммунизации и национализации концепции истории в Украине официальные контакты и проекты оказались заморожены; сохранились лишь контакты с отдельными украинскими историками, старающимися выдерживать объективную линию в своей исследовательской и просветительской работе.

При этом с уверенностью можно утверждать, что в настоящее время в украинской научной общественности даже под давлением государства и с учетом активной работы различных негосударственных акторов (включая различные украинские, североамериканские и европейские фонды и объединения, ведущие активную деятельность на территории Украины) не был достигнут консенсус по новым официальным оценкам ключевых проблем исторического прошлого. Взгляды украинских историков, социологов и политологов на этот счет зачастую кардинально расходились. Так, в вышедшей в 2018 г. пропагандистской работе Станислава Кульчицкого и Михаила Мищенко «Украина на пороге объединенной Европы» (подготовленной и выпущенной при поддержке представительства фонда Ганса Зайделя в Украине и Центра Разумкова) утверждалось, что «...революция достоинства... фактически положила конец колебаниям Украины между Западом и Востоком, определила ее цивилизационный выбор, ее стратегический курс – современной демократии, правового государства, общества благосостояния. Российская агрессия против Украины стала мощным толчком к разрыву с “русским миром”, похоронила мифы о братских народах и “старшего брата”. Граждане Украины все больше осознают не только свою отдельность, но и ответственность за свою страну, ее европейский путь, благосостояние и достойное место в мировом сообществе» [Кульчицкий 2018]. В то же время

Георгий Касьянов отмечал, что «...нынешняя победа национального / националистического нарратива и устранение его конкурентов обещают обострение его собственных внутренних проблем, прежде всего связанных с преобладанием эксклюзивной модели памяти» [Касьянов 2019, с. 605]. Другой известный украинский историк, академик Национальной академии наук Украины Петр Толочко, автор ряда известных работ по украинской истории и истории российско-украинских отношений, в которых он старался последовательно развенчивать новые мифы национальной истории (История Украины 2018) [Толочко 2018], в одном из интервью в начале 2019 г. отметил, что «...Европе и США это зачем-то нужно. И они заставляют украинские власти в угоду себе предавать свои корни, своих родителей. Пожалуйста, если вам нужно, поддерживайте отношения с Западом, но не такой дорогой ценой! Мне кажется, что это разрушительно прежде всего для самой Украины. Потому что подспудно не все у нас принимают эту трансформацию. Наверняка в глубине общества зреют силы, которые с этим не согласны. И когда-нибудь они себя проявят. Но ведь это опять приведет к социальным катаклизмам!» [Нам навязывают роль жертвы].

Существует серьезный раскол в восприятии новой исторической политики среди населения Украины. Особенно четко это прослеживается по региональному принципу: на юго-востоке страны противников декоммунизации заметно больше, чем на западе. Ярким свидетельством неоднозначного отношения украинцев к героизации ОУН-УПА стало принятое в июне 2019 г. Окружным административным судом Киева решение об отмене переименования двух проспектов города в честь Степана Бандеры и Романа Шухевича и возвращения проспектам прежних названий (Московский и генерала Ватутина). Хотя окончательно вопрос не был решен (решение ждет апелляция), подобная позиция судей не была бы возможна без наличия общественного запроса. После сноса националистами памятника Георгию Жукову в Харькове 2 июня 2019 г. мэр города Геннадий Кернес пообещал восстановить монумент, добавив при этом, что «есть возможность избрать такой парламент, который сможет поставить точку в этой пляске вседозволенности и безумия», намекая на близящиеся выборы в Верховную раду, назначенные на 21 июля 2019 г. [Кернес о сносе памятника Жукову в Харькове].

Поражение Петра Порошенко на президентских выборах весной 2019 г. стало несомненным свидетельством усталости значительной части украинского общества, не видящего серьезных позитивных сдвигов в социально-экономическом положении, от ультрарадикальной националистической повестки как во внешней политике, так и в общественно-политическом дискурсе. Фигура нового украинского президента Владимира Зеленского аккумулировала вокруг себя протестный электорат, которому перед вторым туром

выборов противостояли преимущественно сторонники ужесточения антиросийской внешнеполитической линии и националистических движений.

Однако это вовсе не означает автоматического разворота исторической политики Киева. Реальностью современной внутренней жизни Украины является тот факт, что большинство представителей политических элит, находящихся у власти, видят будущее страны в реализации евроинтеграционного вектора и сближении с НАТО. Настроенная же на конструктивный диалог с Россией оппозиция в большой украинской политике находится в явном меньшинстве. Многое будет зависеть от результатов парламентских выборов, в ходе которых оппозиция постарается расширить свое представительство. Что касается самого Зеленского и его команды, в формировании которой просматривается влияние как украинских олигархических кругов, так и американской дипломатии, то снижение градуса напряженности в российско-украинских отношениях будет зависеть не только от перспектив урегулирования кризиса на Донбассе, но и в не меньшей степени от возможностей налаживания диалога между Россией и США и Североатлантическим альянсом в целом, с одной стороны, и успешности попыток нормализации отношений России с ЕС – с другой.

Библиография

Венгрия раскритиковала языковой закон Украины // Корреспондент. net [Электронный ресурс]. 2019. 25 апр. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/4090592-venhryia-raskrytykovala-yazykovoï-zakon-ukraïny> (Дата обращения 25.06.2019.)

Верховная Рада приняла закон об украинском языке // ТСН [Электронный ресурс]. 2019. 25 апр. URL: <https://ru.tsn.ua/politika/verhovnaya-rada-prinyala-zakon-ob-ukrainskom-yazyke-1335663.html> (Дата обращения: 08.05.2019.)

Город и война. Харьков в годы Великой Отечественной войны. Отв. ред. Е.И. Пивовар. СПб.: Алетейя, 2012. 567 с.

Данилевский И.Н., Мироненко В.И., Таирова-Яковлева Т.Г., Шубин А.В. История Украины. СПб.: Алетейя, 2015. 722 с.

История Украины. VI–XXI вв. / П.П. Толочко, А.А. Олейников [и др.]. Под общей ред. П.П. Толочко. 2-е изд., испр. и доп. К.; М.: Киевская Русь; Кучково поле, 2018. 472 с.

Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М., 2019. 632 с.

Кернес о сносе памятника Жукову в Харькове // Gordonua.com [Электронный ресурс]. 2019. 14 сент. URL: <https://gordonua.com/news/politics/kernes-o-snose-pamyatnika-zhukovu-v-harkove-nichego-vosstanovim-no-voobshche-etomu-pora-uzhe-polozhit-konec-1009568.html> (Дата обращения: 25.06.2019.)

Кульчицкий С., Міщенко М. Україна на порозі об'єднаної Європи. Київ, Центр Разумкова, 2018. 232 с.

Левченко А.С. Официальные трактовки дискуссионных вопросов истории XX в. на Украине в контексте российско-украинских отношений рубежа XX–XXI вв. // Исторический вестник. Т. 16 (№ 163). М.: Руниверс., 2016. С. 222–243.

Нам навязывают роль жертвы. Академик Толочко – об Украине и ее истории // Аргументы и факты. 2019. 20 марта. № 12.

Опубликован полный текст резолюции ПАСЕ по скандальному закону об образовании в Украине (документ) // УНИАН. net [Электронный ресурс]. 2017. 12 окт. URL: <https://www.unian.net/politics/2185349-opublikovan-polnyiyy-tekst-rezolyutsii-pase-po-skandalnomu-zakonu-ob-obrazovanii-v-ukraine-dokument.html> (Дата обращения: 2.05.2019.)

Палата представителей Конгресса США признала Голодомор геноцидом // Корреспондент. net [Электронный ресурс]. 2018. 12 дек. URL: <https://korrespondent.net/world/4042412-palata-predstavitelei-kongressa-ssha-pryznala-holodomor-henotsydom> (Дата обращения: 26.05.2019.)

Пивовар Е.И. Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019. 439 с.

Плеханов А.А. Историческая политика в государственном дискурсе Украины в постсоветский период // Вестник Пермского научного центра. № 5. 2016. С. 68–76.

Положення про Український інститут національної пам'яті. Український інститут національної пам'яті [Электронный ресурс] // Український інститут національної пам'яті. Офіційний сайт. URL: <http://www.memory.gov.ua/page/polozhennya-pro-ukrainskii-institut-natsionalnoi-pamyati> (Дата обращения: 25.06.2019.)

Порошенко подписал законы о декоммунизации // BBC-Украина [Электронный ресурс]. 2015. 15 мая. URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/05/150516_ru_s_decommunisation_laws_signing (Дата обращения: 26.05.2019.)

Порошенко: Голодомор – часть многовековой гибридной войны России против Украины // 112. UA [Электронный ресурс]. 2018. 28 нояб. URL: <https://112.ua/obshchestvo/poroshenko-golodomor-chast-mnogovekovoy-gibridnoy-voyny-rossii-protiv-ukrainy-275246.html> (Дата обращения: 26.06.2019.)

Про внесення зміни до статті 6 Закону України «Про статус ветеранів війни, гарантії їх соціального захисту» щодо посилення соціального захисту учасників боротьби за незалежність України у XX столітті // Законодавство України: Офіційний сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2640-viii> (Дата обращения: 2.05.2019.)

Раде предлагают установить уголовную ответственность за отрицание факта Голодомора в Украине // УНИАН [Электронный ресурс]. 2017. 23 янв. URL: <https://www.unian.net/politics/1737452-rade-predlagayut-ustanovit-ugolovnyu-otvetstvennost-za-otritsanie-fakta-golodomora-v-ukraine.html> (Дата обращения: 25.06.2019.)

Толочко П.П. Украина между Россией и Западом: историко-публицистические очерки. СПб.: СПбГУП, 2018. 592 с.

1941 год: Страна в огне: в 2 кн. Кн. 1: Очерки. Редкол.: Коваленя А.А., Смолий В.А., Чубарьян А.О. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 720 с.

1941 год: Страна в огне: в 2 кн. Кн. 2: Документы и материалы. Редкол.: Коваленя А.А., Смолий В.А., Чубарьян А.О. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 717 с.

Что удалось сделать за 4 года декоммунизации: Вятрович подвел итоги // 24 Канал [Электронный ресурс]. 2019. 8 апр. URL: https://24tv.ua/ru/chto_udalos_sdelat_za_4_goda_dekommunizacii_vjatrovich_podvel_itogi_n1138297 (Дата обращения: 08.05.2019.)

References

About modification of article 6 of the Law of Ukraine «About the status of veterans of war, guarantees of their social protection» concerning strengthening of social protection of participants of fight for independence of Ukraine in the XX century. The Legislation of Ukraine: the Official site [Electronic resource]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2640-viii> (Date of access: 2.05.2019.) (In Russ.)

City and war. Kharkov during the great Patriotic war. Executive editor E.I. Pivovar. SPb.: Aletejya, 2012. 567 p. (In Russ.)

Danilevskij I.N., Mironenko V.I., Tairova-Yakovleva T.G., Shubin A.V. The History of Ukraine. SPb.: Aletejya, 2015. 722 p. (In Russ.)

History of Ukraine. VI–XXI centuries. Tolochko P.P., Olejnikov A.A. [and others]; under the general ed. of P.P. Tolochko. 2 nd edition, corr. and suppl. K.; M.: Kievskaya Rus'; Kuchkovo pole, 2018. 472 p. (In Russ.)

House of Representatives of the United States Congress recognized the Holodomor as genocide. Korrespondent. net [Electronic resource]. 2018. Dec. 12. URL: <https://korrespondent.net/world/4042412-palata-predstavitelei-konhressa-ssha-pryznala-holodomor-henotsydom> (Date of access: 26.05.2019.) (In Russ.)

Hungary criticized the language law of Ukraine. Korrespondent. net [Electronic resource]. 2019. April 25, 2019. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/4090592-venhryia-raskrytkovala-yazykovoi-zakon-ukrayny> (Date of access: 25.06.2019.) (In Russ.)

Kas'yanov G.V. Ukraine and its neighbors: historical policy. 1987–2018. M., 2019. 632 p. (In Russ.)

Kernes about demolition of the monument to Zhukov in Kharkov. Gordonua.com [Electronic resource]. 2019. 14 Sept. URL: <https://gordonua.com/news/politics/keres-o-snose-pamyatnika-zhukovu-v-harkove-nichego-vosstanovim-no-voobshche-etomu-pora-uzhe-polozhit-konec-1009568.html> (Date of access: 25.06.2019.) (In Russ.)

Kul'chic'kij S., Mishchenko M. Ukraine is on the threshold of a United Europe. Kiïv, Centr Razumkova, 2018. 232 p. (In Russ.)

Levchenkov A.S. Official interpretations of debatable issues of the XX century history in Ukraine in the context of Russian-Ukrainian relations of the XX–XXI centuries. Istoricheskij vestnik. Vol. 16 (No. 163). M.: Runivers, 2016. P. 222–243. (In Russ.)

1941 year: Country in fire: in 2 books Book 2: Documents and materials: Kovalenya A.A., Smolij V.A., Chubar'yan A.O. M.: OLMA Media Grupp, 2011. 717 p. (In Russ.)

1941 year: Country in fire: in 2 books. Book 1: Essays. Editorial board: Kovalenya A.A., Smolij V.A., Chubar'yan A.O. M.: OLMA Media Grupp, 2011. 720 p. (In Russ.)

Pivovar E.I. World of Russian abroad in the late XX – early XXI century. M.: RGGU, 2019. 439 p. (In Russ.)

Plekhanov A.A. Historical policy in the state discourse of Ukraine in the post-Soviet period. Vestnik Permskogo nauchnogo centra. No. 5. 2016. P. 68–76. (In Russ.)

Poroshenko signed laws on decommunization. BBC-Ukraine [Electronic resource]. 2015. 15 May. URL: http://www.bbc.co.uk/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/05/150516_ru_s_decommunisation_laws_signing (Date of access: 26.05.2019.) (In Russ.)

Poroshenko: Holodomor is a part of the centuries-old hybrid war of Russia against Ukraine. 112. UA [Electronic resource]. 2018. 28 Nov. URL: <https://112.ua/obshchestvo/poroshenko-golodomor-chast-mnogovekovoy-gibridnoy-voyny-rossii-protiv-ukrainy-275246.html> (Date of access: 26.06.2019.) (In Russ.)

Rada proposed to establish criminal responsibility for denial of the fact of Holodomor in Ukraine. UNIAN [Electronic resource]. 2017. 23 Jan. URL: <https://www.unian.net/politics/1737452-rade-predlagayut-ustanovit-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-otritsanie-fakta-golodomora-v-ukraine.html> (Date of access: 25.06.2019.) (In Russ.)

Regulations on the Ukrainian Institute of national memory. Ukrainian Institute of national memory [Electronic resource]. Ukrainian Institute of national memory. Official site. URL: <http://www.memory.gov.ua/page/polozhennya-pro-ukrainskii-institut-natsionalnoi-pamyati> (Date of access: 25.06.2019.) (In Ukr.)

The full text of the PACE resolution on the scandalous law on education in Ukraine has been published (document). UNIAN. net [Electronic resource]. 2017. 12 October. URL: <https://www.unian.net/politics/2185349-opublikovan-polnyiy-tekst-rezolyutsii-pase-po-skandalnomu-zakonu-ob-obrazovanii-v-ukraine-dokument.html> (Date of access: 2.05.2019.) (In Russ.)

Tolochko P.P. Ukraine between Russia and the West: historical and journalistic essays. SPb.: SPbGUP, 2018. 592 p. (In Russ.)

Verkhovna Rada adopted a law on the Ukrainian language. TSN [Electronic resource]. 2019. 25 April 2011. URL: <https://ru.tsn.ua/politika/verhovnaya-rada-prinyala-zakon-ob-ukrainskom-yazyke-1335663.html> (Date of access: 08.05.2019.) (In Russ.)

We're being forced to play the victim. Academician Tolochko – about Ukraine and its history. Arguments and facts. 2019. March 20. No. 12. (In Russ.)

What was done during 4 years of decommunization: Vyatrovich summed up the results. 24 Channel [Electronic resource]. 2019. 8 Apr. URL: https://24tv.ua/ru/chto_udalos_sdelat_za_4_goda_dekommunizacii_vjatrovich_podvel_itogi_n1138297 (Date of access: 08.05.2019.) (In Russ.)

О.И. Киянская, Д.М. Фельдман

ОДЕССА ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРАХ НАТАЛЬИ ЛОГУНОВОЙ

***Аннотация.** В статье представлен фрагмент мемуаров русской писательницы-эмигрантки Н.А. Логуновой, посвященных событиям 1918–1920 гг. в Одессе. Мемуары Логуновой хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США); в России эти документы ранее не были известны.*

Анализируется историко-политический контекст событий, о которых повествует Логунова: смена властей в Одессе в годы Гражданской войны. Сначала городом правили сторонники Временного правительства, их сменили представители Украинской Центральной Рады (УЦР), затем – в ходе «январских боев» 1918 г. – в городе была провозглашена Одесская советская республика. В марте республика пала, в Одессу вошли австро-германские войска, поддерживавшие Украинскую державу гетмана П.П. Скоропадского, затем войска С.В. Петлюры, быстро сменившиеся интервентами. После ухода интервентов власть перешла к большевикам, затем – к Вооруженным силам Юга России, затем – опять к большевикам. Описывается реакция современников на «чехарду властей». Согласно одному из мемуаристов, П.С. Ставрову, одесситы «чумели» от происходящего.

Рассказывается о жизненном и творческом пути автора мемуаров – Н.А. Логуновой. Описывается ее происхождение, образование, образ жизни, интересы. В юности она входила в кружок молодых одесских литераторов, знала В.П. Катаева, Э.Г. Багрицкого, Ю.К. Олецу. Первый ее рассказ был опубликован в 1920 г. К советской власти относилась резко отрицательно, не находя для себя возможным вести литературную деятельность в условиях большевистской диктатуры. В годы Второй мировой войны, во время румынской оккупации Одессы, сотрудничала с оккупационными властями, печаталась в русских периодических изданиях. Затем эмигрировала и остаток своих дней прожила в США, где и написала мемуары.

Публикуемый фрагмент мемуаров снабжен небольшим комментарием. Общеизвестные имена и реалии, а также имена и реалии, о которых речь идет во вступительной статье, не комментируются.

Ключевые слова: Н.А. Логунова; мемуары; Одесса; революция; Гражданская война в России.

**Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного**

университета (РГГУ); ведущий научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН). E-mail: kianoks@inbox.ru

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного
университета (РГГУ). E-mail: dmfeld@inbox.ru

O.I. Kiyanskaya, D.M. Feldman. A Civil War in Odessa in Natalya Logunova's Memoirs

Abstract. *The article deals with the memoirs of the Russian writer-emigrant, N.A. Logunova, in which she describes the events of 1918–1920 in Odessa. Logunova's memoirs are kept in the Bakhmetevsky archive of Columbia University (New York, USA); in Russia this work has not been known until now.*

Analyzing the historical and political context of Logunova's text, the authors trace the frequent metamorphosis of the power regimes in the city during the Civil War. Initially, the city was ruled by the supporters of the Provisional Government, who were then displaced by representatives of the Ukrainian Central Rada, after which, during the «January fights» in 1918, the Bolsheviks created their Odessa Soviet Republic. In March, that regime fell and was replaced by the military Austro-German authorities acting in support of Hetman Skoropadsky's «Power». Then arrived Petlyura's troops, those being soon displaced by interventionist. On their departure, the power in the city passed to the Bolsheviks again, then – to the Armed Forces of the South of Russia, then – again to the Bolsheviks. The memoirs extensively describe the reaction of contemporaries to this «merry-go-round» of the city's administrations. In the words of one of the memoirists, P.S. Stavrov, Odessa's «was constantly crazy» from what was happening.

Turning to the biography of Logunova and her works, the paper describes her origin, education, lifestyle and interests. It is mentioned that in her youth she was a member of the circle of the young Odessa writers and was a close acquaintance of V.P. Katayev, E.G. Bagritsky, Y.K. Olesha. Her first story was published in 1920. Having a sharply negative attitude towards the Bolshevik rule, she did not think it possible for herself to pursue a literary career under their regime. During the Romanian occupation of Odessa, Logunova collaborated with the occupation authorities and published her texts in Russian periodicals. Then she emigrated and lived the rest of her life in the USA, where she wrote her memoirs.

A small commentary is offered to the published fragment of Logunova's memoirs. The well-known names and facts, as well as the names and facts that are discussed in the introductory article, are not commented on.

Keywords: *N.A. Logunova; Memoirs; Odessa; Revolution; Civil War in Russia.*

Kiyanskaya Oksana Ivanovna – Doctor of History, Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN). E-mail: kianoks@inbox.ru

**Feldman David Markovich – Doctor of History, Professor,
the Russian State University for the Humanities (RGGU).
E-mail: dmfeld@inbox.ru**

Гражданская война на территории бывшей Российской империи многократно описана и современниками, и позднейшими исследователями. Конечно, не обделена вниманием и Одесса – город, переживший все ужасы этой войны, город, в котором власти менялись с необычайной быстротой, а жители, проснувшись утром, первым делом выясняли, кто в данный момент правит.

Историки выделяют несколько периодов Гражданской войны в Одессе. Сообразно их смене менялась и власть в Одессе.

С февраля 1917 г. город был под властью Временного правительства. Но оно утратило авторитет еще до Октябрьской революции в столице империи. Затем боролись за лидерство Городская дума, Совет рабочих депутатов и Румчерод (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы).

Претендовала на власть и созданная в Киеве в ноябре 1917 г. Украинская Центральная Рада, которая в ноябре провозгласила создание Украинской Народной Республики (УНР). В итоге сформированный из представителей разных властей областной Ревком принял решение о вхождении Одессы в состав УНР.

С января 1918 г. в городе начались бои. Румчерод, где тогда временно лидировали большевики, поднял восстание против Центральной Рады. Основными вооруженными силами Румчерода были войска Красной гвардии, поддержанные матросами со стоявших на рейде крейсеров и броненосцев, демобилизованные и распропагандированные большевиками солдаты. Так в городе была создана Одесская советская республика.

Советы продержались до марта 1918 г., когда в город вошли австро-германские войска. Сначала они поддерживали Центральную Раду, а затем распустившего ее гетмана Павла Скоропадского, который объявил себя правителем Украинской державы. Эта власть в Одессе просуществовала семь месяцев, до того времени, когда австро-германские войска после капитуляции проигравших мировую войну Германии и Австро-Венгрии покинули Одессу.

В декабре 1918 г. Одессу заняли войска Симона Петлюры. Он присягнул уже считавшейся разгромленной Центральной Раде и возглавил ее военную администрацию – Директорию. Но вскоре петлюровцы были вытеснены отрядом Добровольческой армии. С ними в Одессу вошли французские интервенты, продержавшиеся до начала апреля 1919 г.

После окончания интервенции власть опять перешла к большевикам. Но в августе Одессу заняли войска, входившие в состав Вооруженных сил Юга

России (ВСЮР). Окончательно советская власть установилась в Одессе с 8 февраля 1920 г. [подробнее об этом см.: Пученков 2013].

О Гражданской войне в Одессе сохранилось множество мемуаров. Так, свидетель событий Иван Бунин писал о «полной безнадежности» происшедшего, о том, что в этих событиях раскрылась «страшная правда о человеке». Убежденный противник большевиков, «теперешним дням» он посылал «всечеловеческое проклятие» [Бунин 1935, с. 91]. Другой современник событий, Перикл Ставров, как и Бунин эмигрировавший из советской Одессы, вспоминал о событиях в городе, когда «прахом распадалась... старая Россия»: «На севере: “Вся власть советам!” – и никаких, и точка. У нас же, на пылком, изменчивом юге по очереди: и “Deutschland über alles”, и “Вся власть советам”, и “Единая, неделимая”, и “Хай живе вільна Україна”, и “Vive la France”, и просто “грабь награбленное”, и “бей, спасай”, и такие еще лозунги, что вспомнить стыдно. Власти сменялись многократно и бурно; от смены этой одесситы чумели» [Ставров 2003, с. 275].

Противником советской власти был и автор публикуемого ниже фрагмента мемуаров.

* * *

Наталья Логунова (урожд. Иванова) родилась 26 февраля 1903 г. «Прекрасный город круто поднимается над безбрежным Черным морем. Прямые, широкие, расположенные в шахматном порядке улицы обрамлены деревьями белой акации. В июне они зацветают гроздьями ароматнейших цветов. Тогда город похож на невесту в подвенечном платье, с замиранием сердца ожидающую своей брачной ночи. Только одна улица – широкая и длинная, раскинувшаяся через весь город от вокзала до одного из лучших в мире театров – Городского – Пушкинская обсажена старыми платановыми деревьями. Кроны их шатров нависают над тротуарами и в жаркие летние дни укутывают их густой тенью. Это Одесса – Южная Пальмира», – так описывала Логунова город своего «рождения, детства и юности» [Logunova, box 8, fol. 11, p. 1¹].

Отец Логуновой, Аполлинарий Иванов, происходил «из крестьян» – хотя семейная легенда гласила, что на самом деле происхождения он был «аристократического». Мать Елена, урожденная Вильсон, согласно тем же преданиям, – из польской шляхты.

Наталья Логунова родилась, когда отец служил в Бессарабско-Таврическом Земельном банке. У нее были младшая сестра Ольга и брат Борис. До

1. Ссылка на мемуары Н.А. Логуновой оформляется следующим образом: Автор (Logunova), номер коробки (box), номер папки (fol.), страница (p.).

революции Логунова успела окончить гимназию, училась музыке и танцам (в частности, под руководством знаменитой Эльзы Крюгер), занималась репетиторством, работала воспитательницей в детском саду и машинисткой в земской управе.

С юности она мечтала стать писательницей. Участвовала в работе кружка молодых одесских литераторов, многие из которых – например, Валентин Катаев, Юрий Олеша и Эдуард Багрицкий – впоследствии стали знаменитыми. В 1920 г., еще до установления советской власти, журнал «Южный огонек» опубликовал первый рассказ Логуновой «Шутка».

О своем дебюте она много лет спустя вспоминала: «Мой рассказ был напечатан. Выйдя на улицу и остановившись у дома, я еще и еще пробегала рассказ глазами. Он был помещен полностью. Ничего в нем не было сокращено. От радости я забыла о гонораре. Это был мой первый напечатанный рассказ. Я поверила в свои силы. Теперь я пойду своей дорогой и буду писательницей. Шла по улице, неся номер журнала, как драгоценность. Казалось, все встречные знают о моем первом литературном крещении. Казалось, журнал раскупают потому, что там помещен мой рассказ», – вспоминала Логунова [Logunova, box 8, fol. 13, p. 319–320].

Советскую власть Логунова не приняла. Разрушился привычный уклад жизни, Одесса стала другой, литературные планы рухнули. Пережив «военный коммунизм», НЭП, украинизацию, кампании «борьбы с вредителями» и «коллективизацию», Логунова пришла к выводу, что ее «старый белый город» при большевиках «умер, как умерла Россия» [ibid., box 9, fol. 2, p. 779]. Для Логуновой советская эпоха – беспросветна. По словам мемуаристки, одесситы жили «в условиях погони за куском хлеба, в условиях ожидания у своих дверей “черного ворона”, в условиях страха, владевшего всеми» [ibid., fol. 1, p. 525].

Сначала она поступила на службу в медико-санитарный отдел Одесского уездного исполкома. Потом работала в других советских учреждениях. Вышла замуж, но в голодающем городе содержать ребенка возможности не было, Логунова прервала беременность и позже детей не имела.

Младший брат Логуновой в годы Первой мировой войны был офицером. Затем служил в Добровольческой армии. В начале 1920-х годов сумел эмигрировать. Поселился в Польше, где и умер от туберкулеза. Младшая сестра Ольга с началом мировой войны стала санитаркой. Вышла замуж, овдовела, воспитывала дочь. Как отметила мемуаристка, это были «страшные годы борьбы за существование» [ibid., fol. 2, p. 628].

Впрочем, Логунова оставила литературные планы не только из-за тяжелых бытовых условий. Подчеркнула в мемуарах: «На литературном поприще в коммунистической стране я не могла бы работать. Моя прямая, честная, отцовская натура не позволила бы мне кривить душой» [ibid., fol. 2, p. 628].

Во время Второй мировой войны войска Румынии заняли Одессу, в августе 1941 г. Логунова с оккупационным режимом сотрудничала. В мемуарах она объяснила такое решение тем, что румыны поначалу относились к населению дружелюбно, а Гитлер, как она полагала тогда, воевал «не против русского народа, а против коммунизма» [Logunova, box 8, fol. 5, p. 1001]. Логунова, по ее словам, надеялась, что советский режим уничтожит Германия, которую в свою очередь разгромят англо-американские войска, и в итоге Россия станет демократической республикой. Ну а до той поры, как утверждала мемуаристка, не так уж мало одесситов готовы были «поддержать Гитлера, черта, дьявола, чтобы расправиться с внутренним врагом» [ibid., p. 1001].

Логунова работала в русскоязычной газете «Молва», сотрудничала и с другими изданиями. Она стала профессиональным литератором – хотя бы при оккупационном режиме.

В марте 1944 г. советские войска освободили Одессу. Румынская администрация успела эвакуировать сотрудничавших с оккупационным режимом одесситов. В числе эвакуированных была и Логунова. Через Румынию она попала в Германию, оказалась в американской оккупационной зоне, а затем в лагере для «перемещенных лиц».

Впоследствии Логунова переехала в США. Там печаталась в эмигрантской периодике. В 1962 г. опубликовала автобиографический роман «Ирина». Его выпустило русскоязычное издательство в Буэнос-Айресе. В 1966 г. в том же издательстве вышел ее роман «Оленька Белл». Шесть лет спустя – в Мадриде – повесть «Человек без лица». Логунова в литературном процессе русской эмиграции была заметной фигурой, хотя и отнюдь не первого ряда. В советской же печати не было упоминаний о писательнице-эмигрантке, принципиально не принимавшей советский режим, да еще и коллаборационистке.

Мемуары «Три эпохи» Логунова завершила в последние годы жизни. Рукопись объемом в 1,5 тыс. страниц передала на хранение архиву Колумбийского университета в Нью-Йорке. По ее словам, надеялась, что мемуары окажутся востребованными «будущей свободной Россией» [ibid., fol. 8, p. 1333–1334].

В хронологии Логунова не всегда точна. Тем не менее мемуары – важный источник для изучения истории досоветской, советской, оккупационной и эмигрантской повседневности. Они еще ждут своих исследователей. Мемуаристка же так завершила повествование: «Если моим творчеством и мной займутся после моей смерти – лучшей награды себе не желаю» [ibid., p. 1334]. Умерла Наталья Логунова в 1972 г.

* * *

<...> Между тем события в стране разворачивались во всю ширь. На Украине оккупанты – немцы и австрийцы – поддерживали самостийно вспыхнувшие движения то Петлюры, то гетмана Скоропадского. Отдельно от этих движений возникло махновское партизанское и поддерживаемое крестьянами анархическое, на черных знаменах которых был лозунг: «Анархия – мать порядка»². Были и другие движения – то тут, то там появлялись отряды Шкуро и атамана Григорьева³. Добровольческой армии приходилось распылять свои силы для борьбы не только с красными, но и со всеми этими движениями. Чтобы увеличить свои силы против Белой армии, большевики заключили с Махно Старобельское соглашение⁴.

На юге была какая-то чехарда власти. Ложась спать, население не знало, при какой власти проснется. Иногда половина города была занята добровольцами, другая – красными, как это было в Киеве, который несколько раз переходил из рук в руки. Не успевали ознакомиться с приказами одной власти, как их сменяли приказы другой. Каждая власть расправлялась со своими противниками, не успевшими скрыться.

В связи со сменами власти невозможно было наладить хоть какую-нибудь жизнь. Из-за полной разрухи транспорта продукты в город не подвозились. Материальный уровень населения падал катастрофически. То, что еще удавалось доставать из-под полы, продавалось по чересчур высоким ценам и было недоступно большей части населения. Добровольческая армия откатывалась все южнее. Неожиданно земские служащие были встревожены

2. Махно Нестор Иванович (1888–1934) – революционер, лидер украинских анархистов времен Гражданской войны; выступал то в союзе с большевиками, то против них, боролся против гетмана Скоропадского и присутствия австро-германских войск на территории Украины, против Добровольческой армии. В июле 1918 г. объединил под своим командованием разрозненные повстанческие отряды, поддерживаемые местными крестьянами, боролся с войсками Петлюры и Добровольческой армии; эмигрировал.

3. Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) – в 1918–1920 гг. офицер Русской армии, командовал крупными соединениями в составе Добровольческой армии; эмигрировал.

Григорьев Никифор Александрович (1885–1919) – командир повстанческих соединений, воевавших против гетмана Скоропадского и австро-германских оккупационных войск. Сотрудничал сначала с Петлюрой, затем – с большевиками. В мае 1919 г. поднял мятеж против большевиков, перешел к самостоятельным повстанческим действиям, объединился с Махно, однако между ними вскоре возник конфликт. Убит махновцами [см. об этом: Воронцова 2018].

4. Старобельское соглашение между Махно и правительством советской Украины о совместных действиях против армии П.Н. Врангеля подписано 2 октября 1920 г. в Старобельске.

частыми выстрелами на привокзальной площади. Бросились к окнам. По улицам мчались грузовики, из которых стреляли. Доктор Концевич предложил не стоять у окна, чтобы не быть задетым шальной пулей. Перестрелка стала такой интенсивной, что он предложил всем своим служащим перейти в его кабинет, окна которого выходили во двор Управы. Некоторые не могли выстоять там долго и время от времени выбегали в канцелярию и, прижавшись там к стене, пытались увидеть в окно, что делалось на улице.

– Идет бой у вокзала, – сообщали, возвращаясь в кабинет.

– С кем бой?

– Невозможно понять... Грузовики и машины мчатся в разные стороны и из них стреляют.

Я стояла у окна канцелярии, когда звон разбитого стекла заставил меня отскочить. Пробив стекло, пуля проскочила коридор и застряла в стене.

– Страшно? – положил мне руку на плечо доктор Концевич, – стены здания массивные, пуля их не пробьет, но у окна не рекомендую стоять.

Все были взволнованы. Некоторых женщин трясла лихорадка. И все же любопытство превозмогало страх. Прятаться и не знать, что же происходит, было хуже. Я еще никогда не видела ни одной битвы, и любопытство гнало меня к окну. Противник с вокзала прорвался в город, и бой уже шел перед зданием Управы. Я увидела быстро мчащийся автомобиль. Его обстреливали в упор. Машина остановилась. Из нее вытащили два окровавленных трупа, стянули с них сапоги, обшарили карманы. От вида крови меня начало мутить. Я отошла от окна.

– В город прорвались петлюровцы, – сказал кто-то около меня.

Скоро весь этот район был занят петлюровцами. Ни о каких занятиях не могло быть и речи, и всех служащих отпустили по домам.

– Держитесь стен домов, – предупредил своих подчиненных доктор Концевич, – если попадете в перестрелку, прячьтесь в подворотни домов и парадные.

На этот раз моя дорога домой была чересчур долгой. Несколько раз, попадая в перестрелку, я пряталась в подворотни, в некоторых местах приходилось идти обходным путем.

– Слава Богу! – встретила меня мать на улице у дома, – чего только я не передумала, чего только не пережила!

На следующий день я не пошла на службу, так как в городе было очень неспокойно. А еще через некоторое время Одесса была занята войсками гетмана Скоропадского⁵. На всех учреждениях развеивались блакитно-желтые

5. Логунова ошибается: Одесса была занята австро-германскими войсками, в середине марта 1918 г., за девять месяцев до того, как в город вошли войска Директории.

флаги, везде слышалась украинская речь. Скоропадский продержался в городе довольно долго. Вновь открылись рестораны, кафе, театры. На улицах было много его военных. <...>

Жизнь осложнялась все больше. <...> Платить нужно было деньгами, которые в данное время были в ходу и которые при сменах власти теряли свою ценность. Денежные знаки каждой власти в это время не обеспечивались золотым запасом. Они были простыми бумажками, которые население носило уже в мешках и которыми расплачивалось пачками. За буханку хлеба отдавали целые не нарезанные листы керенок, украинки, колокольчики, а при советской власти – лимончики, которые считали уже миллионами. У людей хватало юмора говорить, что теперь все стали миллионерами.

После Скоропадского Одессу заняли добровольцы⁶. <...>

События между тем шли своим чередом. Большевики подступали к Одессе. «Добровольцы не отдадут города. У них организованные войска, большевики же идут раздетые и разутые», – успокаивали себя одесситы. Верили, что поражения Белой армии временные и скоро вся русская земля будет очищена от большевиков. А в это время Красная армия, подвигавшаяся к городу по Николаевской дороге, занимала уже его низменную часть – Пересыпь⁷. Некоторые группы прорвались выше и строчили уже вдоль улиц из пулеметов. Один из пулеметов строчил вдоль Коблевской, на которую выходил фасад нашего дома. Люди, как мыши в норы, попрятались в квартиры. Заложили окна подушками и одеялами, чтобы шальная пуля не проскочила в квартиру. Хотя по Ольгинской, куда выходила наша квартира, еще не стреляли, мы ушли во внутренние комнаты. Бой шел за окнами нашего дома, и нам, двоим женщинам, было страшно. Нас трепала нервная дрожь. Тогда мы еще не знали, что эта перестрелка была детской игрой против того, что нам позже пришлось пережить, когда в городе рвались снаряды, а сверху падали бомбы, разрушая дома, под развалинами которых погибали люди. Мы еще не видели горящих факелов из людей, выбегавших на улицы, ища спасения. Впрочем, последнее пережила только я. Матери в то время уже не было в живых.

Всю ночь ни я, ни мать не сомкнули глаз, прислушиваясь к тому, что делалось на улице. Когда серый рассвет вошел в квартиру, спустились вниз. В город входили большевики. Это была толпа оборванцев, среди которой было много подростков и даже детей. Ни оружия, ни пулеметов с ними не было. Их

6. Имеются в виду события конца декабря 1918 г., когда дислоцировавшийся в одесском порту отряд Добровольческой армии при поддержке французского десанта вытеснил петлюровцев из Одессы.

7. В начале апреля 1919 г. интервенты и части Добровольческой армии оставили Одессу, после чего она была занята войсками Григорьева, воевавшего на стороне большевиков.

не встретил ни один выстрел. Добровольческая армия ночью покинула город, и он сразу опустел. На рейде стал крейсер «Алмаз» и угрожающе направил на город орудия. Его командир, матрос Муравьев, был известен жестокостью⁸. По его приказу в городе хватали всех, заподозренных в сочувствии добровольцам. Приводили арестованных на корабль и тут без суда и следствия расстреливали только по одному доносу. Трупы расстрелянных выбрасывали в море. Позже, когда город вторично перешел в руки Добровольческой армии, куплетист Троицкий⁹ с эстрады распевал песенку: «Ой, яблочко! Да куда котишься? – на “Алмаз” попадешь, не воротишься».

С первого дня занятия города большевиками они врываются в квартиры «буржуев», а к таковым, по их понятиям, принадлежали все, кто прилично жил, и устраивали там резню, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. За одну ночь ими было перерезано столько «буржуев», что эта ночь осталась в памяти горожан как вторая варфоломеевская. С первого же дня стали сбивать со зданий русские национальные гербы, сносили памятники. Люди выходили из квартир только в случаях крайней необходимости, одеваясь «под большевиков» и повязав головы платочком, у мужчин появились вместо котелков и шляп кепи. Более прилично одетые в лучшем случае освиистывались, а то и избивались. Шляпа на голове мужчин ли, женщин ли считалась чуть ли не преступлением государственной важности, как измена. Носовой платок считался атрибутом буржуев. Жизнь совершенно вышла из колеи. В банках и других учреждениях царила полная неразбериха. С наступлением темноты улицы пустели. Из тюрем были выпущены преступники, грабившие прохожих. С наступлением темноты дворники запирали ворота всех домов. С запоздавших прохожих снимали не только верхнюю одежду, но и белье, и пускали их в чем мать родила. По всему городу были расклеены приказы новой власти об уплате «буржуями» контрибуции. Так как по указанному в приказе адресу денег никто не нес, новый приказ требовал явки всех владельцев магазинов и других состоятельных лиц города в Городской театр якобы на совещание. В красный бархат кресел партера вдавлились испуганные фигуры биржевиков, маклеров и владельцев больших магазинов. Со сцены на них было

8. На самом деле крейсер «Алмаз» принимал участие в так называемых январских боях 1918 г. Завершились они установлением в Одессе советской власти; Муравьев, упомянутый Логуновой, не был матросом «Алмаза». Речь идет о Муравьеве Михаиле Артемьевиче (1880–1918) – левом эсере, бывшем офицере Русской армии. В феврале-марте 1918 г. он командовал одесскими «красными» отрядами, которые вытеснили из города войска УЦР. В июле 1919 г. поднял мятеж против большевиков, но был, по одним сведениям, убит, а согласно другим, – покончил самоубийством.

9. Троицкий Павел Иванович (1891–1964) – эстрадный актер, дебютировал в 1914 г. в Петрограде, где его выступления пользовались большим успехом. С 1918 г. гастролировал по южным губерниям России; эмигрировал.

направлено дуло пулемета. Матросы в полосатых тельняшках и брюках клеш, в бескозырках на головах, заложив руки в карманы брюк, покуривая махорку, сплевывали на пол сцены, где еще недавно с такой легкостью в балетных пачках носились балерины. Матросы требовали с присутствующих огромную сумму контрибуции. Раскачиваясь на крепких ногах, они выкрикивали:

– Мы требуем контрибуции с города... Просим вас по-хорошему внести деньги немедленно.

Кто-то с кресел робко сказал, что такой огромной суммы у них сейчас не наберется. Они отдадут все, что сейчас имеют, а позже соберут остальное. Другой робкий голос просил снизить сумму контрибуции ввиду ее огромности и невозможности даже коллективно ее внести.

– А-а!.. Сволочи!.. С вами цацкаться не будут, кровопийцы проклятые... недорезанные буржуи... Этот номер вам не пройдет. Даем пять минут на размышление... Не внесете, никто отсюда не выйдет живым...

Щелкнул затвор пулемета, подкаченный прямо к рампе.

Внесли полностью. А утром вдрызг пьяная матросня шаталась по улицам и упражнялась в стрельбе по прохожим.

Всех не успели дорезать и расстрелять. Добровольческая армия вновь стояла на подступах к городу. У большевиков не было достаточно орудий, и город ей был сдан без боя¹⁰.

– Белые входят в город, – передавалось из уст в уста. Народ высыпал на улицы. Вышли в нарядных платьях, в шляпках. У многих в руках были букетики цветов, которые бросали военным, стройными рядами входившим в город.

– Скорей, скорей, – торопила меня мать. – Может быть, среди них Боря.

Мы спустились на Старопортофранковскую улицу, по которой шли войска. Их радостно приветствовали. Многие плакали. Другие бросались на шею незнакомым бойцам и целовали их как родных.

С приходом Белой армии город вновь ожил и наполнился шумной жизнью. Военные попадались на каждом шагу. Вместе с добровольцами в город вошли союзники – румыны, итальянцы, греки, которые больше думали о своих материальных выгодах, чем о помощи изнывавшей в последних судорогах России¹¹. Жизнь забила ключом, но это была уже конвульсия. Почти вся Россия была уже под красным флагом. Не занятым большевиками оставался еще юг с его Черным морем. Чувствуя уже свою обреченность, военные кутили

10. В августе 1919 г. Одессу занял десантировавшиеся с моря части Вооруженных сил Юга России, советские войска и учреждения были вынуждены спешно покинуть город.

11. На самом деле интервенты дислоцировались в Одессе с декабря по апрель 1918 г.

вовсю, расшвыривая деньги. Вынырнули опять дельцы. Что-то покупали, что-то перепродавали и оптом, и в розницу. Два самых больших и шикарных ресторана – «Робина» и «Фанкони»¹², один против другого на Екатерининской улице – были полны дельцов, спешивших нажать на разных сделках, пока было еще возможно, утерянное при большевиках. По городу ходил такой анекдот, могущий быть принятым за действительность: «В ресторане за смежными столиками сидят несколько коммерсантов. Одному из них кельнер подал стакан кофе, в который случайно попала соломинка. Вытаскивая ее из стакана, он бросил вдогонку кельнеру: “солома!” Услыхав магическое слово, от соседнего столика поднялся другой коммерсант и подошел к первому.

– Почем продаете?

– Что?

– Солому... Беру весь вагон.

– Какую солому? Я никакой соломы не продаю.

– Заберу за всякую цену... Сколько у вас ее – вагон, два?»

Подобные анекдоты ходили по всему городу. Кто их выдумывал, кто распространял? Народ, прислушивавшийся и приглядывавшийся ко всему. Авторы анекдотов и песенок на злобу дня никому не были известны, но песни и анекдоты подхватывались всем народом. Люди спешили жить и взять от жизни все, что еще можно было у нее взять.

Общей же массе жилось трудно. Подвоза продуктов не было, так как окрестные деревни не были еще очищены от большевиков. Хлеб выпекался из гороховой муки. Немного легче было с промышленными товарами, остатки которых еще сохранились на складах, и владельцы спешили их распродать. Опять заработала черная биржа, где можно было достать все, но по сильно увеличенным ценам.

Несмотря на материальные трудности, население повеселело. Появились вновь нарядные дамы, экипажи, пролетки. На улицах зазвучал смех, в ресторанах гремела музыка. Командующий Одесским округом, генерал Шиллинг¹³, пытался наладить жизнь, но ему это удавалось с трудом. Зато церкви были переполнены молящимися. В воскресные и праздничные дни даже огромный Собор не вмещал всех прихожан. В один из праздничных дней по окончании богослужения в Соборе выходившие из храма встретили колонну кавалергардов, двигавшуюся по Соборной площади. Во главе ее на белой лошади гарцевал

12. Оба кафе находились на пересечении Екатерининской и Ланжероновской улиц. В «Робине» собирались артисты и писатели, а завсегдатаями «Фанкони» были предприниматели.

13. Шиллинг Николай Иванович (1870–1946) – генерал-лейтенант, с августа 1919 г. по март 1920 г. – командующий войсками Новороссийской области ВСЮР; эмигрировал.

красавец-офицер Гришин-Алмазов¹⁴. Люди устроили колонне восторженную встречу. <...>

Красные продвигались все южнее. Одесса была наводнена артистами, писателями, музыкантами, бежавшими вместе с белыми из северных городов. Некоторые заблаговременно покидали Одессу, пока Черное море было свободно. <...>

Настроение одесситов было тревожным. Многие, бежавшие на юг с севера, покинули уже город. Кто уехал в Новороссийск, кто подался за границу. Ценность выпущенных Добровольческой армией денег (колокольчиков) катастрофически падала. Расчеты велись уже десятками тысяч и миллионами, но жизнь в городе продолжала еще кипеть.

Одесса шла уже к своему концу. Все попытки создать в городе культурную жизнь были уже ее конвульсией. Большевики, оттесняя белых к Черному морю, стягивали вокруг города кольцо. Из города уезжали те, кто тут еще задержался. <...>

Между тем жизнь в городе становилась все скуднее. Подвоз продуктов из окрестных деревень почти совсем прекратился. Деньги носили не в ридикюлях, а в мешках. Жалованье служащих все время повышали, и оно исчислялось уже миллионами. Все население стало миллионерами без штанов. Жизнь уже шла по инерции. Куплетист Троицкий распевал с эстрады «Яблочко» и куплеты на современные темы, высмеивая большевиков:

*Жена коль разоряет
На тряпки и духи,
Притом же изменяет –
Тут шуточки плохи...*

с припевом после каждого куплета:

*Отдай жену товарищам –
И больше ничего.
Отдай жену товарищам –
И больше ничего.*

В Одессе в это время находилась звезда немого кино Вера Холодная. Как-то я встретила ее на Дерибасовской с ее мужем, тоже артистом кино, Руничем¹⁵. Она показалась мне совсем не такой, как на экране. Небольшого роста,

14. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич (1880–1919) – подполковник Русской армии, в конце 1918 г. возглавил офицерский отряд, который вытеснил петлюровцев из Одессы. Назначен военным губернатором. В марте 1919 г. отстранен от должности, покинул город вместе с интервентами. Отправился в Сибирь, где его пыталась арестовать советская администрация, застрелился при аресте.

15. Холодная Вера Васильевна (1893–1919) скоропостижно умерла от гриппа. Рунич Осип Ильич (1889–1947) – актер театра и кино; эмигрировал. Мужем Холодной не был.

худенькая, бледная. Только глаза, большие, темные глаза смотрели так, как на экране.

Неожиданно разнесся слух, что она скончалась якобы от неудачного аборта. Позже по городу поползли слухи, что ее отравили не то большевики, не то добровольцы как шпионку. Ее набальзамированное тело стояло в Соборе. В день похорон вся Одесса провожала ее. Протиснуться в этот день не только к Собору, на Соборную площадь, но и на прилегающие к ней улицы было невозможно. Множество полицейских сдерживало напор толпы, желавшей проститься со своей любимицей.

В эти дни у нас снял комнату полковник Белой армии. От него мы узнали, что положение в городе настолько серьезно, что со дня на день нужно ожидать ухода Белой армии. Он очень беспокоился о жене, оставшейся в Москве. Передал матери для нее деньги с просьбой переслать в Москву, если армии придется оставить город. Мать в точности исполнила его просьбу, но деньги-то были «колокольчики»! <...>

Город еще жил шумной жизнью. В ресторанах по-прежнему гремела музыка, театры были переполнены. Газеты выходили регулярно. Небольшая газетка «Перо в спину» с шуточными объявлениями и местными сплетнями имела среди одесситов большой успех, хотя выходила она уже на плохой, серой бумаге. Но это был уже пир во время чумы. В Управе всем служащим выдали жалованье на три месяца вперед. Я принесла домой такую кучу денег, что мать, предчувствуя конец, пошла закупать все возможное, пока еще было можно. Однако купить ничего не удалось. «Колокольчиков» никто уже не принимал.

Наконец наступил не неожиданный для одесситов день, когда, проснувшись, они увидели мчащиеся по улицам пролетки с военными, платформы со штатскими, нагруженные вещами, отдельных военных с чемоданами и портфелями, спешащих в общем со всеми направлении – к пристани. Полковник, тепло с нами распрощавшись, тоже ушел туда, где военных ожидали пароходы. Они были уже набиты до отказа, но прибывали новые и новые военные и штатские, тесня и тесня находившихся на пароходах, где не оставалось уже ни одного незаполненного людьми уголка, ни одной щелины. Пароходы были уже погружены в воду ниже ватерлинии, а люди лезли и лезли на них, срываясь в воду вместе с чемоданами и корзинами. Люди пытались хоть одной рукой уцепиться за перила сходней, которые невозможно было поднять. Длинная лестница, ведущая из бульвара в порт, сверху донизу была запружена народом, спешащим вырваться из обреченного города. Дамы в нарядных шляпках, теряя коробки и чемоданчики, подобрав длинные юбки, стремглав мчались по ней вниз. Иногда, упав, затапывались бегущими за ними. Щелкали ружейные выстрелы, стрекотал пулемет, бивший по бегущей по лестнице толпе штатских и военных. Ступени были уже окрашены кровью, а люди бежали

и бежали, не обращая ни на что внимания. Пароходы, наконец, с трудом подняли сходни и начинали отходить от берега, но люди, скопившиеся у воды, продолжали умолять принять и их. Увещевания капитанов, что они не могут принять больше ни одного человека, не рискуя пойти ко дну, ни на кого не действовали. Люди цеплялись за сходни к тем пароходам, где охрипшие капитаны не могли из-за скопления людей их поднять. Страх отнимал разум у людей. Уже не один десяток людей поглотило море, но люди напирали на стоящих впереди, прижимая их к корпусу парохода.

Стрельба шла уже в порту. Стреляли по цеплявшимся за сходни людям. И неизвестно было, кто стрелял. Банды ли, орудовавшие в порту, ждущие ли большевиков рабочие или добровольцы, чтобы освободить сходни и дать выйти в море пароходам.

Красная армия была на Заставе, куда били орудия с уходящих пароходов. Снаряды с завывающе-жутким звуком, перелетая город, разрывались где-то за ним. Пароходы медленно отшвартовывались от берега и, огибая мол, уходили в открытое море. Тысячи людей остались в порту, не будучи в состоянии пробиться к пароходам. Большевики уже разъезжали в грузовиках, ощеренных на жителей дулами винтовок, по улицам города. Красные банты, развевающиеся по ветру ленты бескозырок, через плечи пулеметные ленты. Пьяные вдрызг, они орали дикие песни. <...>¹⁶.

Вечером, закрыв ставни и заложив окна подушками, прислушивались к тому, что происходило на улице. Только когда стрельба прекратилась, мы легли в постели. Не успели задуть коптилку, как слабо прозвучал колокольчик.

– Это они! – вскочила с постели мать.

Я тоже поднялась, набросив на плечи халатик. Услыхала радостный, но и взволнованный голос матери в передней.

– Боренька... ты?... в городе большевики.

Бросившись в переднюю, попала в объятия брата.

– Понимаешь, меня послали в Одессу за фуражом. Я охотно принял поручение, чтобы увидеться с вами. По нашим сведениям, город был еще в руках добровольцев. Поезд стал у Заставы. Сошел с вагона. Ночь. Темь, хоть глаз выколи. Тишина и пустынно. Где-то вдали стреляли. Сразу возникло подозрение. На всякий случай сорвал с фуражки кокарду, с плеч погоны...

– Пойдем, сынок, в комнаты... там расскажешь.

Бросилась хлопотать, чтобы накормить его.

– Не надо, мама, я не голоден. Дайте лучше я погляжу на вас.

– Что теперь будет? Ты в военном, – волновалась мать.

16. Логунова описывает так называемую одесскую эвакуацию февраля 1920 г., когда ВСЮР и гражданское население спешно покидали город под натиском большевиков. Многие, не успевшие погрузиться на переполненные суда, погибли.

– Утро вечера мудренее. Я устал. Приготовь мне постель и будем ложиться.

Мать внесла с веранды в гостиную раскладушку.

– Ложись, сынок... Спи спокойно.

Сняв с себя френч и галифе, перекинул их через спинку стула. Шевровые сапоги – под раскладушку, короткую для большого Бориного роста. В соседней комнате легли мы и долго, лежа, переговаривались через дверь. В столовой часы пробили один удар.

– Час ночи, – сказала мать и, поднявшись, прошла к Боре, чтобы перекрестить его на сон грядущий.

– Спи спокойно!.. Господь да хранит тебя! – неожиданно встрепенулась, прислушиваясь. – Слышишь?.. Стучат в ворота.

– Иди, иди, мамулечка, у страха глаза велики.

Мать вернулась в спальную. Лежала, прислушиваясь. В ворота стучали так сильно, что проснулась и я.

– Это прикладами. Они разобьют ворота, – прошептала мать.

В ту же минуту мы услышали, как ворота с шумом распахнулись и гулкие выстуки сапог застучали во дворе.

– Боже мой!.. Боже мой!.. Это они, а тут Боренька... Лучше бы он не приезжал.

– Успокойся, мама... почему они придут обязательно к нам? – и тотчас и мать, и я услышали стук шагов на нашей наружной лестнице. Они гулко отдавались в ночной тишине. Мы обе вскочили, оцепенев от страха. «Может быть, в соседнюю квартиру», – мелькнула у меня мысль. Лестница с площадки поворачивала к нам и к ним. Стук в нашу дверь. Громкий, бесцеремонный и требовательный. Мать рванулась в переднюю.

– Не отворяй двери... Может быть, постучат и уйдут.

Стук повторился, более сильный и требовательный. Опасаясь, чтобы не выломали дверь и не разбили стекло, мать вышла на веранду. Засветив «коптелку», я пошла в гостиную. Увидела, как Боря хотел подняться.

– Не поднимайся!.. Может быть, обойдется... Лучше, если не увидят в квартире мужчины.

В ту же минуту мой взгляд упал на разложенные на стуле френч и галифе... Сбросив с себя халатик, прикрыла им офицерскую одежду. Двое матросов с устало повисшими за спиной лентами бескозырок и пулеметными лентами через плечи и наганами в руках вошли вслед за матерью в комнату. Я с «коптелкой» вышла им посветить.

– Сдайте оружие!

– У нас его нет, – побледневшими губами прошептала мать. Она знала, что под подушкой у Бори лежал наган.

Начался обыск. Спальную перевернули верх дном. Из гардероба и комода выбросили на пол все белье и одежду, разыскивая оружие. Перерыли все ящики письменного стола в столовой и зашли в гостиную. Один из матросов, остановившись перед раскладушкой, рассматривал в упор Борю. Безусое, совсем мальчишечье лицо с большими, широко открытыми синими глазами, опущенными веером черных, загнутых кверху ресниц, выглядело совсем детским.

– Кто? – повернулся матрос к матери.

– Сын... гимназист... учится... – одними губами прошептала мать.

Постоял, поглядел и отошел.

Будя ночную тишину бесцеремонными выстуками каблуков, матросы ушли. Только теперь мать покачнулась. Я еле успела ее поддержать.

– Пронесло!.. Господи, благодарю Тебя! – упала на колени у раскладушки.

– Мамулечка, успокойся!.. Все кончилось благополучно, – прижал к себе мать Боря, – если бы... я дорого бы продал свою жизнь. Все пули в них, последнюю в себя.

– Что ты говоришь, Боренька?.. Молись, молись! Это Господь спас тебя.

Никто из нас больше не ложился. Не спал и весь наш дом, в котором матросы не пропустили ни одной квартиры.

Чуть забрезжил рассвет, мать достала у соседей рвань «под большевика».

– Надень, Боренька!

Мундир и галифе спалила в печи.

И ушел сын и брат от нас навсегда. <...> [Logunova, box 8, fol. 13, p. 278–327].

Библиография

Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. X. С. 35–207.

Воронцова Г.Н. «Нами убит известный атаман Григорьев». К истории гибели одного из руководителей повстанческого движения на Украине в годы Гражданской войны // Россия и современный мир. 2018. № 3. С. 164–173.

Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.

Ставров П.С. Эдя Багрицкий и другие // Дерибасовская-Ришельевская. Альманах. 2003. № 14. С. 252–265.

Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 8. Fol. 11–14. P. I–II, 1–452; Box 9. Fol. 1–8. P. 453–1435.

References

Bunin I.A. Cursed Days. Bunin I.A. Collected Works. Berlin: Petropolis, 1935. Vol. X. P. 35–207. (In Russ.)

Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs. Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 8. Fol. 11–14. P. I–II, 1–452; Box 9. Fol. 1–8. P. 453–1435.

Puchenkov A.S. Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919. St. Petersburg: Nestor-History, 2013. 352 p. (In Russ.)

Stavrov P.S. Edya Bagritsky and others. Deribasovskaya-Risheljevskaya. Almanac. 2003. No. 14. P. 252–265. (In Russ.)

Vorontsova G.N. «We killed a famous ataman Grigoriev». To the history of the death of one of the leaders of the rebel movement in Ukraine during the Civil War. Russia and the contemporary world. 2018. No. 3. P. 164–173. (In Russ.)

С.Б. Брилёв, Б. О'Коннор

**«ТОНИК» И «СОДОВАЯ»: НЕУДАЧНЫЙ КОКТЕЙЛЬ.
Провал немцев и австрийцев – участников
англо-советской разведывательно-диверсионной схемы
«Ледоруб» в 1943 г.***

Аннотация. Сформированные в Москве из числа коминтерновцев (австрийцев и немцев) и заброшенные через Британию в «рейх» советские разведгруппы «Тоник» и «Содовая» – пожалуй, самые своеобразные из всех входящих в англо-советскую схему «Ледоруб». Ее в 1941–1944 гг. совместно осуществляли разведка НКВД СССР и британская служба по диверсиям и саботажу *Special Operations Executive (SOE)*.

Особенности, которыми отличались предвоенные биографии участников этих групп (особенно женщин), обстоятельства переправки их из Архангельска в Шотландию, странные эстонские псевдонимы, присвоенные им для транзитного пребывания в Англии, и, наконец, то, чем обернулось их десантирование в Австрии и Германии, – все это составляет по-настоящему необычную главу истории как отдельно взятых спецслужб, так и международных отношений в целом.

Благодаря сравнительному анализу документов из британских Национальных архивов (TNA), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и материалов, предоставленных в ответ на запрос Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании (ВГТРК) Службой внешней разведки (СВР) Российской Федерации, решается важная задача избавления от «гестаповского фильтра» в освещении этой истории. Имеется в виду, что плененные британцами или сдавшиеся британцам гестаповцы, которые в свое время допрашивали схваченных ими советских агентов, могли приукрасить или как-то еще исказить факты с целью спасти свои жизни.

В частности, подвергаются ревизии сразу несколько версий, выдвинутых в 1940-х годах захваченными в плен гестаповцами относительно обстоятельств пленения и перевербовки ряда советских агентов-радиотов. Дополнительная задача автора – уточнить детали политических биографий и психологических портретов советских агентов – участников названных операций, объяснить обстоятельства их переброски на Запад.

* Начало серии статей см.: [Брилёв 2019].

Ключевые слова: НКВД; SOE; разведка; Коминтерн; Австрия; Германия; гестапо; радиоигра.

Брилёв Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора телеканала «Россия», ведущий программы «Вести в субботу» (телеканалы «Россия-1» и «Россия-24»), Москва. E-mail: sbrilev@yahoo.com

О'Коннор Бернард – писатель, исследователь истории британских спецслужб. Графство Шропшир (Соединенное Королевство). E-mail: Fquirk@aol.com

S.B. Brilev, B. O'Connor. «Tonic» and «Sodawater»: A Wrong Cocktail. The Causes of Failure of Austrian and German Communists Enrolled in the Anglo-Soviet Pickaxe Intelligence and Sabotage Scheme in 1943

Abstract. Two groups of Soviet intelligence agents denominated as «Tonic» and «Soda Water», formed out of Austrian and German activists of the Communist International and transferred from the USSR to the Reich via the United Kingdom, are, perhaps, the most peculiar participants of the joint «Pickaxe» scheme carried out from 1941–1944 by the Intelligence directorate of the Soviet People's Commissariat for Internal Affairs (Russian acronym NKVD) and Britain's Special Operation Executive (SOE).

The peculiarities of the pre-war biographies of the groups' participants (especially the women), the circumstances of their voyage from Archangel to Scotland, the somewhat bizzare Estonian pseudonyms allocated by planners in Moscow for their transit via England and the outcome of their drop off over the Reich, – all of this constitutes truly rare a chapter of history of both the intelligence services and international relations.

By comparative analysis of documents from the National Archives of the United Kingdom (TNA), the Russian State Archive for Social and Political History (Russian acronym RGASPI) and various papers provided upon a request by the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Corporation (Russian acronym VGTRK) by Russia's Foreign Intelligence Service (Russian acronym SVR), an important positivist aim is being achieved: getting rid of the narrative still exercised through a «Gestapo filter».

The latter means that the Gestapo operatives, who were either captured by the British or surrendered to the British and interrogated by them, could have either exaggerated or indeed simplified the realities in order to save their lives.

In particular, the article revises the versions articulated by the Gestapo men interrogated in 1940s, as of how a number of war-time Soviet agents were captured and «turned». An additional task has been to clarify the political biographies and psychological profiles of the Soviet agents involved and to explain the circumstances and the logistics surrounding their departure from the USSR to the West.

Keywords: NKVD; SOE; intelligence; Comintern; Austria; Germany; Gestapo; radio game.

Brilev Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director and Anchor of the TV Channel «Russia».
Moscow. E-mail: sbrilev@yahoo.com

O'Connor Bernard – Writer, Author of Numerous Books
on British Special Services' History. Shropshire,
United Kingdom. E-mail: Fquirk@aol.com

Эстонцы? Первые загадки

Почти как все участники схемы «Ледоруб», группы «Тоник» и «Содовая» должны были быть переброшены из СССР возвращавшимися в Британию кораблями северных конвоев из Архангельска. 14 сентября 1942 г. на борт британского судна «Оушн Войс» взошли по советским паспортам «Эмилия Новикова», «Елена Никитина», «Пётр Кольцов» и «Генрих Горелов». Правда, у них всех были дополнительные вымышленные биографии... эстонцев. «Никитина» – 34-летняя Керсти Поска, незамужняя стенографистка из Хаапсалу. «Новикова» – 34-летняя Анна Ундер, незамужняя гувернантка из окрестностей озера Выртсьярв. «Кольцов» – 36-летний Юри Круус, холостой инженер-радиотехник из Таллина. «Горелов» – 37-летний Отто Улноти, холостой торговец древесиной из Рафлы [Pickaxe operations]. Логика появления этих «эстонских личностей» до конца необъяснима. Возможно, в Москве хотелишний раз подчеркнуть, что даже оккупированная немцами Эстония – неотъемлемая часть СССР. Но при этом лишь отчасти оправданным оказалось предположение о том, что в НКВД могли решить дать агентам имена *исчезнувших* эстонцев, до которых было уже не добраться ни британцам, ни немцам.

Единственная фигура, почти полностью совпадающая с реальной – Анна Ундер. Из переписки с администраторами портала эстонского «Мемориала» следует, что перед войной в Эстонии (действительно, в районе озера Выртсьярв) проживала такая женщина, родившаяся в 1907 г.¹ При этом она была фактически ровесницей той, 34-летней «Анны Ундер», что прибыла в Британию. Однако настоящая А. Ундер скончалась в 1939 г. Это более или менее вписывается в практику подбора НКВД агентурных легенд другим известным разведчикам-«нелегалам» (с той разницей, что обычно использовались имена умерших в младенчестве).

Есть в приведенном списке и еще одно совпадение с реально существовавшим человеком. На портале жертв сталинских репрессий в Эстонии значится Юри Ганс Круус (осужденный, в частности, по ст. УК 58–1 «а» –

1. *Email correspondence of Bernard O'Connor and Arnold Alijaste (Memoriaal, Estonia).*

«шпионаж»). Правда, он родился в 1894 г. и к моменту путешествия ему должно было быть минимум 47 лет. Между тем прибывшему в Британию «Юри Круусу» было по документам 36 лет. К тому же настоящий Ю. Круус был осужден уже после войны, в 1948 г. [Eesti Kommunismiohvid].

Опрошенные эстонцы уточнили. Поска и Круус – распространенные эстонские имена, а фамилии «Улноти» в эстонском не существует. В таком случае зачем было Москве давать своему агенту попросту *вызывающее* имя?

«Улноти»-«Горелов» предстает поистине самой загадочной фигурой из всего этого списка. Из документов ТНА следует, что, будучи арестован гестапо, в «рейхе» он назвался еще и Георгом Тьетце [O’Sullivan 2010, p. 85]. Ни одного из этих трех имен не встречается ни в документах РГАСПИ, ни в документах СВР. Стоит, правда, заметить, что руководитель миссии связи НКВД в Лондоне И.А. Чичаев поместил его в одну группу с той, о ком, чуть забегаая вперед, заметим, что она была агентом не НКВД, а Разведуправления Генерального штаба РККА. Возможно, и «Горелов» относился не к политической разведке НКВД, а к ГРУ. Это объясняет, почему его нет в базе данных агентства СВР.

Британцы при личном наблюдении за «Гореловым» отметили только, что это «смешной старик» (при этом возраст определили в районе 45 лет), подчеркнув еще, что «на первый взгляд, он находится в постоянной депрессии». В SOE продолжили: «Тем не менее более длительное общение и алкоголь породили целую коллекцию очень даже забавных рассказов. Но, в целом, он экономил слова и не заговаривал, если к нему не обращались» [Pickaxe operations].

«Кнуты»

Временные обстоятельства, в которых группы «Сода» и «Тоник» очутились на русском Севере, были настолько своеобразными, что с легкой руки руководителя миссии связи SOE в СССР Джорджа Хилла за ними закрепилось еще одно название. В своем донесении в штаб-квартиру SOE он писал: «Я полагаю вполне вероятным, что [они] были использованы обеими сторонами, как своего рода *кнуты*» [Pickaxe projects]. Хилл расшифровывает эту мысль в своих мемуарах. При посещении в конце 1942 г. Архангельска он, по его словам, имел непростую беседу с капитаном Королевского флота Маундом, который не хотел брать «ледорубов» к себе на борт:

«Ему не нравились русские, он ядовито ненавидел Архангельск и не желал сотрудничать с советским ВМФ.

– Не нужны нам в Англии эти коммунистические бастарды, – жестко сказал он мне.

– [...] Ты, похоже, забыл, что Черчилль обещал помочь всем, кто против Гитлера. Ты против этого?» [Hill 1968, p. 217–218].

Британские военные пытались не пустить группы «Сода» и «Тоник» на свои корабли, так как именно тогда в самой острой фазе находился конфликт между представителем НКВД СССР в Архангельске Красильниковым и британской военной миссией по поводу ужесточения советской стороной режимных (в том числе визовых) ограничений для союзников. Затягивание с выдачей виз Хилл называл «сладкой привычкой» советской стороны [Hill 1968, p. 164]. Летом-осенью 1942 г. в центре конфликта оказался британский военно-медицинский персонал [O'Connor 2012, p. 110–111].

Хорошо знакомый с материалами УНКВД по Мурманской области времен Великой Отечественной войны генерал-майор Геннадий Гурылёв (в 1992–1999 гг. – начальник мурманского УФСБ РФ) уточнил, что в основе конфликта было объявленное британцами прекращение отправки конвоев после разгрома немцами каравана PQ-17. Следствием той трагедии стала попытка британцев открыть мобильный госпиталь для основного базирования в Архангельске и частичного размещения в Ваенге Мурманской области. В столицу российского Заполярья этот госпиталь был доставлен 23 августа 1942 г., т.е. в самый канун отправки групп «Тоник» и «Содовая». Но проблема состояла в том, что британцы решили развернуть эти госпитали вообще без предварительного получения виз медперсоналом.

Конечно, ко всему добавлялась и сугубо советская специфика. Прибытие в Архангельск в августе 1941 г. самого первого британского конвоя «Дервиш» совпало с введением в городе карточек на продукты. У единственного в городе магазина, торговавшего хлебом по коммерческим ценам, стали выстраиваться очереди до 10 тыс. человек. Как отмечали в УНКВД по Архангельской области, это вызывало интерес иностранных моряков с фотоаппаратами [Кононов 2015, с. 7]. В первом же отчете архангелогородских чекистов о, как их называли, «иноморяхах» от 12 ноября 1941 г. внимание Архангельского обкома ВКП (б) обращалось на то, что «круг лиц из англичан, подозреваемых в разведдеятельности, несомненно расширяется» [Кононов 2015, с. 11].

Как представляется, значительная часть «разведдеятельности» была не шпионажем, а тем самым наблюдением со слишком близкого расстояния за реальным социалистическим бытом, отягощенным к тому же испытанием войной. Но когда к этому добавилось еще и прибытие медицинского персонала без виз... К слову, мурманский исследователь В.В. Фёдоров, на которого ссылаются ветераны УФСБ, отмечает, что хоть какой-то британский медицинский персонал все-таки смог остаться: «благодаря находчивости офицеров британской военно-морской миссии». Уловка состояла в том, что часть

врачей оставили, «оформив их не как медиков, а как наземный обслуживающий персонал Королевских ВВС»². Судя по всему свою роль сыграла и позиция офицеров Королевского флота, отказывавшихся брать на борт советских агентов, если в Архангельске не останется хоть кто-то из британских врачей.

Вряд ли представлявшие себе весь масштаб англо-советской «визовой войны» и всю глубину советской «шпиономании», *настоящие* агенты из групп «Содовая» и «Тоник» взошли на борт как раз того британского судна («Оушн Войс»), на котором на родину возвращались «лишние» сотрудники британского военного госпиталя. Но вскоре всем им предстояло куда более суровое испытание, чем визовое.

22 сентября на 71° 23' с. ш. и 11° 03' з. д. судно «Оушн войс» попало в объектив перископа немецкой подлодки U-435 [Jürgen 2007–2018; Ocean Voice]. Судно было потоплено, но, к счастью, никто не погиб. Однако на дно ушли все приготовленные для переброски советских агентов в «рейх» документы и радиопередатчики. 28 сентября советские агенты сошли на британский берег, будучи доставленными туда кораблями Королевского флота «Замалек» (по другим сведениям, «Бульдог») [Pickaxe operations] и «Сигал» [Ocean Voice]. В последнем случае перевод – «Чайка».

«Чайка»

Под оперативным псевдонимом «Чайка» в ответе СВР на запрос ВГТРК проходит Эмилия Степановна Шок-Нагель. Кстати, интересная деталь: в ответе на тот же запрос написано также, что «данных на Эмилию *Борецки* в архиве Службы не имеется». Между тем фотографии свидетельствуют о том, что речь идет об одном и том же человеке. Эта женщина, прибывшая в Британию по советскому паспорту на имя «Эмилии Новиковой», при транзите через Британию в «рейх» значилась как 34-летняя эстонка «Анна Ундер». Но и *настоящих* фамилий у нее было более чем достаточно. Из ее собственноручных записей в РГАСПИ: девичье имя – Эмилия Бартальски, кличка – Эмилия Нагель [Шок, л. 56], по мужу – Борецки (также известного, как Шок) [Шок, л. 55].

Начнем с конца, с мужа. Последний документ в ее личном деле в РГАСПИ такой:

2. Переписка автора с Г.А. Гурылёвым.

«Управлению делами ЦК КПСС
От Борецкой Эмилии Степановны
Г. Инта, Коми АССР

Просьба перечислить зарплату на умершего мужа по постановлению Совета министров СССР от 8 сентября 1955 г. №. 1655» [Шок, л. 1].

Кем же был ее супруг, о котором она писала, явно имея в виду, что он сгинул в сталинских лагерях?

Родился Густав Борецки в 1897 г. в Братиславе [Шок, л. 4], как и Эмилия. В одной из справок Коминтерна он назван венгром [Шок, л. 6]. Но свою автобиографию он написал на немецком [Шок, л. 30]. Немцем он значился и у кадровиков Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) [Шок, л. 8].

Период 1913–1918 гг. определен как время, когда он числился в Венгерской социал-демократической партии. В то же время из автобиографии следует, что в 1914 г. Борецки был призван в австро-венгерскую армию, в 1915 г. находился в плену в Перемышле, а затем, в 1916 г. – в лагере военнопленных в Березовке в Сибири, в 1916–1917 гг. работал кучером на уральском заводе в Невьянске. Там, по его словам, вступил в РККА, боролся с чехословацкими легионерами, заболел тифом, лежал в лазарете в Нижнем Тагиле и Перми. В 1918 г. вернулся в Братиславу. В последующие годы последовательно являлся членом КП Венгрии, Чехословакии и Советского Союза [Шок, л. 8]. Это свидетельствует о его частых разъездах.

В справке отдела кадров ИККИ говорилось: «Дисциплинированный и хороший товарищ. Не вполне самостоятельно ориентируется в политических вопросах. Годится для <...> организационной массовой работы под наблюдением руководящих товарищей» [Шок, л. 38]. Так и не окончив коминтерновскую Международную Ленинскую школу [Шок, л. 11], он был оставлен *полевым* кадром. Сразу в двух справках ИККИ подтверждается, что он был привлечен к работе в *разведке* Коминтерна – и в тот период, когда она называлась «ОМС» (Отдел международных связей), и когда она стала «СС» (Служба связи) [Шок, л. 12, 19] – до своего ареста 8 июля 1937 г. [Шок, л. 4].

О карьере его жены можно судить, в частности, по ее внутреннему паспорту гражданина СССР, который, как выяснилось, все эти годы хранился в СВР. Она тоже значится как венгерка по национальности. Но поистине показательными являются штампы на страницах, предназначенных для «Особых отметок». Итак, в апреле 1935 г. она была принята, а в июле 1937 г. уволена с «8-й базы физкультурников имени Спортинтерна»³. Между тем из

3. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

переписки генсека ИККИ Георгия Димитрова известно, что счет в Госбанке под названием «8-я база физкультурников» был «вторым текущим» для ОМС / СС [Записки службы связи, л. 7]. Ответ СВР на запрос ВГТРК разъясняет, что в разведке Коминтерна Эмилия была «радиооператором»⁴. Позже ее «отличные технические знания» были отмечены и наблюдавшими за ней офицерами SOE [Tyas 2017, p. 79].

Из Коминтерна она была уволена тогда же, когда был арестован ее муж – в середине июля 1937 г. Следующим штампом в ее паспорте был штамп о том, что 19 июля она, будучи портнихой по профессии [Шок, л. 52], была зачислена на фабрику № 8 «Москвошвей»⁵. На следующей день бдительная секретная часть фабрики просила Коминтерн «срочно сообщить о положении и происхождении НАГЕЛЬ Эмилии Степановны» [Шок, л. 49]. Первый ответ был написан кем-то, кто явно пытался помочь вчерашней коллеге, выдавая увольнение за нечто невинно-рутинное: «Уволена из ИККИ по сокращению штата» [Шок, л. 50]. Второй ответ был откровеннее: «Является женой ШОКА, ныне арестованного органами НКВД» [Шок, л. 52].

На фабрике «Москвошвей» она проработала по март 1939 г. Из ответа СВР на запрос ВГТРК стало известно, что тогда же она была «завербована 3 отделом ГУГБ НКВД СССР (контрразведка. – С. Б., Б. О'К.) и использовалась в разработках политэмигрантов, подозреваемых в шпионской деятельности. Ее работа с органами оценивалась положительно». Из того же ответа следует: «В декабре 1941 г. “Чайка” была привлечена к работе 1 управления (разведка) НКВД. [С началом войны] была подготовлена в качестве радистки для агента “Конрада”»⁶.

«Конрад»-Кёлер

Конрад – тот, кого в истории спецслужб до сих пор знали как «эстонца» «Юри Крууса» или русского «Петра Кольцова». Но «Конрадом» он назван как в документах СВР, так и в многочисленных материалах в РГАСПИ [Келлер]. Совпадают и фотографии, т.е. несомненно, что это – одна и та же личность.

Настоящее его имя – Герман Кёлер-Шобер. В советских документах также встречается отчество «Карлович» и написание фамилии «Келлер». Кличка – «Конрад». При этом в ответе СВР отмечается, что завербован он был в конце

4. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

5. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

6. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

1941 г.⁷, а в документах ИККИ он назван «Конрадом» еще до войны [Келлер, л. 1].

Родился Кёлер 23 апреля 1906 г. в городе, расположенном в той части Моравии, где в ходу были и чешский, и немецкий языки. На чешском языке – город Одри. На немецком – Одрау. В компартию вступил в *Австрии*. Было это в 1924 г.⁸ Профессия – столяр [Келлер, л. 1].

Когда он попал в Англию, то офицеры SOE отмечали, что он «очень типичный венец» (очевидно, он приобрел характерный венский акцент) и что «он никогда не говорил о политике» [Picksaxe operations]. Обычно такая осторожность в разговорах о политике с малознакомыми людьми была свойственна тем, кто в Коминтерне выполняли различные «деликатные миссии». Австрийский историк Г. Шафранек уверенно относит Кёлера к ОМС / СС [Schafranek 1996, S. 14], но документальных свидетельств в РГАСПИ на этот счет нет.

Британские офицеры, когда разговаривали Кёлера, пришли к выводу, что все-таки «его тенденции кажутся именно коммунистическими» [Picksaxe operations]. В материалах КП Австрии он назван одновременно и «старым», и «молодым» коммунистом: «КОНРАД (КЕЛЛЕР) – старый член КПА и принадлежит к молодым руководящим кадрам партии. До 1935 г. работал в комсомоле» [Келлер, л. 43]. Согласно справке СВР, в 1931–1932 гг. он «работал в аппарате КИМ в Москве», но это была только краткая командировка, ибо «с 1926 г. по 1940 г. работал по линии Коминтерна в Австрии» [Келлер, л. 43–44]⁹. То есть в отличие от большинства других, он не покинул Австрию после вооруженного выступления леворадикалов 1935 г. Обратим внимание и на такой пассаж из справки компартии Австрии: «В период подполья несколько раз партией *посылался* (курсив наш. – С. Б., Б. О'К.) на партработу в страну» [Келлер, с. 44].

Так *оставался* он в Австрии или его туда периодически *засылали*? В ответе СВР читаем, что до войны «Конрад» также «находился на партийной работе в Праге и Париже»¹⁰. По материалам РГАСПИ к этой географии можно еще добавить Копенгаген [Келлер, л. 49]. Автор первой из опубликованных на Западе монографий о схеме «Ледоруб», Донал О'Салливан, считает, что Кёлер оставался в Австрии вплоть до «аншлюсса», а после выехал в СССР через Францию [O'Sullivan 2010, p. 88].

В 1942 г. во время его транзита через Британию сотрудники SOE отметили, что у него «оставалось неприкосновенным прирожденное чувство юмора»

7. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

8. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

9. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

10. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

[Pickaxe operations]. Но в Коминтерне его представляли несколько иначе. В 1940 г. кадровики ИККИ отмечали про него, что он «не любит самокритику и тяжело переносит критику» [Келлер, л. 48]. А его однопартийцы из Австрии отмечали, что в период подполья «у него проявилась тенденция к зазнайству» [Келлер, л. 43].

Британские офицеры также отметили, что «его ничто не расстраивало» [Pickaxe operations]. Однако что касается политики и идеологии, то, согласно его однопартийцам, это было не так: «После заключения советско-германского пакта, когда он выразил сомнение, совпадает ли эта политика СССР с интересами международного пролетариата» [Келлер, л. 44]. Тем не менее к январю 1940 г. кадровики Коминтерна, Белов и Приворотская констатировали: «Он снова стоит на правильных партийных позициях» [Келлер, л. 48].

Кстати, как отмечается и в справке СВР, как раз в тот период «Конрад» действительно оказался в Москве. И не один, а с женой¹¹. Вопрос: с какой женой?

Согласно документам в TNA, «Пётр Кольцов», прибыл в Британию вместе со своей «супругой» по имени «Елена Никитина» [Pickaxe projects]. Забегая вперед, стоит пояснить, что «Елена Никитина» погибла в 1945 г. Но почему же тогда в ответе СВР на запрос ВГТРК говорится, что «проживавшая в Союзе жена “Конрада” вместе с 3-летним сыном в апреле 1947 г. выехала в Вену»? Больше того, учитывая, что СССР «Конрад» покинул в сентябре 1942 г., он никак не мог быть отцом ребенка, которому в 1947 г. было три года, и на момент прибытия в Британию мог быть связан с другой женщиной. К тому же, еще до войны в ИККИ про Кёлера отмечали: «Непостоянен в личной жизни. Имел одновременно двух жен. Первая жена работает на ответственной партийной работе за границей, вторая в техническом аппарате партии в стране, где принимает участие в заседаниях секретариата» [Келлер, л. 11].

Как будет показано, возможно, в личных отношениях «Кольцова» – Кёлера – Конрада кроется причина того, что гестаповцам удалось сломать одну из женщин – участниц операций, о которых здесь идет речь. Как бы то ни было, кем же была явно не русская «Елена Никитина» и не эстонка «Керсти Поска», которую британцы посчитали его женой в Англии?

«Никитина» – Ноффке

Перекрестное исследование документов TNA и РГАСПИ точно доказало, что советская гражданка «Елена Никитина» / эстонка «Керсти Поска» из документов TNA в Лондоне [AGENTS OF THE RUSSIAN] – это Эльза Ноффке, о которой сообщают материалы РГАСПИ в Москве [Ноффке]. Установить

11. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

совпадение помогли фотографии. Однако теперь уже известные нам подробности ее биографии удалось уточнить с помощью еще двух источников.

Во-первых, до сих пор в западной историографии обыгрывалось то, что перехваченное немцами сообщение советской разведки об отправке Ноффке было подписано «Директор». Такая подпись ставилась под сообщениями от начальника не политической разведки НКВД, а военной разведки ГРУ [O'Sullivan 2010, p. 58; Corpi 1996, p. 458, fn. 79]. Стоит признать, что это предположение оказалось верным. В ответе СВР на запрос ВГТРК четко говорится: а) «Данных о принадлежности данного лица к агентурному аппарату Службы не имеется» и б) «Эльза Ноффке являлась агентом-нелегалом ГРУ ГШ»¹².

Во-вторых, при подготовке этой статьи удалось вступить в переписку и лично встретиться с немецким документалистом Ингой Вольфрам. Это – дочь от второго брака мужа Эльзы Ноффке, Эрнста. К тому, что сохранилось в семейных преданиях, вернемся еще не раз.

Пока же стоит кратко обозначить ставшие известными еще до этого основные вехи биографии Эльзы Ноффке. Родилась 29 июня 1905 г. в Судетах. По-немецки город ее рождения назывался Розенталь, по-чешски – Рожмитал-над-Тршемшинем. Сама она свое подданство / гражданство определяла, как «германское», а национальность – «немецкой». Впрочем, ее отец – Рудольф Яндера. Это – явно не немецкая фамилия. Не «арийской» была и девичья фамилия матери: Анна Черна [Ноффке, л. 60]. Увлечшись коммунистическими идеями, в 1922 г. Эльза вступила в комсомол именно в Чехословакии, а в январе–октябре 1926 г. числилась во «взрослой» чехословацкой компартии [Ноффке, л. 13]. Но с октября 1926 – по октябрь 1928 г. Ноффке – кандидат в члены ВКП (б), т.е. работает в СССР.

В то же время в Советском Союзе находился ее будущий муж Эрнст. До сих пор, по западным источникам, выходило, что именно в СССР они и познакомились, но лишь в 1935 г. [Corpi 1996, p. 458, fn. 79]. Однако, по рассказам И. Вольфрам, знакомство ее отца с Эльзой пришлось на 1929 г. Значит они сошлись не только не в том году, но и не в Советском Союзе, так как из материалов РГАСПИ следует, что с ноября 1928 до марта 1932 г. Эльза – вновь «член КП Чехии» [Ноффке, л. 60]. По правилам Коминтерна, коммунист числился в «национальной секции» Третьего Интернационала той страны, где находился. На первый взгляд, все это не так существенно. Однако, как представляется, это позволяет добавить один любопытный штрих к описанию характера Э. Ноффке. Получается, что ее последующий переезд в Германию (в 1932–1938 гг. она числилась в компартии уже этой страны [Ноффке, л. 13]) –

12. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

следствие знакомства с Эрнстом. Значит, в то время она была так влюблена, что была готова следовать за ним.

Эрнст Ноффке родился 11 декабря 1903 г. в Гамбурге. Сын работника швейной фабрики, в 1925–1929 гг. он изучал экономику в университете родного города, а в 1931–1932 гг. продолжил обучение в Берлине, где получил докторскую степень. И его политические увлечения пережили известный дрейф: если в 1921 г. он вступил в социал-демократы, то уже в 1923 г. перешел в коммунисты. Его образованность означала, что в партии ему доверили творческую деятельность. До апреля 1931 г. он руководил издательством «Hamburger Volkszeitung», преподавал и директорствовал в партшколе в Берлине-Фихтенау, а в конце 1932 г. Политбюро назначило его главой отдела пропаганды [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642]. Эльза в Германии работала в Обществе дружбы с Советским Союзом [Corpi 1996, p. 458, fn. 79] и в газете «Rothe Fahne» («Красное знамя») [O'Sullivan 2010, p. 86].

После поджога рейхстага Эрнст в марте-апреле 1933 г. работал партийным инструктором в Руре и на Среднем Рейне. После краткого ареста в середине мая 1933 г. проживал нелегально в Берлине. А после 15 июля 1933 г. эмигрировал [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642], оказавшись в итоге в СССР. Первый адрес – Ленинград. Сначала супруги Ноффке стали работать в местном отделении издательства иностранных рабочих [Ноффке, л. 60]. В начале 1936 г. они были переведены в Москву [Ноффке, л. 13–14], где уже находилась сестра Эльзы Альбин, бывшая замужем за советским коммунистом Михаэлем Креппсом.

В Москве начинается нечто ужасное. Согласно заявлению Эльзы в Отдел кадров ИККИ, она и ее муж нашли семью Креппсов политически близорукой: Эльза пишет, что «[мы против них] выступали на собраниях и в стенгазетах» [Ноффке, л. 14]. В итоге Эльза добилась того, что ее сестра и свояк были... арестованы. Но и Эльза из-за связи с «неблагонадежными» (с которыми она сама боролась) была уволена из издательства. Возможно, и поэтому тоже во время пребывания в Англии она «не раскрывала своих политических взглядов, вообще никогда не говорила о политике» [TNA HS 4/342]. Через «чистки» прошел и Эрнст Ноффке: в 1937 г. он был заключен в тюрьму, но, к счастью, его быстро освободили [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642].

Согласно документам ГРУ, к которым получил доступ российский писатель В. Лота, по состоянию на 1942 г., Эрнст и Эльза Ноффке считались «проверенными людьми» [Лота 2005, с. 429], а готовила Эльзу к заданию такая знаковая фигура, как будущий полковник ГРУ (тогда капитан) Мария

Иосифовна (Осиповна) Полякова¹³. В 1937 г. ее отец-меньшевик и брат были расстреляны, но она, вернувшись в Москву с поста руководителя нелегальной резидентуры в Швейцарии, отправила закрытой служебной почтой письмо Ворошилову, чем и сохранила себя.

Насколько можно понять, сначала Эльзу собирались забросить в Германию из Советского Союза (советские самолеты долетали до Польши / Восточной Пруссии). Но В. Лота пишет, что «после серии неудач [...] заброску [...] было решено проводить с помощью военной разведки Великобритании» [Лота 2005, с. 429].

8 августа 1942 г. Мария Полякова проводила Эльзу Ноффке, посадив ее на Ярославском вокзале Москвы, откуда и тогда, и сегодня отправляются поезда до Архангельска [Лота 2005, с. 429].

Когда вместе со своими товарищами по группам «Тоник» и «Содовая» Эльза доберется до Англии, офицеры SOE решат, что она была «руководителем группы»: «Она явно обладала самым твердым характером, точно знала, чего хочет и почти всегда этого достигала» [Pickaxe operations]. Еще интересная деталь. По прибытии в Англию она повела себя как выдержанный и даже экзальтированный критик буржуазных порядков. В частности, «громко жаловалась на качество товаров в магазинах Лондона, противопоставляя их сверкающим торговым центрам Москвы» [Pickaxe operations]. В то же время при обучении на парашютных курсах в Англии она была признана в SOE «слишком нервной» [Pickaxe operations]. По идее, эти две характеристики противоречат друг другу. Однако и И. Вольфрам со слов отца знала, что, когда дело дошло до курсов ГРУ, ее отец сетовал: «Папа пытался вместо нее попасть в органы, говорил, что ее нервы не выдержат».

Примечательно, что еще одна характеристика британцев гласила, что «Никитина» оказывала «необычайное сексуальное воздействие на большинство мужчин» [Pickaxe operations]. Не был ли под большим впечатлением от нее и ее спутник «Кольцов»-Кёлер? Не потому ли британцы разглядели в нем

13. Мария Полякова (1908–1995) родилась в Петербурге, в рабочей еврейской семье. Отец был меньшевиком, но в первые годы после революции служил в Наркомате внешней торговли, в том числе торгпредствах РСФСР / СССР в Германии и Великобритании. В силу этого обстоятельства в 1921–1925 гг. Мария училась там и хорошо овладела соответствующими языками. В 1925–1932 г. работала в КИМе, где и получила приглашение перейти в военную разведку. В 1936–1937 гг. – нелегальный резидент РУ РККА в Швейцарии, где добыла документы и снаряды от 37-мм зенитной пушки фирмы «Эрликон», используемой вермахтом. Была замужем за профессиональным революционером чехом Иосифом Дицка. Он погиб в августе 1941 г. при десантировании в районе польского города Чекольтин для выполнения спецзадания в тылу у немцев. В 1946–1956 гг. преподавала в специальном учебном заведении военной разведки. В отставку вышла в 1956 г. [Алексеев 2012, с. 614–615].

мужа «Никитиной»? В то же время нет сведений о том, что на момент выезда из СССР у Эльзы состоялся разрыв с ее мужем Эрнстом. По рассказам И. Вольфрам, пока Эльза училась на спецкурсах перед отправкой на Запад, он к ней ездил. Правда, всего один раз.

Интригующим выглядит и то, что у офицеров SOE в Англии сама Эльза «в числе прочего попросила, чтобы ее снабдили обручальным кольцом и распятием» [Pickaxe operations].

«Тоник» и «Содовая» в Британии

По прибытии в Англию группы «Тоник» и «Содовая» разместили в лондонском районе Майда Вэйл [Russia 1942–1944], а 5 октября перевели на ферму Алдертон-холл в графстве Эссекс. Позже их также размещали в графстве Хемпшир. В целом они оставались в стране с сентября 1942 по февраль 1943 г. Стоит объяснить, что такой долгий транзит в Англии связан был и с потерей документов и передатчиков при потоплении их судна. За время ожидания новых документов случилось несколько важных событий.

Во-первых, руководитель миссии связи НКВД в Лондоне Чичаев перетасовал состав групп. Новой парой «Тоник» стали «Никитина»-«Поска» (Ноффке) и загадочный «Горелов»-«Улноти». Новая группа «Сода» – «Новикова»-«Ундер» (Эмилия Шок-Нагель-Борецки или иначе «Чайка») и «Кольцов»-«Круус» (Кёлер-«Конрад») [O'Connor 2012, p. 112].

Во-вторых, британцам удалось более или менее понять, в чем состояла цель советских агентов. Про Ноффке офицеры SOE выяснили, что ее интересовали Кёльн и Берлин, а загадочного «Горелова» – «разные карты Штутгарта» [Pickaxe operations]. Про Кёлера британцы поняли, что он планировал внедриться на венские заводы «Штайр-Даймлер-Пух» [O'Sullivan 2010, p. 88]. В отношении Шок-Нагель-Борецки отметили, что у нее «слабая ясность ума и нерешительность» [Tuas 2017, p. 79]. Иными словами, она показалась лишь исполнителем-радистом, у кого не было самостоятельного оперативного задания. Еще в конце 1942 г. SOE и миссия связи НКВД согласовали районы десантирования групп. Для группы «Тоник» был определен район все-таки не Кёльна или Берлина, а Штутгарта-Фрайбурга на юго-западе Германии, для «Содовой» – на подходах к Вене.

В-третьих, однако, несмотря на то что новые документы из Москвы прибыли в Британию из СССР еще 27 ноября 1942 г., вылет на континент все откладывался: британцы объясняли это плохой погодой. В качестве компенсации для «Ледорубов» провели дополнительные занятия по радиodelу.

Всё это привело к тому, что в начале января 1943 г. глава миссии НКВД Чичаев выразил энергичный протест майору Седдону из Русской секции SOE [Russia 1942–1944]. Кроме этого, через голову своих визави в SOE он обра-

тился напрямую к генералу Джеймсу Маршалу-Корнуэллу, перешедшему в SOE как раз осенью 1942 г. [Marshall-Cornwall 1985]. Но если это и сдвинуло процесс, то без немедленного результата. Когда вылет все-таки был назначен на 17 января 1943 г., в SOE его отложили, потому что не успели с подготовкой багажа [Russia 1942–1944]. А в ночь с 24 на 25 января 1943 г., несмотря на отличную погоду и наличие самолета, на аэродроме «Темпсфорд» (откуда Королевские ВВС осуществляли рейсы для SOE и НКВД) возникла проблема с экипажем: один из авиаторов оказался болен [Russia 1942–1944; O’Sullivan 2010, p. 87].

К этому же несостоявшемуся полету относится доклад анонимного британского офицера, из которого, к сожалению, следует, что, будучи в 1941 г. инициатором налаживания сотрудничества с НКВД, даже и к 1943 г. SOE не добилась от всех своих офицеров по-настоящему союзнического отношения к посланцам из Москвы. В частности, своих советских коллег этот офицер называет исключительно... «Огпу» и пишет: «[Когда] Огпу проявили большой интерес к картам и оперативным материалам, я, как орел крыльями, прикрыл Варшаву. При раздаче горячего кофе и рома, меня чуть не стошнило, когда мне досталась кружка после Огпу» [AGENTS OF THE RUSSIAN]. В нарушение соглашения НКВД – SOE, этот офицер провел личный досмотр готовившейся к полету «Никитиной». Возможно, она и поступила немудро, надев на себя, слой за слоем, весь имевшийся у нее гардероб. Но тональность офицера очевидна: «Она выглядела, как искривленная версия рекламы покрышки Мишelin» [Agents of the Russian].

13 февраля 1943 г. группу «Тоник» вновь привезли на «Темпсфорд». Самолет взлетел. Но достигнув Германии, прокружил 45 минут над районом выброски и так и не смог из-за плохой видимости определить точную точку для парашютирования. Агенты вернулись в Англию [Clark 1999, p. 133–134]. Через три дня, в ночь с 16 на 17 февраля парашютирование отменила плохая видимость, оцененная в «10/10». В последний момент не состоялся и вылет 18 / 19 февраля: стало плохо одному из пассажиров [Pickaxe operations].

Группа «Содовая» также с первого раза попасть с «Темпсфорда» на континент не смогла. 19 февраля самолет пересек Ла-Манш, углубился в воздушное пространство над оккупированным континентом, но внезапно перегрелся один из двигателей, а потом забарахлил еще один. Летчик принял решение возвращаться на базу [Clark 1999, p. 137–138; Pickaxe operations]. Своего рода «утешительным призом» стало то, что группам вручили два фунта немецкого табака, 400 голландских сигарет и лампу 5 U4 G для их радиопередатчика [O’Connor 2012, p. 117]. Передатчиком служил британский «В Mark II» весом в 30 фунтов и с дальностью действия в 2500 км, что значительно превосходило характеристики советских передатчиков [O’Sullivan

2010, p. 89]. Это, безусловно, может считаться проявлением доброжелательности SOE.

Решающей для обеих групп оказалась ночь 24 / 25 февраля 1943 г. Группа «Тоник» поднялась в небо в 21:05. Достигнув заданного района и предложив своим пассажирам совершить прыжок с высоты в 1900 футов, летчики отметили, что Эльзу до этого «чуть укачало» и она все-таки «нервничала», но они видели, что раскрылись все три парашюта – женщины, мужчины и их багажа [Clark 1999, p. 134].

Чуть раньше, в 18:50, с «Темпсфорда» взлетел «Галифакс» с группой «Содовая». Пара советских агентов была сброшена с высоты в 700 футов над Австрией [O'Sullivan 2010, p. 88]. Вернувшись на базу, летчик отметил, что «женщина слишком долго тянула с прыжком после мужчины, прыгнувшего первым», но, главное, парашюты раскрылись у обоих [Clark 1999, p. 138; PICKAXE OPERATIONS].

Наутро в SOE официально уведомили НКВД об успехе операций [Pickaxe operations]. Через три дня генерал Маршалл-Корнуэлл был гостем на приеме в Посольстве СССР [Russia 1942–1944]. Кризис во взаимоотношениях SOE и НКВД был преодолен. Но настоящий кризис начинался у разведгрупп.

«Содовая» в Австрии

Будучи допрошенным в июле 1945 г. британцами, еще один гестаповец, имевший отношение к поимке группы «Содовая», Йохан Занитцер, поведал историю странную, если не анекдотическую. Якобы Кёлер-«Конрад», прыгая с парашютом, привязал к ноге бутылку коньяка, она разбилась и именно по запаху коньяка гестаповские овчарки взяли след. Занитцер также объяснял, что гитлеровцы знали о прибытии группы «Содовая» в Австрию, так как сообщение об их скором появлении от московского «Директора» пришло к советскому парашютисту-радисту, которого гитлеровцы схватили еще 8 июля 1942 г. и перевербовали [Agents of the Russian].

Сразу же разберем версию про коньяк, в которой видится тот самый «гестаповский фильтр», который подвигает к скоропалительным выводам и сегодняшних исследователей. Так, и английский историк Стивен Тайас, и британский соавтор этой статьи уверенно писали, что заброшенных в Австрию агентов из группы «Содовая – Тоник» гитлеровцам удалось схватить «сразу после приземления» [Tuas 2017, p. 79; O'Connor 2012, p. 122]. Но еще O'Sullivan, повторив это утверждение, все-таки сделал ссылку на мнение австрийского историка Шафранека, который отмечал, что Кёлер смог прятаться в течение двух недель [O'Sullivan 2010, p. 89]. Даже не обладая доступом к российским документам, Шафранек оказался прав.

Теперь благодаря обнаруженным в РГАСПИ выпискам из сообщений австрийского коммуниста Йозефа Майзеля, подшитым к личному делу Кёлера (с которым они вместе оказались в тюрьме в Вене), можно еще больше раздвинуть сроки пребывания «Конрада» на свободе: «Конрад был арестован [...] в Вене после того, как он около *шести* недель находился на [...] свободе» [Келлер, л. 3]. Добавим к этому, что и по информации СВР, «Конрад» и «Чайка» были арестованы «*в марте 1943 г.*»¹⁴ (курсив наш. – С. Б., Б. О'К.). Значит члены группы «Содовая» не были пойманы сразу после приземления.

Более того, разбираясь в послевоенных показаниях гитлеровцев, в SOE написали и так: «На самом деле, группа была поймана из-за “проблем с квартирой”. Русским нужен был переменный ток для управления их передатчиком, а так как в Вене квартир с таким током было очень мало, было относительно просто следить за такими жилищами и арестовывать любых подозрительных лиц» [Agents of the Russian].

Иными словами, крайне высока вероятность того, что версия о коньяке – гестаповская сказка, тот самый «фильтр». В то же время Мейзель показал, что «в действительности [Кёлер-“Конрад”] с самого начала находился под наблюдением гестапо, так как последние были точно проинформированы о его прибытии до него арестованными (также прибывшими из СССР)» [Келлер, л. 3].

Кто «сдал»?

При допросах и британцами, и американцами гестаповец Занитцер назвал ключевым перевербованным присланного из СССР радиста Вилли Кёнера. Была даже обозначена радиоигра «*Quartiermacher-1*» [Agents of the Russian; O'Sullivan 2010, p. 88; Tyas 2017, p. 52], по результатам которой были арестованы «Конрад» и «Чайка». К сожалению, в этой истории масса провалов и нестыковок.

Еще полвека назад германский исследователь Хёне напомнил: и сам радист Бёрнер был именно *пойман*.

Вилли Бёрнер – один из тех советских парашютистов, которые в два этапа были заброшены в Восточную Пруссию. В ночь с 17 / 18 мая 1942 г. две группы советских агентов были парашютированы рядом с г. Алленштайн (ныне Олштин в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши). В следующую ночь, 18 / 19 мая, еще одна советская группа была заброшена с парашютами у г. Инстербург (ныне Черняховск Калининградской области). Достоверно известно, что из тройки, сброшенной у Инстербурга-Черняховска, один был убит в бою по приземлении, а Вальтер Гершманн и Вильгельм Трапп взяты

14. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

гитлеровцами в плен. От них-то и стали известны имена и приметы тех, кто, приземлившись, смог скрыться и продолжить путь на территории современных Германии и Австрии. В результате их приметы были разосланы во все отделения Главного управления имперской безопасности (РСХА), и Бёрнер был арестован по наводке *информатора* [Höhne 1971, p. 150–152; Tyas 2017, p. 51]. В сегодняшней СВР это подтверждают: «Как выяснилось впоследствии, причиной арестов послужило предательство провокатора, внедренного гестапо в нелегальную группу австрийской компартии»¹⁵.

В показаниях Майзеля из фонда Коминтерна в Москве находим дополнительные детали (орфография сохранена): «Уже некоторое время до прибытия Конрада, некоторые товарищи, прибывшие с аппаратом передач из СССР, попали в руки гестапо. Двух из них я сам видел. Один из них преподаватель по спорту (по его словам, судетский немец) из Ленинграда, второй 18–19 лет, [...] Австрия, который находился в Москве в детдоме шуцбундовцев. Оба все, что знали, выдали гестапо и с ними обращались очень хорошо. Более молодого, очень часто по ночам брали наверх [...] и большей частью возвращался в камеру только в 5 часов утра. Очень возможно использовался для радиопередачи в СССР. Материал для радиопередач днем будто бы составлялся Цвифельгофером, который ежедневно с 8 часов утра до 6 часов вечера работал в канцелярии гестапо» [Келлер, л. 4].

Итак, даже и разобравшись с некоторыми преувеличениями и упрощениями, связанными с «гестаповским фильтром», признаем, что группу «Содовая» в Австрии в результате множественных предшествующих провалов, о которых Москва не знала, действительно, взяли довольно быстро.

Признания?

Согласно справке от СВР, «на допросах в гестапо “Конрад” вел себя мужественно и отказывался давать какие-либо показания»¹⁶. Но еще в 1945 г. Мейзель рассказал (орфография сохранена): «Он очень долго при всех пытках держался стойко, но затем при множестве доказательств (радиоаппарат, химический кодекс и т.п.) и обвинение со стороны с ним вместе провалившихся товарищей, а еще до этого арестованными, прибывшими из СССР» [Келлер, л. 3]. Фраза в документе оборвана, но вывод понятен: Келлер все-таки заговорил, хотя в своих показаниях в 1946 г. Мейзель и уточнил, что «совместную работу (курсив наш. – С. Б., Б. О'К.) с гестапо он категорически отверг» [Келлер, л. 4].

15. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

16. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

В СВР вопрос ставят так: «[“Конрад”] был уличен “Чайкой”, которая выдала гестапо все, что она знала о “Конраде”»¹⁷. Вот и по О’Салливану, Эмилия раскрыла секреты своего передатчика. Но все-таки О’Салливан не сомневается, что *оба* члена группы «Содовая» рассказали о том, как проходили подготовку в СССР на базе Пионерская, об обстоятельствах своего пребывания в Британии [O’Sullivan 2010, p. 89]. В SOE также пришли к выводу, что «*группу* (курсив наш. – С. Б., Б. О’К.) “убедили” сотрудничать с гестапо» [Agents of the Russian]. Но еще О’Салливан полагает, что информация, полученная именно от Кёлера, помогла гитлеровцам схватить во Фрайбурге Эльзу [O’Sullivan 2010, p. 89].

«Тоник» в Германии

9 августа 1943 г. на адрес Чичаева в Лондоне была отправлена бумага, составленная на основе информации от перебежавшего в Швейцарию из Германии профессора Университета Берлина. Он рассказал, что пока по пути к границе скрывался во Фрайбурге, слышал, что в июне местная полиция арестовала неких «английских парашютистов», сброшенных в начале года у гряды Кайзерштуль. В SOE поняли, что это – район парашютирования в начале года группы «Тоник»... [Pickaxe operations].

К этому в SOE добавили, что еще 6 июня 1943 г. по обвинению в сокрытии агентов, парашютированных британцами, немцы арестовали некоего Мюллера, проживавшего по швейцарским документам на Альбертштрассе во Фрайбурге. Кроме того, сообщалось, что найдены передатчик и коды, которые, по информации источника SOE, теперь использовались в радиоигре с Москвой. Еще британцы сообщили коллегам из НКВД, что их агент подслушал разговор солдат в поезде Фрайбург – Мюнхен. Те говорили о том, что во все том же Фрайбурге арестована женщина-парашютист [Pickaxe operations]. Очевидно, что это была «Никитина»-Ноффке.

И в данном случае существует версия о том, что гестаповцы знали заранее даже место высадки группы «Тоник». Суть в том, что соответствующая ориентировка поступила из Москвы Хайнриху (Хайнцу) Кёнену – еще одному советскому радисту, отправленному самолетом из СССР, схваченному еще в октябре 1942 г. и перевербованному [O’Sullivan 2010, p. 87; Tyas 2017, p. 80]. Но и в данном случае есть показания еще одного сдавшегося британцам гитлеровца, лейтенанта Герда Манеберга, которые заставляют отнестись и к этой версии, как минимум, с осторожностью. Итак, выяснилось, что место высадки в гестапо узнали не из радиоигры, а когда в полицию обратился местный фермер, который нашел в поле чемодан с парашютом. Внутри был обнаружен

17. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

радиопередатчик. После тщательных поисков в том же районе был обнаружен еще один чемодан с мужской и женской одеждой [Agents of the Russian]. Как бы то ни было, начались поиски.

Дальнейшие события, согласно западным источникам, выглядят так. «Никитина» и «Горелов» связались со своим контактом во Фрайбурге. Он, Мюллер, отправил открытку в Швейцарию своей сестре Анне, которая также 20 лет работала на советскую разведку [Robinson]. В открытке говорилось, что «Инга» приехала, но потеряла свой «чемодан» [Nollau 1979, p. 48; O'Sullivan 2010, p. 87]. Из Швейцарии это сообщение было передано в московский Центр. И вскоре «Директор» проинструктировал о необходимости передать группе «Тоник» новый передатчик. Правда, почему-то, согласно западным источникам, инструкция ушла не в Швейцарию, а перевербованному Кёнену [Tuas 2017, p. 80]. Вроде бы ему был сообщен адрес во Фрайбурге.

Тем не менее из показаний лейтенанта Манеберга все-таки следует, что и арест Э. Ноффке произошел не только и не столько вследствие радиоигры: «В тот же период русский агент в Вене раскрыл адрес пожилой пары во Фрайбурге», гестапо проверило эту пару, но на нее ничего не было. Тем не менее за их жилищем было установлено наблюдение. И вскоре выяснилось, что у этой «безобидной» пары был друг-«бизнесмен из Фрайбурга», который попросил их об одолжении разместить у себя одну его старую знакомую из Кёльна. Она пришла к ним 6 июня и даже успела вручить задаток в 1000 рейхсмарок. Через час в дверь уже постучали гестаповцы. Открывшая им дверь молодая женщина «немедленно положила что-то себе в рот». Но Эльза не *раскусила*, а лишь *проглотила* капсулу с цианидом. Ей прочистили желудок [Agents of the Russian]. Начались допросы.

Допросы Ноффке

То, что немцам попалась точно Эльза Ноффке, – несомненно. Начнем с косвенной детали. Когда в мае 1945 г. американцы освободили заключенных концлагеря Равенсбрюк, то среди них обнаружились и захваченные немцами женщины – агенты SOE. Одна из них, «Лиз» (англичанка Одэтт Сэнсом, агент секции F SOE [Odette Marie; Nazi persecution claim]), рассказала, что сдружилась в лагере с женщиной по имени Хелен Поска, про которую думала, что и та – британский агент. Напомним, что именно такой эстонской фамилией при транзите через Англию пользовалась Ноффке. То, что об этой женщине рассказала «Лиз», вполне совпадает с тем, что известно о судьбе Эльзы: была арестована немцами в феврале 1943 г. и при аресте попыталась принять яд. Кстати, «Лиз» отмечала, что, рассказав детали своей биографии, Поска так и не согласилась на *сотрудничество* с гитлеровцами [Robinson].

Кроме того, доказательством может служить и то, что задержанная во Фрайбурге женщина рассказала гестаповцам, что является советским агентом и что «судно, на котором она плыла [на задание] затонуло, но она была спасена и доставлена в Англию». Наконец она сообщила, что ее компаньона ей представили в Британии [Agents of the Russian], что соответствует версии о том, как Чичаев перетасовал изначальные группы «Тоник» и «Содовая».

И наконец, еще одно доказательство того, в руках у гестапо оказалась Ноффке: от Эльзы немцам стало известно, что ее муж – «гамбургский коммунист» [Agents of the Russian]. Эрнст Ноффке действительно родился именно в Гамбурге. Но ведь в Англии офицерам SOE показалось, что муж «Никитиной» – это «Кольцов» (т.е. Кёлер-«Конрад»). Вспомним те характеристики, которые «Конраду» давали в Коминтерне: «непостоянен в личной жизни» и т.п. В свою очередь, «Лиз» откуда-то знала, что Поска не просто была связана с «Эмилией Новиковой», но была замужем за «Петром Кольцовым» [O'Connor 2012, p. 122]. Британский следователь, который беседовал с «Лиз» отметил: «У меня сложилось впечатление, что Никитина ревновала Новикову, и последняя с основаниями на то могла стать причиной утечки» [Robinson].

Это ставит под сомнение версию О'Салливана о том, что адрес Ноффке во Фрайбурге выдал «Конрад». И это подтверждает версию из документов СВР и РГАСПИ, что он на допросах держался – в отличие от «Чайки». Еще, конечно, это заставляет предположить, что членами групп «Тоник» и «Содовая» двигали не только политика и идеология.

Судьбы: Ноффке

По рассказам И. Вольфрам, ее отцу в октябре 1943 г. в Москве лаконично сообщили, что Эльза не вернется. Во времена ГДР в одной из бывших камер Равенсбрюка висел портрет Ноффке с информацией о том, что ее убили в ночь на 7 ноября 1943 г. (т.е. в годовщину Октябрьской революции). В 1991 г. все фотографии бывших коммунисток из Равенсбрюка были удалены. Но с тех пор рассекречена новая информация.

По показаниям упоминавшейся выше «Лиз», в последний раз она видела свою подругу, которую знала как «Поска», 10 февраля 1945 г. Та попросила англичанку связаться с «ее друзьями», чтобы те рассказали о том, что с ней случилось. Собственно, это и сработало: ведь в Лондоне Эльзу Ноффке знали под фамилиями «Новикова» и именно «Поска». Сообщение дошло (по крайней мере – до Лондона). В тот же день, 10 февраля 1945 г., Эльза сказала «Лиз», что ее везут в Берлин [Robinson]. С. Тайас считает, что на самом деле в ночь с 10 на 11 февраля ее расстреляли в концлагере, а тело сожгли в крематории [Tyas 2017, p. 81].

Сам Эрнст Нюффке с началом войны был зачислен в так называемый 99-й Научно-исследовательский институт Коминтерна, про который известно, что в годы Великой Отечественной он занимался работой с военнопленными [Адибеков 1997, с. 236–237; Млечин 2019]. По рассказам И. Вольфрам, отец не раз выезжал на фронт, где через усилитель обращался к солдатам вермахта с призывами сдаваться.

Как рассказывает Инга, у отца были очень сложные отношения с руководством вновь образованной ГДР, и он смог вернуться в Германию только в январе 1952 г. Там он работал в области культуры и науки и умер 16 ноября 1973 г. в Восточном Берлине [Deutsche Kommunisten 2008, S. 642].

Судьбы: Эмилия и ее муж

Из справки СВР: «По приходу наших войск в Вену в апреле 1945 года “Чайка” была арестована органами военной контрразведки “СМЕРШ” и особым Совещанием 15 сентября 1945 года была осуждена на 8 лет ИТЛ, срок отбывания наказания исчисляется с 24 апреля 1945 г.»¹⁸.

Как мы помним, в «оттепель» она писала заявление о том, чтобы ей перечислили зарплату умершего мужа. Он, сотрудник разведки Коминтерна Густав Шок-Борецки, умер не своей смертью, а «расстрелян с конфискацией». Согласно определению Верховного суда СССР от 25 марта 1938 г., он «был признан виновным в том, что являлся участником антисоветской троцкистской организации и с 1935 г. проводил шпионскую деятельность в пользу германской разведки». Посмертная реабилитация состоялась 5 апреля 1958 г. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор «по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием состава преступления» [Шок, л. 4].

В справке из СВР говорится, что «Дальнейшая судьба “Чайки” в деле не отражена»¹⁹. Но, как мы помним, свое заявление о том, чтобы ей перевели зарплату мужа, она писала из города Инта Коми АССР, где она, очевидно, и осела.

Судьбы: Кёлер-«Конрад»

В своем рассказе, который подшит к делу Кёлера в РГАСПИ, Мейзель приводил такие детали (орфография сохранена): «Особенно тяжело страдал Конрад благодаря обвинений Цвифельгофера и, однажды, в тайной переписке он писал, что последний все снова доводит его до кровавого пота. Так как

18. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

19. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

похоже для гестапо он был полностью бесполезным, совместную работу с гестапо он категорически отверг. В середине 1943 г. был переведен в концлагерь в Маутхаузен, что в дальнейшем с Конрадом было – не знаю» [Келлер, л. 4].

И западные, и российские источники сходятся в том, что «Конрад» был убит в Маутхаузене весной 1945 г. [Келлер, л. 1–2; O’Sullivan 2010, p. 90; Nollau 1977, p. 75; Tyas 2017, p. 81]. В материалах РГАСПИ указано, что это произошло в марте. В СВР считают, что жизнь «Конрада» оборвалась в апреле «за несколько часов до прихода американских войск»²⁰.

Судьбы: Другие

Стоит еще раз повторить, что о «Горелове»–«Тиетце» до сих пор неизвестно вообще ничего. Разве что недавно мелькнуло и еще одно его возможное имя: Ernst Beutge [Tyas 2017, p. 79]. По одним данным, он был убит гитлеровцами еще в 1943 г. в концлагере Заксенхаузен [Tyas 2017, p. 81]. По другим, его видели в Маутхаузене [Robinson].

Следующей группой советских агентов, кого эсэсовцы уже поджидали из Англии, была группа «Эверест» [O’Sullivan 2010, p. 90]. Но это – уже другая история.

Библиография

- Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
- Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М.: Кучково поле, 2012. 976 с.
- Брилёв С.Б. Операция «Оранж». Загадочные испанцы – участники англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г. // Россия и современный мир. 2019. № 2. С. 190–215.
- Записки службы связи ИККИ Г.М. Димитрову по вопросам связи с компартиями // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 77 (опубл.: Коминтерн и Вторая мировая война: [сб. док. в 2 т.]. М.: Памятники ист. мысли, 1994. Т. 1. С. 55).
- Келлер Герман Карлович (Конрад Герман, Шобер Рудольф, Гермес, Грюн, Виктор, Зименсен Эмиль и др.). Личное дело // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 187. Д. 1026.
- Кононов А.Б. Архангельская область в спецсообщениях УНКВД-УНКГБ (1941–1945 годы) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 4. С. 5–15.
- Лота В.И. «Альта» против «Барбароссы». М.: Молодая гвардия, 2005. 471 с.
- Млечин Л.М. Мы наш, мы новый... Чем был Коминтерн для советской власти и всего мира // Огонек. 2019. № 8. С. 17.
- Ноффке Эльза Рудольфовна. Личное дело // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 205. Д. 4832.

20. Ответ СВР на запрос ВГТРК.

- Шок Густав. Личное дело // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 272. Д. 200.
- Agents of the Russian Intelligence Service given SOE facilities. An agreement was signed in 1941 between the NKVD and SOE to deliver a number of Russian agents into Occupied Europe // The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 2/2827.
- Clark F. Agents by moonlight: the secret history of RAF Tempsford during World War II. Stroud: Tempus, 1999. 336 p.
- Coppi H. Die «Rote Kapelle» im Spannungsfeld von Widerstand und nachrichtendienstlicher Tätigkeit. Der Trepper-Report vom Juni 1943 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Hf. 3. S. 431–458.
- General Sir James Marshall-Cornwall // The Times. 1985. 31 Dec.
- Hill G.A. Reminiscences of Four Years with NKVD [Memoirs, typewritten] // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University, USA (acquired in 1968).
- Höhne H. Codeword: Direktor. The Story of the Red Orchestra / transl. by Richard Barry. London: Secker & Warburg, 1971. 310 p.
- Jürgen R., Hümmelchen G. Chronik des Seekrieges 1939–1945. 1942, September. Stuttgart: Württembergische Landesbibliothek, 2008–2017. URL: <https://www.wlb-stuttgart.de/seekrieg/42-09.htm> (Дата обращения: 15.04.2019.)
- Jüri Kruus // Eesti Kommunismiohviid 1940–1991. URL: <https://www.memoriaal.ee/otsing/?q=Jüri+Kruus+&f=all> (Дата обращения: 12.03.2019.)
- Nazi persecution claim: Mrs Odette Marie Celine Hallowes MBE (formerly Sansom and Churchill, nee Brailly) // The National Archives of the United Kingdom (TNA). FO 950/2253.
- Nollau G., Zindel L. Gestapo ruft Moskau, Sowjetische Fallschirmagenten in Zweiten Weltkrieg. München: Blanvalet, 1979. 318 S.
- O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.
- O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. 338 p.
- Ocean Voice. British Steam merchant // Uboat. net. URL: <https://uboot.net/allies/merchants/ship/2196.html> (Дата обращения: 09.02.2019.)
- Odette Marie Celine Hallowes, nee Brailly, aka Odette Sansom, aka Odette Churchill – born 28.04.1912 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 9/648/4.
- Pickaxe operations: Tonic; Sodawater // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/344.
- Pickaxe projects // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/336.
- Robinson H. Soviet intelligence network in Western Europe since October 1945 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 3/137.
- Russia. Aug. 1942 – Jun. 1944. P. 1–115 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 7/278.
- Schafranek H. Im Hinterland des Feindes: Sowjetische Fallschirmagenten im Deutschen Reich 1942–1944 // Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Jahrbuch 1996. Wien, 1996. S. 10–40.
- Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

References

- A report by the ECCI Communication Service to George Dimitrov on relations with Communist Parties. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 73. F. 77. (published: Comintern and the Second World War: [collected documents in 2 tons]. Moscow: Monuments of historical thought [Pamyatniki istoricheskoy mysli], 1994. V. 1. P. 55). (In Russ.)
- Adibekov G.M., Shakhnazarova E.N., Shirinya K.K. The organizational structure of the Comintern 1919–1943. Moscow: ROSSPEN, 1997. 287 p. (In Russ.)
- Agents of the Russian Intelligence Service given SOE facilities. An agreement was signed in 1941 between the NKVD and SOE to deliver a number of Russian agents into Occupied Europe. The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 2/2827.
- Alekseev M.A., Kolpakidi A.I., Kochik V.Ya. Encyclopedia of military intelligence. 1918–1945. Moscow: Kuchkovo Pole, 2012. 976 p. (In Russ.)
- Brilev S.B. Operation «Orange». Spaniards Participating in the Anglo-Soviet Intelligence and Sabotage Scheme «Pickaxe» in 1943. Russia and the contemporary world. 2019. No. 2. P. 190–215. (In Russ.)
- Clark F. Agents by moonlight: the secret history of RAF Tempsford during World War II. Stroud: Tempus, 1999. 336 p.
- Coppi H. Die «Rote Kapelle» im Spannungsfeld von Widerstand und nachrichtendienstlicher Tätigkeit. Der Trepper-Report vom Juni 1943. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1996. Hf. 3. S. 431–458.
- General Sir James Marshall-Cornwall. The Times. 1985. 31 Dec.
- Hill G.A. Reminiscences of Four Years with NKVD [Memoirs, typewritten]. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanford University, USA (acquired in 1968).
- Höhne H. Codeword: Direktor. The Story of the Red Orchestra. Transl. by Richard Barry. London: Secker & Warburg, 1971. 310 p.
- Jürgen R., Hümmelchen G. Chronik des Seekrieges 1939–1945. 1942, September. Stuttgart: Württembergische Landesbibliothek, 2008–2017. URL: <https://www.wlb-stuttgart.de/seekrieg/42-09.htm> (Date of access: 15.04.2019.)
- Jüri Kruus. Eesti Kommunismiohvrid 1940–1991. URL: <https://www.memoriaal.ee/otsing/?q=Jüri+Kruus+&f=all> (Date of access: 12.03.2019.)
- Keller German Karlovich (Konrad Herman, Schober Rudolf, Hermes, Grün, Victor, Emi Simensen, etc.). Personal file. RGASPI F. 495. Inv. 187. F. 1026. (In Russ.)
- Kononov A.B. Arkhangelsk region in special communications UNKVD-UNKGB (1941–1945). Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. 2015. No. 4. P. 5–15. (In Russ.)
- Lota V.I. «Alta» against «Barbarossa». Moscow: Young Guard [Molodaya gvardiya], 2005. 471 p. (In Russ.)
- Mlechin L.M. The earth shall rise on new foundations... What was the Comintern for the Soviet government and the whole world. Ogonyok. 2019. No. 8. P. 17. (In Russ.)
- Nazi persecution claim: Mrs Odette Marie Celine Hallows MBE (formerly Sansom and Churchill, nee Brailly). The National Archives of the United Kingdom (TNA). FO 950/2253.
- Nofke Elsa Rudolfovna. Personal file. RGASPI F. 495. Inv. 205. F. 4832. (In Russ.)
- Nollau G., Zindel L. Gestapo ruft Moskau, Sowjetische Fallschirmagenten in Zweiten Weltkrieg. München: Blanvalet, 1979. 318 S.
- O'Connor B. Churchill and Stalin's Secret Agents. Operation Pickaxe at RAF Tempsford. London: Fonthill, 2012. 224 p.
- O'Sullivan D. Dealing with the Devil. Anglo-Soviet Intelligence Cooperation During the Second World War. New York: Peter Lang, 2010. 338 p.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Ocean Voice. British Steam merchant. Uboat. net. URL: <https://uboot.net/allies/merchants/ship/2196.html> (Date of access: 09.02.2019.)

Odette Marie Celine Hallowes, nee Brailly, aka Odette Sansom, aka Odette Churchill – born 28.04.1912. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 9/648/4.

Pickaxe operations: Tonic; Sodawater. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/344.

Pickaxe projects. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 4/336.

Robinson H. Soviet intelligence network in Western Europe since October 1945. The National Archives of the United Kingdom (TNA). KV 3/137.

Russia. Aug. 1942 – Jun. 1944. P. 1–115. The National Archives of the United Kingdom (TNA). HS 7/278.

Schafranek H. Im Hinterland des Feindes: Sowjetische Fallschirmagenten im Deutschen Reich 1942–1944. Dokumentationsarchiv des Österreichischen Widerstandes: Jahrbuch 1996. Wien, 1996. S. 10–40.

Shock Gustav. Personal file. RGASPI F. 495. Inv. 272. F. 200. (In Russ.)

Tyas S. SS-Major Horst Kopkow. From the Gestapo to British Intelligence. London: Fonthill, 2017. 272 p.

Е.Е. Савицкий

ДЕКАДЕНТСКАЯ ЭСТЕТИКА И ИМПЕРСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: НИДЕРЛАНДСКАЯ ИНДИЯ 1890-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ РУССКОГО КОНСУЛА*

Аннотация. В статье рассматривается специфика восприятия российским консулом М.М. Бакуниным Нидерландской Индии 1890-х годов, а также значение опыта пребывания в этом регионе для конструирования автором образа российской имперской идентичности. В качестве основного источника используется книга Бакунина «Тропическая Голландия» 1902 г. На примере описаний природы острова Ява и различных частей Батавии исследуется специфика повествования Бакунина по сравнению с более ранними ориенталистскими текстами, проявляющаяся в использовании депрессивной декадентской эстетики, в нарочитом внимании к картинам упадка, разложения, гниения, в выстраивании образов опустошенных пространств, болезнетворности всего окружающего. Описания различных аспектов повседневной жизни голландцев, таких как еда, одежда, формы досуга, телесные практики и т.п., позволяют выявить влияние теории дегенерации М. Нордау на осмысление Бакуниным колониальной политики. Трактовка темы вырождения в колониях у Бакунина сопоставляется с ее обсуждением в голландских текстах того времени, исследованных Э.Л. Стоулер, а также с российским контекстом рецепции идей дегенерации, исследованным Р. Николози. Особое внимание уделяется определению Бакуниным места русского наблюдателя в колонии, который противопоставляется как туземцам, так и местным голландцам, но также и англичанам с их колониальными практиками. Отмечается, что наряду с обычными для колоний иерархиями неевропейцев Бакунин склонен выстраивать и иерархии европейцев. При этом российский наблюдатель оказывается тем, кто способен к таким суждениям, может выступать эталоном европейскости. Делается вывод о значимости опыта пребывания в Нидерландской Индии для создания Бакуниным образа российской культуры как европейской.

Ключевые слова: Нидерландская Индия; Батавия; Россия; Модест Бакунин; дегенерация; имперская идентичность; колонии; расизм; история.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00135-П).

Савицкий Евгений Евгеньевич – кандидат исторических наук,
доцент, Российский государственный гуманитарный университет;
старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН,
Москва. E-mail: savitski.e@rggu.ru

E.E. Savitskiy. Decadent Aesthetics and Imperial Identities: Netherlands Indies of the 1890s as Seen by the Russian Consul

Abstract. Describing the diplomatic service of the Russian consul, M.M. Bakunin, in the Netherlands East Indies in the 1890s, the article focuses on two themes – on the peculiarities of Bakunin's perception of the colony's life and his understanding of the Russian imperial identity. The main source of the paper is Bakunin's book «Tropical Holland» (1902). Looking at Bakunin's descriptions of the nature of Java and various parts of the settlement of Batavia, the author identifies the characteristic features of Bakunin's narrative in comparison with earlier orientalist texts. This peculiarity manifests itself in the use of gloomy decadent aesthetics, in deliberate attention to the pictures of decline and decay, in the images of empty spaces and morbidity of everything around. Bakunin's description of various aspects of Dutch everyday life, such as food, clothing, leisure activities, bodily practices, etc., suggests that in his thinking on colonial politics the Russian consul was under the influence of M. Nordau's theory of degeneration. The theme of degeneration in Bakunin's book is also compared to its presentation in the Dutch texts of the time, studied by A.L. Stoler, and the Russian reception of degeneration ideas, explored by R. Nicolosi. Particular attention is paid to the way Bakunin defined the place of the Russian observer in the colony, this place being opposed both to the natives and the local Dutch, but also to the British with their colonial practices. What's also noteworthy is that, along with the hierarchies of non-Europeans usual for colonies, Bakunin attempted to define the local hierarchies of Europeans, in which the Russian official comes very close to a standard of Europeanness. By this token, concludes the author, the Russian diplomat constructed the image of Russian culture as a European one.

Keywords: Netherlands East Indies; Batavia; Modest Bakunin; degeneration; imperial identity; colonies; racism; history.

Savitskiy Evgeniy Evgen'evich – PhD, Russian State University
for the Humanities, Associate Professor; Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; Moscow.
E-mail: savitski.e@rggu.ru

Благодаря исследованиям Э.Л. Стоулер [Stoler 1994; Stoler 2002] Нидерландская Индия в последние десятилетия стала предметом интереса не только специалистов по голландской колониальной политике, но и исследователей в других областях. Особенно знаменитой стала критика Стоулер «Истории сексуальности» М. Фуко за ограничение исследования рамками Европы, так что неучтенным оказалось влияние колониального опыта. В научных работах с середины 1980-х годов Стоулер стремилась показать, что сексуальность

оказывалась средством артикуляции властных отношений в колониях (например, борьба за нравственность европейских мужчин была связана с ужесточением расовой сегрегации, а оспаривание этой сегрегации то и дело воспринималось как угроза нарушения норм сексуальной морали). В других исследованиях, итогом которых стала книга о колониальных архивах [Stoler 2009], Стоулер затрагивала проблему «колониальной нервозности». Полемизуя опять же с Фуко, Стоулер рассматривала колониальные архивы не столько как воплощение связки знания и власти, сколько как места умолчаний, которые могли быть как намеренными, связанными с политической цензурой, так и непреднамеренными, из-за того, что не все оказывалось именуемо в языке голландской колониальной администрации, постоянно ускользало от попыток классификации, создавало напряжение в работе колониальных служащих. Таким образом, в духе деконструктивистской теории Стоулер стремилась сделать предметом исследования не только то, что присутствует в источниках, но и то, что в них отсутствует, при этом такие «отсутствия» трактовались как активная сила, вмешивающаяся в функционирование колониального знания и способствующая постепенному разрушению колониальной власти.

Работы Стоулер основаны на изучении материалов голландских и ряда других западноевропейских колониальных архивов. Однако источники об этом периоде и регионе существуют также на востоке Европы, в частности к таким текстам относятся записки Модеста Модестовича Бакунина (1848–1913), российского консула в Батавии в 1894–1899 гг. До сих пор записки Бакунина малоизвестны в международном исследовательском сообществе. Между тем в последние годы отмечалась ошибочность представлений о российской колониальной культуре как о вторичной по отношению к западноевропейской [Джераси 2013]. Указывалось, что российская колониальная история подверглась как бы двойной цензуре: с одной стороны, в СССР избегали говорить о колониальных аспектах собственной истории, предпочитая сводить все к классовым противоречиям (традиция таких умолчаний во многом сохраняется и в постсоветской России); с другой – западные исследователи, часто симпатизируя СССР и его помощи антиколониальной борьбе неевропейских народов, также избегали касаться российского колониального прошлого или настоящего [Эткинд 2013, с. 25–45]. В результате лишь относительно недавно встал вопрос о том, в какой мере применим к России опыт индийских «исследований угнетенных» («Subaltern studies») или исследований ориентализма Э. Саидом [Саид 2006]. Так, Р. Джераси отмечал, что русские в конце XIX в. не могли быть так же уверены в своей принадлежности к Западу, как англичане или французы, и эта неуверенность делала нестабильными ориенталистские противопоставления, что противоречит модели жестких дуальных структур у Саида [Джераси 2013, с. 243–274]. Особым

предметом рассмотрения стала связь российской колониальной культуры с модернистскими и антимодернистскими направлениями в художественной культуре того времени [Шевеленко 2017, Савицкий 2017]. В контексте таких историографических дискуссий свидетельства русского консула в Батавии оказываются ценным источником, позволяющим увидеть специфику взгляда русского чиновника на голландскую колониальную повседневность.

Прежде чем перейти к самим запискам Бакунина, изданным в виде книги «Тропическая Голландия: Пять лет на острове Ява» в 1902 г. [Бакунин 2007], следует сказать несколько слов о том, как этот человек оказался в Батавии. И до него, и после обязанности русского консула там исполняли местные голландцы, направление в этот регион чиновника из России было необычным. Это можно связать, с одной стороны, с возросшим под конец правления Александра III интересом к Юго-Восточной Азии, а с другой – лично для Бакунина назначение в Батавию было своего рода ссылкой, о чем он не раз прямо говорит в своей книге. Довольно долго, с 1880 по 1893 гг., Бакунин был генеральным консулом в Сараево, но был отозван в Россию после конфликта с австрийскими властями. Таким образом, у Бакунина был некоторый опыт дипломатической работы, но у него не было специфических навыков и интересов, которые бы подготовили его к работе в Нидерландской Индии. Как отмечает сам Бакунин, даже попытки получить накануне отъезда хоть какие-то сведения о регионе в посольстве Нидерландов оказались малопродуктивными: «Я наивно полагал, что в нидерландской миссии в Петербурге тамошние голландцы непременно должны знать и передадут мне все, что касается Батавии. Но ни посланник, ни секретари никогда там не бывали, они сообщили мне лишь, что Ява – голландская колония, весьма отдаленная, и что там везде ужасно жарко» [Бакунин 2007, с. 60]. Тем не менее Бакунин читал имеющуюся в Петербурге литературу о Нидерландской Индии, хотя позднее весьма критически о ней отзывался, и даже попытался уже на пароходе освоить малайский язык.

Начинается «Тропическая Голландия» с описания прибытия в Батавию и первых впечатлений от незнакомой земли, что довольно обычно для рассказов о путешествии на Восток. Бакунин и следует имеющимся образцам, и намеренно отклоняется от них. Так, он пишет: «28 апреля 1894 года пароход Godavery французских Messageries около 5 часов утра подходил к порту Батавии Танджунг-Приоку. <...> Я, в числе прочих своих товарищей по плаванию, стоял давно одетый на палубе и, может быть, с большею интенсивностью, чем остальные пассажиры, усиленно смотрел в сторону еще отдаленного дебаркадера. Мне еще в Европе наговорили столько чудес о Яве; мои голландские спутники на “Мельбурне” и “Годавери”, в свою очередь, так восторженно отзывались о Батавии, этой, по их словам, “королеве и жемчужине дальнего Востока”, что я ожидал, на первых же порах, увидеть нечто

необычайное, какую-то феерию, в сравнении с которой несомненно живописные и часто величественные виды на острове Цейлоне и в Сингапуре должны были казаться грубо скомпонованной декорацией какой-нибудь второстепенной провинциальной сцены. Но как я ни напрягал зрение среди полумрака, <...> никак не мог различить береговой линии, на которую мне тщетно указывал капитан» [Бакунин 2007, с. 16]. Позднее, когда совсем рассвело, Бакунин также, «к сожалению своему, увидел немного больше, так что-то смутное и неопределенное впереди, которое можно было одинаково принять за облако или опушку леса. <...> Но я впоследствии очень легко скоро утешился, когда оказалось, что, собственно говоря, и смотреть-то было не на что» [там же, с. 16–17]. Таким образом, автор и при первом взгляде, и при втором на остров Яву не видит ничего, ничего определенного. Путешествие начинается с глубокого разочарования как для самого путешественника, так и для читателя, которому автор не может предложить каких-либо красочных и заслуживающих внимания картин.

Подобное разочарование при виде реальной далекой страны довольно обычно для описаний путешествий на Восток, так что Э. Саид писал даже о топосе «преданной мечты», особенно у романтиков [Саид 2006, с. 157]. Это разочарование, однако, могло иметь различные оттенки значений и по-разному использоваться авторами для выстраивания повествований. Так, прибывший на корабле в Египет и добравшийся, наконец, до Каира Ж. де Нерваль сначала удрученно бродит по серым улицам, с грустью думая о том, что здесь придется провести не один месяц. Унылый вид города повергает его в отчаяние. Но затем оказывается, что серость Каира подобна серости покрывал восточных женщин, которые вовсе не представляют собой «столь неодолимое препятствие, как полагают» [Нерваль 1986, с. 22], и за ними скрываются подлинные сокровища Востока. Изначальное разочарование делает еще более возбуждающим обнаружение сокрытого. Теофиль Готье в своем очерке «Константинополь» также обращается к эротическим намекам, чтобы, однако, признать вскоре, что никаких скрытых прелестей ему обнаружить так и не удалось: «Первое, о чем спрашивают путешественника, вернувшегося с Востока, – это “А каковы там женщины?” Каждый отвечает с лукавой улыбкой, таинственной в меру своего тщеславия, намекая на изрядное количество любовных походов. Как бы ни страдало мое самолюбие, я скромно признаюсь, что лишен возможности совершить подобную нескромность, и сколь это ни прискорбно, мой рассказ не будет украшен романтической историей...» [Готье 2000, с. 199]. Тем не менее в итоге Готье все-таки вознаграждает своего читателя красочным описанием диковинных свадебных обычаев турок и их домашней жизни.

Таким образом, уже у более ранних европейских авторов была своеобразная конкуренция в использовании топоса разочарования, и текст Бакунина

отличается тем, что разочарование в нем оказывается особенно длительным. Не только побережье, но и сам порт и природа вдоль железной дороги, ведущей от порта к Старой Батавии, оказываются удручающими: «Поезд подвигается вперед с весьма умеренною быстротою, и вы из своего безопасного убежища можете довольно равнодушно смотреть по обе стороны на непрекращающуюся чащу леса и на болота с их ужасающим животным и иным содержимым. Этот растительный фейерверк пальм и бамбуков, бамбуков и снова пальм донельзя однообразен и утомителен. Притом все это неподвижно и мертво и производит грустное впечатление чего-то бесконечно великого и могучего, действующего на сознание подавляющим образом. Кажется, и конца нет этому тропическому кошмару» [Бакунин 2007, с. 20]. Вопреки ставшим расхожими в XIX в. определениям кантовской эстетики даже великие и ужасающе могучие образы природы тут лишь подавляют сознание, воспринимаются равнодушно. «И это не есть игра расстроенного воображения – Ява действительно классическая родина разных ужасов в самых разнообразных формах и видах...», – добавляет Бакунин [Бакунин 2007, с. 21]. Опасность тропических лесов, их болезнетворность, описывается и у других путешественников, но у Г. Стэнли или С. де Бразза этим подчеркивается героизм тех, кто решится войти в глубь лесов, Бакунин же просто продолжает свой унылый путь на поезде. Вид лесов не оживляют даже экзотические животные: «Вы ожидаете, что поезд, того и гляди, переедет и задавит перебегающего через полотно дороги тигра или наскочит на мирно дремлющего грузного крокодила. Вы вправе ожидать этого, вам в Европе торжественно обещали подобный интересный инцидент. И вдруг ничего» [Бакунин 2007, с. 21]. Чуть дальше Бакунин как будто открывает, наконец, иную, не банальную сторону Явы: «Да, но банальность эта <...> только кажущаяся. Вы все же на Яве, в гнилых тропиках, в этом нет возможности сомневаться: сквозь отворенное окно в вагоне вас донимает запах или скорее сочетание запахов, которые неизменно и немилосердно будет вас преследовать за все время вашего здесь пребывания: в воздухе пахнет мокрою землею, сыростью и гнилью» [Бакунин 2007, с. 21]. Таким образом, обратной стороной банальности оказывается не нечто яркое и живое, а «гнилые тропики», запах разложения, которым пропитано все, даже воздух в городских домах. Тем не менее это еще не конец пути, и читатель вместе с автором ждет, когда поезд прибудет в Старую Батавию. Она тоже, однако, оказывается весьма удручающей: «Маленький и жалкий деревянный вокзал, какие-то длинные и низкие одноэтажные домики, в которых помещались торговые конторы, склады, дешевые рестораны, огромные пустынные немощенные площади с такими же непривлекательными покосившимися на сторону домами, – и всюду грязь и лужи непролазные» [Бакунин 2007, с. 22]. Спутник Бакунина поясняет ему, что в этой части города голландцы только занимаются делами, а живут в другой, более новой и здоровой

части, где действительно встречаются опрятные дома. Но то, что автор принимает за предместья, оказывается самой Новой Батавией, центр которой образует «бесконечно квадратная голая и унылая площадь Koningsplein в 4 кв. километра в окружности. Это даже, строго говоря, не площадь, а пустопорожнее место, покрытое жидкой травой и превращающееся в дождливый сезон в непроходимое топкое болото» [Бакунин 2007, с. 25]. Чуть ниже пустующую большую часть дня Королевскую площадь Бакунин сравнивает с «обширным кладбищем» [там же].

Таким образом, не только на побережье, но и в лесу, и в Старой Батавии, и в самом центре новой ее части путешественник находит лишь пустоту. В отличие от более ранних авторов, Бакунин ведет читателя от одного разочарования к другому, не предлагая ничего, что могло бы компенсировать депрессивность описаний природы и образа жизни людей в Нидерландской Индии. Возможно, это объясняется обстоятельствами путешествия Бакунина – тем, что поездка в Батавию была для него отнюдь не желанной. Примечательно, однако, что Бакунин в описании яванской природы использует литературные реминисценции. Унылая однообразность окружающего сравнивается у него с «бесконечно варьирующимся, но в сущности все тем же» [Бакунин 2007, с. 20] лейтмотивом в «Проступке аббата Муре» Э. Золя. В этом романе, как и в случае с другими членами семьи Муре, речь идет о болезни, депрессии и самоубийстве. (Золя в романах о Ругон-Маккарах вообще интересовала проблема наследственности и вырождения.) Как отмечает Р. Николози [Николози 2019, с. 10], с 20-томной семейной эпопеи Золя берет начало традиция «романа о вырождении», первым опытом российской рецепции которого были уже «Господа Головлевы» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Бакунин был знаком и с более новой литературой о дегенерации. Так, он читал вышедший незадолго до его отъезда в Батавию труд М. Нордау «Вырождение» (1892–1893) [Бакунин 2007, с. 49; Нордау 1995]. Все больший упадок физического и психического здоровья европейцев Нордау связывал в первую очередь с индустриализацией: возрастающая интенсивность промышленного труда не компенсируется увеличением возможностей для отдыха людей, в итоге из поколения в поколение их психическое здоровье ухудшается. По мнению Нордау, именно поэтому люди уже неспособны выносить сложность современной жизни и увлекаются разными нездоровыми идеями, вроде призывов к непосредственности действия Ф. Ницше или к радикальному опрошению у Л.Н. Толстого. Утрачивается и способность воспринимать естественно прекрасное, на смену чему приходит склонность к противоестественному в моде, искусстве, устройстве жилищ и пр. Книга Нордау была почти сразу переведена на русский язык и читалась с не меньшим интересом, чем в Европе, но при ограниченности индустриализации в России ее основная

концепция оказывалась здесь не вполне применимой и подвергалась различным модификациям. Так отмечалось, что отмена крепостного права привела к смешению разных по степени развития групп населения, к растворению более развитых среди менее развитых, и тем самым – к общей деградации [Николози 2019, с. 212–270].

Такого рода критика последствий отмены крепостного права заимствовала многие аргументы из колониальных дискуссий об опасности или, наоборот, благотворности расовых смешений. Так, один из теоретиков русского областничества Н.М. Ядринцев в книге «Сибирь как колония» отстаивал благотворность расовых смешений, так как тем самым русские помогают отсталым народам подняться на более высокий уровень физического и культурного развития [Ядринцев 1882, с. 11–49]. Как отмечает Стоулер [Stoler 2002], в Нидерландской Индии, как и в других европейских колониях, к концу XIX в. преобладающими стали представления об опасности нарушения расовых границ. Долгое время Голландская Ост-Индская компания предпочитала нанимать для работы холостых мужчин, поскольку их содержание обходилось дешевле. В колониях эти мужчины обзаводились сожительницами из местных женщин, в чем долгое время не видели никакой проблемы, напротив, считалось, что туземные женщины способствуют освоению служащими компании местного языка и образа жизни. Не в последнюю очередь такие сожительства рассматривались как средство против распространения мужеложества, а также против венерических болезней, возникавших из-за связей с проститутками и вредивших работоспособности сотрудников компании. Однако к концу XIX в. такие сожительства все больше подвергались критике, для которой был целый ряд оснований. Одной из важнейших проблем, как отмечает Стоулер, была судьба оставленных после отъезда в Европу сожительниц и особенно детей от смешанных браков. Так как эти дети были пусть отчасти, но белыми, их социальная деградация угрожала престижу белой расы. Специально создававшиеся приюты были неспособны справиться со все возрастающим количеством таких детей. Соответственно оказывалось необходимым начать бороться с сожительствами и поощрять браки сотрудников компании с белыми женщинами, для чего постепенно снимаются ограничения на их приезд в колонии. Не менее важными, однако, были соображения, связанные с теорией дегенерации: тропический климат, усвоение местного образа жизни и языка ведут к тому, что мужчины-европейцы в колониях деградируют до уровня местных жителей. Привязанность к местным женщинам лишь способствует этому. Такого рода соображения способствовали, по мнению Стоулер, утверждению в Нидерландской Индии на рубеже XIX–XX вв. более жесткой расовой сегрегации. Брак с белой женщиной требовал соответствующего буржуазного устройства дома, что было более затратно, но одновременно в большей мере, чем раньше,

способствовало поддержанию престижа белого человека. Европейцы со своими семьями стали не только селиться отдельно от туземцев в обособленных кварталах; одновременно вводятся ограничения на доступ местных жителей в эти кварталы и жестокие наказания за нарушение таких правил. Обосновывались они не в последнюю очередь необходимостью защиты белых женщин от сексуальных посягательств со стороны цветных мужчин, якобы не вполне способных контролировать свои желания. Наказания, как отмечает Стоулер, вводились независимо от того, были ли реальные случаи изнасилований, что указывает на воображаемый характер угрозы, имевшей, однако, реальные последствия, а именно, ухудшение отношений европейцев с местным населением, в отношении которого вводились все новые репрессивные меры. Тем самым политика, направленная на стабилизацию колониального порядка, одновременно способствовала его подрыву. Кроме того, колониальное общество требовало от белых женщин вести себя соответственно представлениям о престиже белого человека, и вследствие этого в колониях стали искусственно культивировать крайне консервативные формы семейной жизни, что оказывало в дальнейшем влияние и на общество метрополии. Схожие тенденции были характерны и для других европейских колоний [Мирзеханов 2014, с. 43–44].

Можно ли найти признаки этих начинающихся изменений в записках Бакунина, написанных как раз в середине – второй половине 1890-х годов? Как мы видели, в его описаниях природы сразу по прибытии, Нидерландская Индия предстает как край депрессивный, гниющий и разлагающийся, и в тех же тонах выдержаны описания городской топографии, центром которой оказывается огромная и кладбищенски пустынная Королевская площадь. Примечательно, что с самого начала Бакунин противопоставляет себя местным голландцам, которые привыкли к грязи, неопрятности, вездесущему запаху гнили, и потому как бы утратили свое качество европейских людей: «Я смотрел по сторонам и дивился: куда же девалась образцовая голландская опрятность; неужели голландцы, столь щепетильные и аккуратные, освоились с этими непривлекательными условиями, с этою мизерной, почти постыдной обстановкой и не предпринимают ничего, чтобы хоть несколько очистить эти авгиевы конюшни?» [Бакунин 2007, с. 23]. На протяжении всего своего пребывания на Яве Бакунин будет стремиться избежать такой деградации, пытаться утверждать им собственное культурное превосходство. В частности, это проявляется в специфическом восприятии им телесных практик жителей Батавии. Описывая способы передвижения по городу, Бакунин отмечает одну комическую, на его взгляд, особенность: кучер или человек на запятках местных экипажей могут быть одеты в пышные ливреи и иметь на головах цилиндры, но обязательно будут босиком. Этот странный обычай Бакунин объясняет тем, что «отсутствие обуви у туземцев возведено голландцами чуть ли не

в административно-правительственный принцип, не лишенный глубокого политического смысла: голландцы и метисы, белые вообще, да, пожалуй, еще китайцы, считающие себя высшею после белых расою, одни имеют право и преимущество носить обувь. Обувь – это привилегия белого человека, это отличительный внешний признак, по которому узнают, что обутый субъект принадлежит к благородному сословию господ победителей» [Бакунин 2007, с. 29]. Бакунин выстраивает свое повествование, сначала представляя читателю странный комический обычай, а потом давая его объяснение, и такого рода выстраивание интриги через отстранение довольно типично для ориенталистской литературы. Однако в описании Бакунина есть одна особенность, он добавляет: «На меня вообще неприятно и даже отталкивающим образом действует вид необутой ног; и я к этой босой команде на Яве никогда, кажется, не в состоянии буду привыкнуть» [Бакунин 2007, с. 29]. Знак победы голландцев и их расового превосходства оборачивается тут знаком их поражения и деградации. Они опустились до того, что воспринимают босоноготь туземцев как нормальное явление, с чем российский консул не может смириться, и дело тут, конечно, не в индивидуальном отвращении к босым ногам, а в том, что Бакунин (а вместе с ним, как подразумевается, и российские читатели) выступает носителем европейских представлений о приличиях, которые здесь, на Яве, оказались утрачены. Местные голландцы не только смирились с грязью и запахами, но и утратили здоровое отвращение по отношению к тем частям тела, которые следует скрывать.

Подобно тому как Нордау видел признаки вырождения в утрате здорового чувства несоответствия между инородными частями целого, так и Бакунин отмечает далее, комментируя облик прислуги генерал-губернатора: «Точь-в-точь какой-нибудь господин в халате на босу ногу, но с эффектным и непременно экзотичным орденом на шее» [Бакунин 2007, с. 29]. Подобным образом дикими несоответствиями отличается и манера питания индо-голландцев: «Достаточно, например, указать на следующую, уму непостижимую, комбинацию: сосиски с жареными ананасами, соус к ним сладкий с корицею, а в виде добавления подаются красная шинкованная капуста и картофель» [Бакунин 2007, с. 47].

Сразу после рассказа о босоногости туземцев Бакунин переходит к, казалось бы, совсем иного рода теме языковой политики: голландцы запрещают туземцам не только носить обувь, но и учить голландский язык, и этим здешняя колониальная политика принципиально отличается от британской. Британцы «считают, что говорить с туземцем на его родном языке – это делать ему, рабу презренному, слишком большую честь. У них прислуга и вообще туземцы изучают язык своих повелителей и говорят со своими господами по-английски» [Бакунин 2007, с. 29]. Бакунин поначалу отмечает, что у обоих подходов, голландского и английского, есть свои преимущества, но затем

указывает на главное различие, делающее для него голландскую модель в итоге совершенно неприемлемой: британцы не допускают расовых смешений, и любой европеец, женившийся на туземной женщине, немедленно бойкотируется своими соотечественниками; голландцы же, цепляясь за второстепенные отличия, вроде обуви и языка, не только сожительствуют с местными женщинами, но и берут их в законные жены. Лица смешанного происхождения достигают высоких позиций в армии и на гражданской службе, а их жены «цвета шоколадного пряника, с выдающимися скулами» [Бакунин 2007, с. 30] принимаются в обществе. «В результате получается полное *encanaillement*, голландцы нисходят со своего искусственно возведенного пьедестала культурности и величия и при этом удивляются, что прислуга, например, до крайности распушена, никакого уважения к господам не имеет и проч.» [Бакунин 2007, с. 30]. Здесь в тексте Бакунина мы встречаем ровно те темы, о которых писала Стоулер: обсуждаются ведущие к деградации межрасовые сожительства и браки, а также распушенность имеющих доступ в дома белых людей цветных слуг, недостаточно серьезно воспринимающих расовые границы.

Таким образом, от голых ног Бакунин довольно быстро приводит читателей к обсуждению общих вопросов колониальной политики и мер по предотвращению вырождения белых. При этом русский наблюдатель, отстраненно разглядывающий общество Батавии, оказывается хранителем подлинных европейских ценностей, способным оценить всю степень падения голландцев. Европейскость Бакунина проявляется физиологически, в непреодолимом отвращении при виде голых ног; эстетически, в неприятии женщин с выступающими скулами в приличном обществе; и морально, в осуждении «*encanaillement*» – превращения голландцев в «каналей». Можно сказать, что Бакунин здесь использует аргументы, которые, как показала Стоулер, на рубеже XIX–XX вв. стали использоваться в дискуссиях о колониальной политике самими голландцами, но если у Стоулер речь идет всегда о противопоставлении двух сторон, белых и цветных, то Бакунин выделяет принципиальные для него градации европейскости, так что мир местных голландцев оказывается для него чуждым: «Точек соприкосновения между нами нет, и мы друг друга не понимаем» [Бакунин 2007, с. 38].

Упадок нравов голландцев проявляется не только в облике их слуг, но и в их собственной манере одеваться: «Меня <...> на первых же порах поразили общие распушенность и халатность, присущие здесь в одинаковой степени как мужчинам, так равно и дамам даже на улице. Я не знаю ничего безобразнее и неприличнее общепринятого здесь европейцами домашнего костюма: мужчины носят на босу ногу широчайшие яванские панталоны из бумажной ткани с яркого цвета полосами и разводами; поверх этого надевается женская кофта (кабайя) из белого коленкора и – больше ничего. Дамы еще сильнее

поражают элементарностью своего наряда. <...> Я нахожу подобную tenue (манеру) верхом безобразия и безвкусия, не говоря уже о том, что эти голые ноги и икры, свободно выставляемые напоказ, просто неприличны» [Бакунин 2007, с. 32]. Здесь еще более остро, чем в случае с голыми ногами слуг, ставится проблема утраты в колониях цивилизованных представлений о приличиях. Ставшие обычными непристойности портят даже тех, кто должны быть воплощением чистоты: «Особенно странно и дико видеть девочек, часто 13 и 14 лет, вполне уже улегшихся в окончательную и притом грузную форму голландской меффрау. Удивляешься и руками разводишь, когда эти, почти уже взрослые, подростки, не стеснясь бегают у себя в саду или даже выходят на улицу босиком, в какой-то кратчайшей не то блузе, не то рубашонке поверх панталон. Часто эта последняя принадлежность туалета отсутствует вовсе, вместе с чулками» [Бакунин 2007, с. 32].

Чрезмерная раздетость, по мнению Бакунина, плоха также тем, что представляет на всеобщее обозрение некрасивые тела голландских девушек с их «массивными пропорциями», которые в тропическом климате развиваются особенно сильно. Всеми видимые телесные уродства дополняют таким образом уродства в одежде, что способствует еще большей утрате цивилизованного вкуса. Особенное возмущение вызывает склонность голландских женщин носить легкие туземные саронги: «Тяжеловесные же голландские матроны... производят в подобном снаряжении просто отталкивающее впечатление» [Бакунин 2007, с. 32]. «И хорошо бы, если б дамы таким образом раздевались у себя дома. А то нет, они с босыми ногами, в кофте и саронге являются в отелях к завтраку, посещают магазины, делают в экипажах утренние визиты...» [Бакунин 2007, с. 32]. Таким образом, моральной распушенности соответствует телесная, при этом то что русскому наблюдателю, воплощающему собой европейские стандарты цивилизованности, кажется диким, для местных голландцев с самого детства оказывается обычным. Бакуниным здесь снова проводится мысль о том, что одной из причин столь прискорбной ситуации оказывается открытость местной культуре, заимствование туземных элементов одежды и образа жизни.

Утрата представлений о приличиях проявляется и во многих других аспектах поведения, в частности в том, что голландцы не отдают визитов или нарушают все приемлемые сроки для этого [Бакунин 2007, с. 33]. Такое поведение Бакунин связывает с общей склонностью голландцев к неподвижности. В отличие от англичан, играющих в самом знойном климате в любое время суток в подвижные игры [Бакунин 2007, с. 41], голландцы предпочитают как можно больше лежать в креслах, вытянув голые ноги: «Лежат они по целым часам в созерцательном безмолвии, задравши босые ноги на длинные выдвижные ручки сидения и покуривая сигару, которую не выпускают изо рта» [Бакунин 2007, с. 31]. Лежа в креслах, «голландцы проводят, среди тупого

созерцания своих необутых ног, три четверти своего существования» [Бакунин 2007, с. 44]. Бакунин здесь снова в большей степени симпатизирует активным англичанам, к которым русский наблюдатель оказывается ближе по своему характеру: ему, как и им, непонятна голландская склонность к безделью. Впрочем, в другом случае как раз англичанин оказывается примером дегенерации, заслуживающим внимания Нордау [Бакунин 2007, с. 49].

Бакунин стремится представить свои оценки колониальной повседневности не как особенные и субъективные, а как такие, которые разделит бы с ним любой настоящий европеец, поэтому он то и дело выступает от лица вообще «иностранцев» или настоящих консулов европейских стран, противопоставляя их исполняющим консульские обязанности местным голландцам. Бакунин претендует также и на то, чтобы говорить от имени русских людей, и в этой связи примечательны постоянные отсылки к общему жизненному опыту петербургских жителей. Так, когда речь заходит о местной еде, Бакунин пишет: «С бананами читатель, полагаю, знаком, а если нет, он может приобрести несколько экземпляров у Елисеева, по 15–20 копеек за штуку, и петербургские бананы окажутся не хуже индо-голландских» [Бакунин 2007, с. 48]. В других местах текста барки на ведущих в гавань каналах сравниваются с теми, что можно видеть на Фонтанке, лучшая гостиница Батавии сопоставляется с петербургским Гостиным двором и т.п. Б. Андерсон писал [Андерсон 2001, с. 49–55] о таких обращениях к общему опыту читателей, к особенностям городской топографии и повседневной жизни как о конструировании в литературе коллективного «мы», выступающего основанием националистических идеологий. При этом, отмечал Андерсон, топография столицы может выступать образом национального пространства вообще. Можно сказать, что Бакунин не только пытается создать оригинальный текст, своеобразно перерабатывает в нем общие места более ранней ориенталистской литературы, но и стремится говорить от имени коллективного «мы», как если бы вся петербургская, а вместе с ней и вся русская (приличная), публика точно так же наблюдала бы за жизнью голландцев, то и дело разводя руками и испытывая омерзение. Если в исследованиях Стоулер речь шла о культивировании в колониях консервативных норм сексуальности, которые потом переносятся в метрополию, то в тексте Бакунина можно увидеть гораздо более широко понимаемую европейскую идентичность, которая предлагается русскому читателю на основании колониального опыта, включающего в себя и устройство городов, и манеру одеваться, и привычки в еде, и увеселения, и мн. др.

При всем своеобразии «Тропической Голландии» эта книга не уникальна, близко по времени выходят и другие сочинения, посвященные как Нидерландской Индии, так и другим европейским колониям, сочиненные российскими авторами и переводные, в которых прямо или подспудно говорится об

уроках колониальной жизни для культуры европейских стран. Таким образом, не только собственный колониальный опыт на Кавказе, в Сибири или Средней Азии был важен для формирования имперских культурных идентичностей в России; имело значение также соизмерение себя с опытом других народов, даже в таких отдаленных местах, как Нидерландская Индия. У Стоулер рассматривалось главным образом влияние индо-голландской культуры на культуру Нидерландов, но, как можно увидеть, это влияние проявлялось и в других странах, в частности в России, где осмысливалось исходя из имеющих давнюю историю сложностей в соотношении собственной культуры с европейской. Скептически настроенный читатель может усомниться, будут ли петербургские бананы, даже купленные у Елисеева, непременно вкуснее тропических индо-голландских, но, как бы то ни было, текст Бакунина выстраивает идеализированные противопоставления своего и чужого, так что в нем «сочиняется» не только колониальный мир, но также и европейский с русским. В этом плане можно согласиться с канадскими антропологами Джоном и Джин Комарофф [Comaroff, Comaroff 1997, с. 274–286], писавшими о том, что не было готовых моделей европейской культуры, переносившихся в колонии; эти идеализированные модели изобретались в ходе самого процесса колонизации и оказывали затем обратное воздействие на жизнь метрополий в виде призывов к распространению цивилизации на рабочих окраинах и т.п., следует подчеркнуть, что хотя довольно трудно судить о реальном воздействии книги Бакунина на умы его российских современников, логика «колониального бумеранга» вписана в структуру его повествования.

Библиография

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
- Бакунин М.М. Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява. М.: Минувшее, 2007. 429 с.
- Готье Т. Путешествие на Восток. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 342 с.
- Джераси Р. Окно на Восток: Империя, нация и религия в России. М.: НЛО, 2013. 546 с.
- Мирзеханов В.С. Европейцы в колониях: стиль жизни и особенности менталитета // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18 (140). С. 38–53.
- Нерваль Ж. де. Путешествие на Восток. М.: Наука, 1986. 445 с.
- Николози Р. Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX в. М.: НЛО, 2019. 512 с.
- Нордау М. Вырождение // Нордау М. Вырождение. Современные французы. М.: Республика, 1995. С. 21–328.
- Савицкий Е.Е. Демоны в зоопарке. Современное искусство и колонизация Севера в России 1890-х гг. // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 260–284.
- Саид Э. Ориентализм. М.: Русский мир, 2006. 639 с.

Шевеленко И. Модернизм как архаизм. Национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: НЛЮ, 2017. 334 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: НЛЮ, 2013. 443 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. XI. 470 с.

Comaroff J.L., Comaroff J. Of revelation and revolution. Vol. 2. The dialectics of modernity on a South African Frontier. Chicago: Univ. of Chicago press, 1997. XXIV. 588 p.

Stoler A.L. Along the archival grain. Epistemic anxieties and colonial common sense. Princeton: Princeton univ. press, 2009. 314 p.

Stoler A.L. Carnal knowledge and imperial power: Race and intimate in colonial rule. Los Angeles: Univ. of California press, 2002. 328 p.

Stoler A.L. Race and education of desire: Foucault's History of Sexuality and the Colonial Order of Things. Ithaca: Duke univ. press, 1995. 254 p.

References

Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. Leningrad: Verso, 1983. 160 p. (In Russ.)

Bakunin M.M. Tropical Holland. Five years on the island of Java. Moscow: The past, 2007. 429 p. (In Russ.)

Comaroff J.L., Comaroff J. Of revelation and revolution. Vol. 2. The dialectics of modernity on a South African Frontier. Chicago: Univ. of Chicago press, 1997. XXIV, 588 p.

Etkind A. Internal colonization. Russia's imperial experience. N.Y.: Polity press, 2011. 264 p. (In Russ.)

Gautier T. Constantinople. Paris: Charpentier, 1891. 364 p.

Geraci R.P. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell univ. press, 2001. 389 p.

Mirzekhanov V.S. Europeans in the colonies: lifestyle and mentality peculiarities. Vestnik of RSUH. Series: Political science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental Studies. 2014. No. 18 (140). P. 38–53. (In Russ.)

Nerval G. de. Voyage en Orient. Vol. 1. Paris: Charpentier, 1851. 254 p.

Nikolosi R. Degeneration erzählen. Literatur und Psychiatrie im Russland der 1880 er und 1890 er Jahre. Paderborn: W. Fink, 2017. 410 S.

Nordau M. Entartung. 3. Aufl. Bd. 1. Berlin: Karl Duncker, 1896. 442 S.

Said E. Orientalism. Moscow: Russian World, 2006. 639 p. (In Russ.)

Savitsky E.E. Demons in the Zoo. Contemporary Art and Colonization of the North in Russia in the 1890 s. New Literary Review. 2017. No. 2 (144). P. 260–284. (In Russ.)

Shevelenko I. Modernism as archaism. Nationalism and the search for modernist aesthetics in Russia. Moscow: UFO, 2017. 334 p. (In Russ.)

Stoler A.L. Along the archival grain. Epistemic anxieties and colonial common sense. Princeton: Princeton univ. press, 2009. 314 p.

Stoler A.L. Carnal knowledge and imperial power: Race and intimate in colonial rule. Los Angeles: Univ. of California press, 2002. 328 p.

Stoler A.L. Race and education of desire: Foucault's History of Sexuality and the Colonial Order of Things. Ithaca: Duke univ. press, 1995. 254 p.

Yadrintsev N.M. Siberia as a Colony. St. Petersburg: Printing House of M.M. Stasulevich, 1882. XI. 470 p. (In Russ.)

Л.М. Лысенко

**«ЗАПИСЬ» В ПАРТИЮ: ПРЕВРАЩЕНИЕ РСДРП (б)
ИЗ КОНСПИРАТИВНОЙ В МАССОВУЮ**

***Аннотация.** Статья представляет собой попытку еще раз осмыслить ход и значение Великой революции в России 1917 г. Автор заостряет внимание на непреходящей актуальности исследования деятельности партии большевиков, превратившейся на протяжении восьми революционных месяцев 1917 г. в решающую политическую силу в России.*

Внимание автора сосредоточено на стремительном росте численности, силы и популярности партии большевиков. В статье прослеживается мысль, что этот рост явился не случайным фактором, отражающим радикализацию масс, но – результатом целенаправленной деятельности партии большевиков, в частности – организационной деятельности.

Анализируется редкое, даже уникальное явление в организационной практике большевиков – упрощение процедуры приема в члены партии, запись. Отталкиваясь от взглядов современных исследователей, автор возрождает внимание к наработкам историков советской поры, в частности широко привлечены документы, подготовленные и изданные в связи с юбилеями Октябрьской революции 1917 г. в советскую эпоху, разумеется, с учетом известной «погрешности».

В статье представлены систематизированные сведения о более чем 100 партийных организациях различных типов (с указанием – большевистская была на тот момент организация или объединенная), в которых на отдельных или на нескольких этапах 1917 г. осуществлялась запись. На базе проведенного анализа автор приходит к заключению, что степень «строгости» или «упрощенности» форм приема в организациях большевиков в 1917 г. была отражением не только, а может быть, даже не столько эволюции чисто организационных принципов построения политической партии, сколько реализацией принципов иного свойства, а именно – пролетарской природы данной политической организации.

***Ключевые слова:** революция 1917 г.; РСДРП (б); большевики; численность; запись.*

Лысенко Любовь Михайловна – доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета (МГПУ), Института гуманитарных наук, кафедры Всеобщей и российской истории. Email: LMLysenko@yandex.ru

L.M. Lysenko. «Joining» the Party: The Transformation of the RSDWP (b) from a Clandestine Organization into a Mass Political Party

***Abstract.** The article attempts to revisit the course and importance of the Great October Revolution in Russia of 1917. The author stresses the continued relevance and rationale for the research of the Bolshevik's party activity, which within a period of eight revolutionary months evolved into the main political power in Russia. Drawing attention to the rapid growth in the Bolshevik party membership as well as its popularity at all levels of society, the paper argues that this process was not spontaneous, stemming from radicalization of the masses, but resulted from the purposeful efforts of the Bolshevik party, in particular its organizational activities.*

Analyzed is a unique feature in the organizational practices of the Bolsheviks, i.e. the simplified procedure of acceptance into party membership. Drawing on the views of contemporary researchers, the author seeks to revive interest in the works of Soviet historians, addressing, inter alia, the documents and papers published in the Soviet times in commemoration of the anniversaries of the Great October Revolution of 1917 (admitting the well-known «errors», of course).

The article presents collated data on over a hundred party organizations of various types (with an indication whether it was, at those times, a Bolshevik or a united one), which one could join during 1917. The analysis undertaken in the paper, concludes the author, clearly points to a conclusion that the degree of either «strictness» or «simplification» of the ways by which political activists joined the Bolshevik party in 1917 was not the result of the changes in the organizational doctrine of the party itself, but rather stemmed from its proletarian character.

Keywords: Revolution of 1917; RSDWP (b); Bolshevik; structure; enrolment.

**Lysenko Lubov Mikhailovna – Doctor of History,
Professor, Moscow City Pedagogical University, Institute
of Humanitarian Sciences, General and Russian History Chair.
Email: LMLysenko@yandex.ru**

Судьбоносным событием в отечественной истории и одним из важнейших событий XX в. в мировой истории стала Великая Российская революция 1917 г. Научная общественность России широко отмечала 100-летие революции. Вышли десятки сборников материалов научных международных и общероссийских конференций, посвященных революции. Но приходится согласиться с точкой зрения, что состояние отечественной историографии, посвященной революции 1917 г., – событиям и февраля, и октября, и всего революционного периода, и последующей Гражданской войны вряд ли вызывает удовлетворение, поскольку в научном сообществе не сложилась единая концепция этого судьбоносного явления [Булдаков 2017: с. 36; Революции 2017: с. 762].

Весьма широк круг проблем, к которым в связи с революцией 1917 г. в России обратились участники конференций [Аннин 2017; Булдаков 2017; Великая российская 1917; Революции 2017; Столетие 2018]. Однако поразительно мало внимания (около 1% специальных выступлений) было уделено той политической силе, которая стала главной и в революции 1917 г., и в нашей последующей истории, – партии большевиков и ее лидеру, В.И. Ленину. Вряд ли мы приблизимся к пониманию того, что же с нами произошло в 1917 г., без пристального, беспристрастного, научного анализа деятельности РСДРП (б).

В настоящей статье мы обратились к проблеме стремительного роста силы и влияния РСДРП (б) в стране на протяжении революционного 1917 г., а вместе с тем роста и самой партии большевиков в период от Февральской революции (падение монархии) до Октябрьской революции (утверждение власти большевиков). Партия выросла за это время почти в 40 раз. Трудно привести более точное количественное выражение. Вопрос о численности партии большевиков ко времени Февральской революции остается в настоящее время открытым, несмотря на наличие утвердившейся в советской исторической литературе цифры – 24 тыс. человек. Эта цифра явно завышена. Этот вопрос требует специального исследования, и оно ведется нами, но в данном случае хотелось бы обратиться к одному из средств, которые большевики использовали для расширения состава своей партии, для реализации новой ленинской стратегии превращения партии из конспиративной, профессиональной в массовую. Речь идет о записи в партию – практике, совершенно несвойственной большевикам ни в какие другие периоды, кроме революции.

Сразу же после победы Февральской революции со страниц большевистской печати прозвучали призывы вступать в партию. Главный рупор (Центральный Орган) РСДРП (б) газета «Правда» писала 5 марта 1917 г.: «Долг и обязанность каждого сознательного рабочего встать под знамя социал-демократической рабочей партии». Газета Московского областного бюро (МОБ) «Социал-демократ» полностью поддержала призыв «Правды». «Первой мыслью, первым словом сознательного пролетария, – писала газета “8 Марта”, – должен быть зов в партию». Все без исключения большевистские газеты в 1917 г. призвали пополнить ряды РСДРП (б), причем в подавляющем большинстве случаев эти призывы были обращены к рабочим.

В первые же дни после Февральской революции десятки тысяч рабочих изъявили желание вступить в ряды партии большевиков. Местные комитеты партии с марта 1917 г. открыли запись в члены РСДРП (б).

Запись – сложное, многоплановое, противоречивое явление революции 1917 г. Попытки в советской историко-партийной литературе [Великая Октябрьская 1987: с. 188; Минц 1967, с. 10, 11; Обичкин 1976: с. 114; Терехов 1960: с. 46] дать однозначную оценку такого явления, как «запись», приводили

к ряду затруднений и неточных формулировок. Просматривается желание как-то «оправдать» РСДРП (б) за столь «беспринципные» действия, поскольку известно, что в принципе большевики отличались жесткими требованиями при приеме в партию новых членов. Так, высказывались точки зрения, что запись существовала только в момент выхода большевистской партии из подполья; что запись сопровождалась строгим отбором вступающих; что она представляла собой регистрацию товарищей, имевших ранее связь с партией.

И действительно, как будет показано ниже, все это существовало в жизни партии большевиков в исследуемый период. Однако подобные трактовки ограничивают и значительно упрощают явление записи, не позволяют понять его настоящую роль в создании массовой большевистской партии в 1917 г.

В советское время была проведена огромная работа по подготовке и изданию широкого корпуса документов о революции 1917 г. Разумеется, подход был односторонним и необъективным, но документы – свидетельства эпохи. В ходе проведенного исследования опубликованных и архивных документов удалось выявить более 100 партийных организаций, в которых на различных этапах 1917 г. осуществлялась запись. Сведения об этих организациях приведены ниже в таблице.

Таблица

**ФОРМЫ ПРИЕМА В БОЛЬШЕВИСТСКИХ
И ОБЪЕДИНЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РСДРП В 1917 г.**

Организация	Большевист- ская (б) или объеди- ненная (об)	Дата. Запись		Примечания
		Без рекомен- дации	По реко- мендации	
1	2	3	4	5
Северные губернии				
Петроград	б	март	апрель	
Петроградский РК	б		апрель	
II Городской РК	б		апрель	
Монетного двора	б	запись		
Санпомощь (поселок)		2 июля		
Архангельск	об до июня	апрель		
ЦПР				
Москва	б	март	апрель-май	
Лефортовский РК	об до марта	май		
Замоскворецкий РК	б	март		
Басманный РК	б	март		
Пресненский РК	б	март		
Хамовнический РК	об до марта	март		
Московская губерния				
Орехово-Зуево	б	май	июль	
Богородско-Глуховский РК	б	запись		

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

1	2	3	4	5
Александровская ж/д	б	март		
Тушино-Гучковский РК		июль	июль	массовая запись по рекомендациям
Щелковский подрайон	б		по рекомендации	запись на собрании
Подольск	об до марта		май	запись на собрании
Коломенский РК	б		июль	
Владимирская губерния				
Иваново-Вознесенск	б	март	июнь	
Гусь-Хрустальный	б		июнь	
Ковров	б		июнь	
Кинешма	об до июня		июнь	
Кохма	б		июнь	
Шуя	б			
Воронежская губерния				
Воронеж	об до мая		март	
Нижегородская губерния				
Нижний Новгород	об до мая	апрель		прием на заводах
Канавинно	об до мая		апрель	прием через ячейки и комитеты
Сормово	мая	март		запись на собрании
Завод Деброва и Набголец	б	июль		
Орловская губерния				
Орел	б	май-июнь		
Костровка село	б			запись на собрании
Костромская губерния				
Кострома	об до августа	апрель		формировали рост
Городкой РК	об	апрель		
Завод Подшивалова	б	апрель		
Рязанская губерния				
Рязань	об до октября	апрель		массовая запись, много неустойчивых
Егорьевск	об до июля	август		
Смоленская губерния				
Рославль	об до июля		июль	
Юхновская	б		октябрь	
Тамбовская губерния				
Тамбовская губерния	об до августа	апрель-октябрь		
Тамбовский Пороховой завод				строгий прием
Козлов	об до сентября	март-апрель		
Кирсановская				воздерживались от записи
Липецк		июнь		
Тульская губерния				
Тула	об до мая	май	июль	

**«ЗАПИСЬ» В ПАРТИЮ:
ПРЕВРАЩЕНИЕ РСДРП (б) ИЗ КОНСПИРАТИВНОЙ В МАССОВУЮ**

1	2	3	4	5
Тверская губерния				
Тверь	б		апрель	
Кимры	б		апрель	
Ярославская губерния				
Ростов	об	март		
Романо-Борисоглебская	об до сентября	октябрь		
Любимская	б		июнь	
Урал				
Екатеринбург	б	март	июнь	
Пермь	об до мая	апрель		
Лысьва	об до мая	март		
Мотовилиха	об	март		
Нижний Тагил	об до июля	март-июль.		
Таватуйская	б	апрель		
Невьянская	б	апрель		
Алапаевская	б	март		
Нижне-Синячихинский завод	б	апрель		
Верхне-Синячихинский завод	б	апрель		
Егоршинские копи	б	апрель		
Верхне-Туринский завод	б	апрель		запись всех желающих
Нижне-Туринский завод	об до июня	апрель		
Надеждинская	об до мая	апрель		
Чусовский завод	об до мая	март		
Вознесенские рудники		апрель		простая запись
Пышминско-Ключевский рудник	б	апрель		
Нижне-Исетский завод	б	апрель		
Камышлов	б	апрель		
Каменский завод	б	апрель		запись после митинга
Завод Атиг	б	апрель		запись после митинга
Сысертский завод	б	апрель		запись после митинга
Артинский завод	б	апрель		запись после митинга
Уфа	об до сентября	апрель	март	с апреля отказались от рекомендаций, запись на собрании
Нязе-Петровский рудник	б	апрель	март	с апреля отказались от рекомендаций
Северский завод	об до июля	апрель		
Нижне-Сергиевский завод	б	апрель		запись после митинга
Кыштым	б	апрель		запись после митинга. Вступают исключительно рабочие-металлисты

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

1	2	3	4	5
Златоуст	об до июня			массовая запись не проводилась
Симский завод	б	апрель		запись по цехам
Миньярская	б	апрель		запись по цехам и через комитеты
Челябинск	об до июля			по рекомендации
Вятка	об до мая	июнь		
Ижевск	об до июня	июнь		записывались группами
Ново-Лялинский завод	об до августа		май	
Миасская	об до мая		май	рабочие – без рекомендаций, интеллигенция – по рекомендациям
Украина				
Киев	б		март	
Херсеон	об до сентября	сентябрь		
Николаев	об до августа	сентябрь	сентябрь	запись по рекомендациям на заводах
Кременчуг	об до октября	март–октябрь		
Чернигов	об до мая	апрель		
Севастополь	об до июля	март–сентябрь		
Екатеринослав	б	апрель	июнь	прием РК
Полтава	об до октября	октябрь		
Ясиноватая станция	б	сентябрь		строгие условия
Харьков	б	март	июнь	прием РК
Вечернекутская	б	запись		записывали только рабочих
Юзовка	б		август	
Одесса	б		сентябрь	
Северо-Запад				
Минск	об до июня	март		запись по рекомендациям
Бобруйск	об до августа	июль		
Замирьевск			август	запись по рекомендациям
Слуцкая	об до ноября	сентябрь		
Витебск	об до сентября		сентябрь	
Орша	об до сентября		август	принимало бюро
Поволжье				
Саратов	б	март		запись на предприятиях, на основе § 1 Устава
Симбирск	об до сентября	май–сентябрь		
Казань	б	апрель		запись на основе § 1 Устава
Астрахань	об до августа	июнь		

**«ЗАПИСЬ» В ПАРТИЮ:
ПРЕВРАЩЕНИЕ РСДРП (б) ИЗ КОНСПИРАТИВНОЙ В МАССОВУЮ**

1	2	3	4	5
<i>Сибирь</i>				
Красноярск	об до июня	апрель		порядок записи дает большое количество формальных членов
Иркутск	об до октября		по рекомендации	
Томск	об до сентября		март	
Судженские копи Михельсона	об до августа		июль	
<i>Кавказ</i>				
Баку	об до июня	март		
Балахинский РК			по рекомендации	прием в РК
Романинский РК		апрель		
Шемахинская		июль		
Тифлис	об до июня		март	5–10 рекомендаций
Ахалцих			по рекомендации	
Грозный	об до апреля	июль		запись рабочих
<i>Прибалтика</i>				
СДЛК	б		май	
Рига	б		март	кандидаты представляли рекомендации
Тарту	б		апрель	
Малиенская	б			регистрация в комитете и в РК
Яунгубенский район	б	июнь		
Леясциенне	б	июнь		
Кеппелевская	б	март		
Аресбургская	б	сентябрь		
<i>Средняя Азия</i>				
Ташкент	об до сентября	июнь		
<i>Военные организации (В.О.)</i>				
В.О. при ЦК РСДРП (б)	б		июнь	
В.О. Западного фронта	б		сентябрь	имелись случаи массовой записи в сентябре и октябре
В.О. г. Екатеринослава	б		июнь	

Таблица составлена по: [Борьба за великий Октябрь 1957; Борьба за власть 1957; Борьба за Советскую власть 1957; Журнал 1959; Коммунистическая партия Латвии 1963; Лисовский 1967; Переписка 1957; Подготовка 1957; Революционное движение 1957; Седьмая 1958; Установление 1957; Шестой съезд 1958].

Среди представленных в таблице мы видим партийные организации различных типов (партийные группы, заводские ячейки; городские, подрайонные и районные комитеты; военные организации), причем почти всех регионов

страны – Петроград и северные губернии, Москва и Центральный промышленный район, Урал, Украина, Северо-Запад, Поволжье, Сибирь, Кавказ, Прибалтика, Средняя Азия. Мы видим также, что хронологически запись существовала на протяжении всех восьми месяцев исследуемого периода. Все это дает основания говорить о широком распространении явления в партии большевиков в 1917 г.

В советской историко-партийной литературе только за упрощенной формой приема утвердилось определение «запись».

Документы же свидетельствуют, что в 1917 г. местные партийные организации обозначали этим словом разные формы приема. Так, неоднократно встречается термин «запись по рекомендациям» – в организациях Орехово-Зуева, Тушино-Гучковского РК, Киева, Чернигова, Орши, Тифлиса, Николаева и др.; «запись на собрании» – в Орле, Уфе и других организациях; просто «запись» – Егорьевск (Рязанской губ.), Козлов (Тамбовской губ.), ряд заводов Урала и др.

Анализ большевистских партийных документов показывает, что в РСДРП (б) понятие «запись» обозначало прием в члены организации, способ оформления членства в партии, причем на строго определенных условиях. В соответствии с различными этапами развития революции и конкретно-историческими условиями деятельности партийные организации в 1917 г. использовали две основные формы приема в партию: упрощенный прием (без рекомендаций и обсуждения кандидатуры на общем собрании организации) и прием по рекомендациям на общем собрании организации, что и отражено в приведенной таблице.

Наиболее широко запись была распространена в 1917 г. на Урале (35 организаций), в ЦПР (32 организации) и на фронте. В других регионах она применялась реже: на Украине – в 11, в Северо-Западном крае – в пяти, на Северном Кавказе и в Закавказье – в шести организациях. Слабо – в Поволжье и в Сибири, практически отсутствовала запись в Прибалтике.

Важно отметить, что кульминацией этого явления был апрель.

Общая тенденция состояла в том, что чем более пролетарской была социальная база организации, тем шире в ней применялся массовый прием, упрощенная форма (запись), и наоборот, – чем социальная база роста организации была менее однородной, менее пролетарской, тем строже были условия приема. Массовый прием в партию наиболее широко применялся в первые месяцы революции, а в это время мощнее всего шел рост партийных организаций РСДРП (б) пролетарских районов страны. В партийных организациях, проводивших запись членов, в апреле 1917 г. состояло около 50 тыс. членов, т.е. более половины численного состава партии на тот период (подсчитано по материалам мандатной комиссии Апрельской Всероссийской конференции РСДРП (б), на которой были представлены делегаты от почти 80 тыс. членов).

Упрощение процедуры приема в первые месяцы после выхода РСДРП (б) из подполья позволило большинству партийных организаций быстро расширить свои ряды почти чисто пролетарскими элементами.

Характерно то, что запись была явлением, возникшим и распространявшимся «снизу», как «местная» инициатива, хотя задача сделать партию в легальных условиях массовой была выдвинута В. Лениным.

Следует заметить, что после победы Февральской революции запись широко применялась не только большевиками, но и другими политическими партиями страны. Однако разные партии на практике по-разному применяли этот способ оформления членства. Большевистские призывы к записи имели вполне определенного адресата – рабочих, именно это отличало большевиков от других партий. И несмотря на то что совокупная численность членов всех социалистических партий не превышала 1% населения страны [Минц 1967, с. 119], большевики стали силой, которая взяла на себя лидерство среди радикально настроенных солдатских и рабочих масс [Шубин 2018, с. 104; Мандель 2015, с. 518].

Упрощенная процедура приема не была закреплена нормативно в уставных документах. Вероятно, это связано с тем, что такая процедура была вызвана исключительными обстоятельствами – резким увеличением количества желающих вступить в партийные ряды. По мере развития революции партийные организации отказывались от массовой записи, переходили к более сложной форме приема, что было закреплено нормативно в Уставе РСДРП (б).

Библиография

Аннин А.Г. Организационное становление социалистических партий в губерниях Центральной России после Февральской революции // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. СПб.: СПГУТД, 2017. С. 11–14.

Борьба за великий Октябрь на Николаевщине (Февраль 1917 г. – март 1918 г.): Сборник документов и материалов. Николаев: [б. и.], 1957. 303 с.

Борьба за власть Советов в Томской губернии. (1917–1919 гг.): Сборник документов и материалов: (К 40-летию Великой Октябрьской соц. революции) / Ред. коллегия: В.С. Флеров (глав. ред.) и др. Томск: [б. и.], 1957. 569 с.

Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг.: (Сборник документов и материалов) / Сост.: З.П. Ереснева, Е.М. Середа, М.Г. Чечуро. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 475 с.

Булдаков В.П. Революция 1917 г.: к смене исторической парадигмы // Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX века: Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 11–12 мая 2017 г.: сборник статей. Оренбург: Университет, 2017. С. 36–43.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 639 с.

Великая российская революция, 1917: 100 лет изучения: материалы Международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. 808 с.

Журнал местных партийных организаций // Исторический архив. 1959. № 5. С. 24–50.

Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917: Документы и материалы. (Март 1917 – февр. 1918 г.): [Пер. с латыш.]. Рига: Латгосиздат, 1963. 864 с.

Лисовский Н.К. 1917 год на Урале. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1967. 579 с.

Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 – июнь 1918) / Пер. с англ. Е.В. Лаврентьевой. М.: Новый Хронограф, 2015. 544 с.

Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. М.: Наука, 1967. Т. 1. 930 с.

Обичкин О.Г. Уставы местных организаций РСДРП. 1894–1917 годы. М.: Политиздат, 1976. 143 с.

Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями: Сборник документов. [Сб. 1]: Март–октябрь 1917 г. М.: Госполитиздат, 1957. 533 с.

Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве: Документы и материалы. М.: Московский рабочий, 1957. 552 с.

Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. СПб.: СПГУТД, 2017. 648 с.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 857 с.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. 423 с.

Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. Часть 1 (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108, сер. II. Исторические исследования, 60) / Отв. ред. И.И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. 1000 с.

Терехов И.С. В.И. Ленин и строительство партии от февраля к октябрю 1917 г. М.: Госполитиздат, 1960. 142 с.

Установление Советской власти в Ярославской губернии: Сборник документов и материалов. Ярославль: Кн. изд-во, 1957. 498 с.

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Авг. 1917 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. XII, 487 с.

Шубин А.В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М.: Академический проект, 2018. 331 с.

References

Annin A.G. The Organizational Formation of Socialist Parties in the Provinces of Central Russia after the February Revolution. *Revolutions in Russian and World History: On the 100th Anniversary of the Russian Revolutions of 1917: Proceedings of the International Scientific Conference*, St. Petersburg, April 14, 2017. St. Petersburg: SPGUTD, 2017. P. 11–14. (In Russ.)

Buldakov V.P. The revolution of 1917: towards a change in the historical paradigm. The revolution of 1917 and the Civil War as determining factors in Russian history of the twentieth century: Materials of a scientific and practical conference. Orenburg, May 11–12, 2017: collection of articles. Orenburg: University, 2017. P. 36–43. (In Russ.)

Centenary of the 1917 Revolution in Russia. Scientific collection. Part 1 (Proceedings of the Faculty of History, Moscow State University, issue 108, ser. II. Historical research, 60). Otv. Ed. I.I. Tuchkov. Moscow: Publishing House of JSC «RDP», 2018. 1000 p. (In Russ.)

Correspondence of the secretariat of the Central Committee of the RSDWP (b) with local party organizations: Collection of documents. [Iss. 1]: March–October 1917. Moscow: State Political Publishing House, 1957. 533 p. (In Russ.)

Establishment of Soviet power in the Yaroslavl province: Collection of documents and materials. Yaroslavl: Prince Publishing House, 1957. 498 p. (In Russ.)

Journal of local party organizations. Historical archive. 1959. No. 5. P. 24–50. (In Russ.)

Lisovsky N.K. 1917 in the Urals. Chelyabinsk: South Ural. Prince Publishing House, 1967. 575 p. (In Russ.)

Mandel D. Petrograd workers in the revolutions of 1917 (February 1917 – June 1918). Per. from English E.V. Lavrentieva. Moscow: New Chronograph, 2015. 554 p. (In Russ.)

Mints I.I. The history of the Great October Revolution. Moscow: Nauka, 1967. Vol. 1. 930 p. (In Russ.)

Obichkin O.G. Charters of local organizations of the RSDWP. 1894–1917 years. Moscow: Politizdat, 1976. 143 p. (In Russ.)

Preparation and victory of the October Revolution in Moscow: Documents and materials. Moscow: Moskovsky rabochiy, 1957. 552 p. (In Russ.)

Revolutions in Russian and World History: on the 100th anniversary of the Russian Revolutions of 1917: proceedings of an international scientific conference, St. Petersburg, April 14, 2017. St. Petersburg: SPGUTD, 2017. 648 p. (In Russ.)

Seventh (April) All-Russian Conference of the RSDWP (Bolsheviks). Petrograd citywide conference of the RSDWP (Bolsheviks). April 1917. Protocols. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 423 p. (In Russ.)

Shubin A.V. The revolutionary year of 1917. From February to October. Moscow: Academic project, 2018. 331 p. (In Russ.)

Sixth Congress of the RSDWP (Bolsheviks). Aug. 1917 Protocols. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 487 p. (In Russ.)

Terekhov I.S. Lenin and the construction of the party from February to October 1917. Moscow: Gospolitizdat, 1960. 142 p. (In Russ.)

The Communist Party of Latvia in the October Revolution of 1917: Documents and materials. (March 1917 – Feb. 1918): [Transl. from Latvian.]. Riga: Latgosizdat, 1963. 864 p. (In Russ.)

The Great October Socialist Revolution. Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1987. 639 p. (In Russ.)

The Great Russian Revolution, 1917: 100 years of study: materials of the International Scientific Conference (Moscow, October 9–11, 2017). Otv. ed. Yu.A. Petrov. Moscow: IRI RAS, 2017. 808 p. (In Russ.)

The revolutionary movement in Russia after the overthrow of the autocracy. Documents and materials. Moscow: Acad. Sciences of the USSR, 1957. 857 p. (In Russ.)

The struggle for power of the Soviets in the Tomsk province. (1917–1919): Collection of docum. Materials: (On the 40th anniversary of the Great October Social Revolution) / Ed. Collegium: V.S. Flerov (chap. ed.) and others – Tomsk: [b. and.], 1957. 569 p. (In Russ.)

The struggle for Soviet power in the Voronezh province. 1917–1918: (Collection of documents and materials). Comp.: Z.P. Eresneva, E.M. Sereda, M.G. Chechuro. Voronezh: Prince Publishing House, 1957. 475 p. (In Russ.)

The struggle for the great October in Nikolayevshchina. (February 1917 – March 1918): Collection of documents and materials. Nikolaev: [b. and.], 1957. 303 p. (In Russ.)

М.В. Ковалев

**ПРОФЕССОР Д.Д. ГРИММ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС
В МЕЖВОЕННОЙ ЭСТОНИИ***

***Аннотация.** В статье анализируется участие профессора Тартуского университета Давида Давидовича Гримма (1864–1941) в конституционном процессе межвоенной Эстонии. На основе периодической печати и архивных документов раскрываются его правовые и общественно-политические взгляды. В статье анализируются личные и деловые связи профессора с эстонскими правоведами и политиками (К. Пятс, Ю. Улуотс, А. Пийп и др.).*

Особое внимание уделено критике Д.Д. Гриммом проекта конституции, вынесенного на референдум 1934 г. Союзом участников Освободительной войны. В ряде статей и выступлений профессор подверг проект жесткой критике. Его пугала декларируемая концентрация власти в руках одного человека – главы государства – и снижение роли парламента. Ряд эстонских общественных деятелей поддержал позицию Д.Д. Гримма, однако проект новой конституции все равно был принят.

Участие Д.Д. Гримма в конституционном процессе продолжилось уже после государственного переворота в марте 1934 г., осуществленного К. Пятсом. Осенью 1935 г. министр юстиции обратился к Д.Д. Гримму с предложением принять участие в разработке проекта нового основного закона страны. Одной из основ конституционной реформы стало создание двухпалатного парламента – Национального собрания (Rahvuskogu). 26 января 1937 г. Д.Д. Гримм был назначен одним из членов верхней палаты парламента как представитель русского национального меньшинства. Он полагал, что эстонские власти учли его опыт работы в Государственном совете Российской империи.

Критика конституционного проекта 1934 г. во многом обусловлена негативным отношением Д.Д. Гримма к идейным установкам Союза участников Освободительной войны, поскольку он не разделял правого радикализма. Опасность их прихода к власти заставляла его, равно как и многих эстонских интеллектуалов и политиков, делать выбор в пользу «сильной руки», способной противостоять угрозам правых и левых.

* Статья подготовлена за счет средств гранта РНФ № 18-78-00102 «Российское интеллектуальное присутствие в Восточной Европе в исторической ретроспективе “короткого XX века” (1914–1991)». Автор выражает искреннюю благодарность Татьяне Кузьминичне Шор (Национальный архив в Тарту) за помощь в подготовке данной статьи.

Ключевые слова: Д.Д. Гримм; Эстония; русская эмиграция; русское национальное меньшинство; конституционный процесс; конституционное право; К. Пятс.

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук,
доцент; старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН;
Архив РАН, Москва. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

M.V. Kovalev. Professor D.D. Grimm and the Constitutional Process in Interwar Estonia

Abstract. *The article describes the participation of David Davidovich Grimm (1864–1941), a professor in the University of Tartu, in the constitutional process in interwar Estonia. Drawing on periodicals and archival documents, the author analyzes Grimm's judicial and socio-political views as well as his personal and professional relations with Estonian lawyers and politicians (K. Päts, J. Uluots, A. Piip, etc.). Special attention is paid to Grimm's criticism of the draft Constitution submitted to the referendum by the Union of participants of the Liberation war in 1934. In a number of articles and public addresses, the professor voiced his harsh criticism against it, being wary of the proclaimed concentration of power in the hands of one person, i.e. the head of state, and the decline in the role of Parliament. A number of Estonian public figures supported the position of D.D. Grimm, but the draft of the new Constitution was, nevertheless, endorsed through referendum.*

The participation of D.D. Grimm in the constitutional process continued after the coup d'état carried out by K. Päts in March 1934. In the fall of 1935, the Minister of Justice addressed D.D. Grimm with a proposal to take part in drafting the new Fundamental Law of the country, which was to create a bicameral parliament – the National Assembly (Rahvuskogu). In January 26, 1937 D.D. Grimm was appointed, as a representative of the Russian minority, a member of the upper house of Parliament, this being in recognition of his experience in the State Council of the Russian Empire.

Grimm's critical stand on the constitutional draft of 1934 largely stemmed from his aversion to the ideological principles of the Union of participants of the Liberation war, for he never shared their right-wing radicalism. The danger of their coming to power compelled him, along with many other Estonian intellectuals and politicians, to opt for a «strong hand» able to confront the threats coming from both the right and left.

Keywords: D.D. Grimm; Estonia; Russian emigration; Russian ethnic minority; constitutional process; constitutional law, K. Päts.

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of History,
Associate Professor; Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy
of Sciences, Moscow. E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Биография профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941), видного ученого и общественного деятеля, привлекает сегодня все большее внимание отечественных исследователей [Ковалев, Мирзеханов 2016, с. 19–33; Николаев

2015, с. 142–147; Томсинов 2007, с. 222–252]. Этому обстоятельству во многом способствовало издание его ранее неизвестных мемуаров [Гримм 2017; Шор, Ковалев, Воронежцев 2015, с. 72–92], проливающих свет на важные события общественно-политической жизни предреволюционной России. Не меньший интерес к биографии ученого проявляется в Эстонии, с которой профессор был прочно связан родовыми корнями. Его мать Эмилия-Елена (1839–1896) происходила из семьи прибалтийских немцев Мейковых. Его дядя, Оттомар Фридрихович Мейков (1823–1894), дважды был ректором Дерптского университета. Именно в этом учебном заведении начнется научно-педагогическая деятельность Д.Д. Гримма, когда в 1889 г. его изберут приват-доцентом по кафедре римского права. Затем будет работа в Петербурге, широкое признание в научных кругах, заведование кафедрой, ректорство и, что не менее важно, активная общественная деятельность. Д.Д. Гримм состоял членом Государственного совета Российской империи, будучи избранным по квоте от Академии наук и университетов. Он решительно противостоял попыткам ограничения академических свобод и запомнился как неутомимый борец с одиозным министром народного просвещения Львом Аристидовичем Кассо (1865–1914) [Ковалев 2015, с. 73–109; Ковалев 2016, с. 174–183]. После Февральской революции Д.Д. Гримм некоторое время участвовал в деятельности Временного правительства, сначала в должности комиссара, затем – товарища министра народного просвещения. Неприятие большевистского переворота и пережитый временный арест предопределили эмиграцию профессора из России в феврале 1920 г.

За границей он продолжил заниматься научно-педагогической работой. В 1920-х годах Д.Д. Гримм был одной из самых заметных фигур «русской Праги», преподавал на Русском юридическом факультете, сотрудничал с Русским институтом, работал в составе Русской академической группы. Однако постепенное свертывание поддержки эмиграции со стороны чехословацкого правительства, соединившиеся с иными трудностями, заставило профессора искать новое место работы. Так судьба вновь свела его с Эстонией.

Еще в июле 1920 г. Д.Д. Гримму, находившемуся в тот момент в Хельсинки, было доставлено письмо, извещавшее об избрании его профессором Тартуского университета [Письмо ректора, л. 4]. Новость оказалась совершенно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться [Письмо Д.Д. Гримма в правление, л. 6]. Семь лет спустя он вернулся к эстонскому варианту. В начале 1927 г. Д.Д. Гримм согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета. «...Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию

29 января 1927 г. [Письмо Д.Д. Гримма декану, l. 12]. 15 марта 1927 г. Совет университета избрал Д.Д. Гримма ординарным профессором, а 28 марта министр просвещения утвердил его в должности с разрешением в течение пяти лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не владел эстонским [Копия письма ректора, l. 19 p.]. В начале сентября 1927 г. Д.Д. Гримм вместе с семьей прибыл в Тарту. Новая среда тепло приняла ученого. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Факты свидетельствуют о том, что в Эстонии Д.Д. Гримм пользовался большим авторитетом, он стал одной из ключевых фигур в истории русского интеллектуального присутствия в этой прибалтийской стране.

Д.Д. Гримм был в числе тех иностранных специалистов, которые оказали серьезное воздействие на развитие правовой науки в межвоенной Эстонии. Назовем имена русского цивилиста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855–1943) и Эдуарда Николаевича Берендтса (1860–1930), занимавшегося финансовым правом, шведского криминалиста Андреаса Бьерре (Andreas Bjerre; 1879–1925), венгра Иштвана Чекеи (István Csekey; 1889–1963), специализировавшегося в административном праве [Шор 2000, с. 185–186; Järveld 2015]. Но именно Д.Д. Гримму предстояло принять активное участие в политической жизни страны. Если о научной деятельности профессора в годы эмиграции известно немало, то политическая сторона его биографии никогда прежде не освещалась. Еще в 1930-е годы его младший коллега Эрнст Эйн (Ernst Ein; 1898–1956) констатировал, что хотя Д.Д. Гримм известен как представитель академической науки, он является еще и «государственным человеком» [Ein 1934, lk. 283].

Участие в политической жизни Эстонии было невозможно без наличия гражданства. Д.Д. Гримм не принадлежал к русскому национальному меньшинству республики, потому на автоматическое получение нового паспорта рассчитывать не мог. Он, как и подавляющее большинство лиц, покинувших Россию после революции, долгое время пребывал в статусе апатрида. Юридически положение беженца подтверждалось так называемым Нансеновским паспортом. По мере таяния надежд на возвращение в Россию вопрос о принятии нового подданства вставал все более остро. От него напрямую зависела социализация в новой среде и особенно трудоустройство. Многие страны твердо защищали национальный трудовой рынок, не допуская на него иностранцев. Потому выбор Д.Д. Гримма в пользу эстонского паспорта выглядит вполне закономерным и оправданным. В феврале 1931 г. он обратился к министру юстиции и внутренних дел страны с просьбой о принятии в эстонское подданство на основании § 9 «Закона о гражданстве» 1922 г. Поручителями русского профессора, согласно установленным правилам, готовы были выступить видные тартуские ученые: декан юридического факультета уни-

верситета, профессор Юри Улуотс (Jüri Uluots; 1890–1945), профессор международного права Антс Пийп (Ants Piip; 1884–1942), профессор уголовного права Карл Саарманн (Karl Saarmann; 1893–1948) [Härrale Kohtu, l. 1.]. Уже в конце марта ходатайство было удовлетворено [Kohtu, l. 10]. Все трое знали о Д.Д. Гримме еще с дореволюционных времен, так как обучались на юридическом факультете Петербургского университета. А. Пийп важен также как одна из ключевых фигур в становлении эстонской государственности. Он присутствовал на Парижской мирной конференции, вел переговоры с большевиками и был в числе членов миссии, подписавших Тартуский мирный договор 2 февраля 1920 г. С октября по декабрь 1920 г. А. Пийп был главой правительства республики, а с 20 декабря 1920 г. по 25 января 1921 г. – государственным старейшиной (riigivanem). Это не простое совпадение, а отражение действительности того времени – многие представители эстонской интеллигенции, особенно те, кто составили основу правящей верхушки, были воспитанниками Санкт-Петербургского университета. Таким образом, Д.Д. Гримм имел прямые контакты не только с научными, но и с политическими кругами республики. На это обратил внимание еще Э. Эйн, подметивший в юбилейной статье, что в петербургский период Д.Д. Гримм был тесно связан с эстонскими юристами [Ein 1934, l. 283]. Он пользовался большим авторитетом и известностью. Поэтому 70-летие профессора в 1934 г. широко отмечалось в интеллектуальных кругах. На годовом общем собрании Академического союза юристов под руководством профессора А. Пийпа было устроено чествование Д.Д. Гримма [Leps 2008, lk. 32; Juristid austasid, lk. 5].

Начало работы профессора в Тарту пришлось на разгар мирового экономического кризиса, который затронул и Эстонию. О его последствиях для страны Д.Д. Гримм сообщал в Прагу в июле 1932 г. своему коллеге Петру Александровичу Остроухову (1885–1965): «Здесь тоже идут сокращения. Уже сократили нас с января текущего года на 15%, и теперь, по-видимому, предстоят новые сокращения. <...> Вообще, вся Европа живет сейчас без завтрашнего дня, как мы, грешные, с [19]17-го года» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 2 об.]. Социально-экономические проблемы напрямую отразились на политическом процессе. На волне разочарования действиями властей возникло острое разочарование в демократических институтах. В свою очередь им популярность набирали правые радикалы, которые выступали поборниками сильной власти. Текущее положение они напрямую связывали с неэффективной работой существующих политических институтов и предлагали их полное переформатирование. Развернулась борьба вокруг внесения изменений в конституцию.

Здесь нужно сделать небольшой историко-правовой экскурс. Первая эстонская Конституция была принята 15 июня 1920 г. и вступила в силу 21 декабря того же года. Ее главной особенностью было закрепление за страной

статуса демократической республики, где носителем высшей власти провозглашался народ. Законодательная власть принадлежала однопалатному парламенту – Рийгикогу (Riigikogu), в котором заседали 100 депутатов. Помимо собственно законотворческой работы, они утверждали на должности судей, контролировали работу правительства. Таким образом, парламенту принадлежал реальный контроль над всеми ветвями власти. Его роспуск был возможен только в результате всенародного референдума. Института президентства Конституция 1920 г. не создавала, его функции отдавались главе правительства – государственному старейшине (riigivanem). Он, согласно § 61, «представлял Эстонскую Республику, направлял и объединял деятельность правительства, руководил заседаниями правительства и мог запрашивать отдельных министров относительно их деятельности» [Основной закон Эстонской Республики (принят 15 июня и обнародован 9 августа 1920 г.), с. 115]. Отличительной чертой Основного закона были обширные практики прямого народовластия. Так, он закреплял право на референдумы (§ 29). Эстонская конституция отражала в себе широкие демократические идеи, в ту пору еще совсем нераспространенные в европейском законодательстве. Но на практике сложившаяся политическая система отличалась нестабильностью. В условиях разнородности политических сил привычным явлением стала правительственная чехарда. В период с 1920 по 1934 гг. в Эстонии сменилось 23 правительства. Многопартийная система оказалась крайне фрагментированной, в ней долгое время не было ни одной доминирующей силы [Валге 2013, с. 92–114; Самохина 2013, с. 292]. На рубеже 1920–1930-х годов страна все более погружалась в пучину политического кризиса.

Самым влиятельным из правых течений был Союз участников Освободительной войны (Eesti Vabadussõjalaste Keskliit), стремительно превратившийся в одну из важнейших политических сил страны. Первоначально его членами, именуемыми вапсами (vapsid), были ветераны боевых действий, но по мере расширения влияния Союза в его ряды стали принимать широкие круги сочувствующих. Развитие и деятельность Союза направляли бывшие военные. В 1930 г. его главой стал отставной генерал-майор Андрес Ларка (Andres Larka; 1879–1942), а его заместителем, и едва ли не самой влиятельной фигурой, младший лейтенант Артур Сирк (Artur Johannes Sirk; 1900–1937). Союз не имел представительства в Рийгикогу, а потому прибегал к внепарламентским методам борьбы, ловко играя на общественных настроениях. В то время как авторитет центральной власти падал, влияние вапсов росло. Показателем недоверия к правящей верхушке является двукратный провал на референдумах проектов новой конституции: сначала в августе 1932 г., затем в июне 1933 г. Тогда вапсы воспользовались ситуацией и предложили свой проект конституционной реформы, который был направлен на фундаментальное переустройство существующих государственных и политических институтов.

Право на это им давали § 87–89 той самой Конституции, которую они предлагали изменить [Основной закон, с. 113]. В третий раз в течение года народу Эстонии предстояло дать ответ на вопрос о пересмотре Основного закона. Непосредственная инициатива рассмотрения проекта исходила от влиятельных членов Союза участников Освободительной войны – полковника Александра Сеймана (Aleksander Seiman; 1886–1941), капитана Леопольда Тынсона (Leopold Tõnson; 1874–1935), капитана Теодора Рыука (Theodor Rõuk; 1891–1940) и уже упоминавшегося А. Сирка. Проект был представлен в Рийгикогу и вынесен на всеобщее обсуждение путем опубликования в печати [Eesti Vabariigi, lk. 2721–2724]. Речь шла не о полном переписывании Основного закона, а о внесении в него радикальных изменений (преамбула, §§ 29, 36, 39, 41–44, 51, 53–55, 57–67, 69–70, 75–76, 80–82, 86). Вокруг проекта разгорелись оживленные дискуссии, не остался в стороне от которых и профессор Д.Д. Гримм. За перипетиями эстонской политики следили и представители русского национального меньшинства, и по ту сторону границы – в Советском Союзе. Как установил А.И. Рупасов, внутривнутриполитическая борьба 1932–1933 гг. вокруг новой конституции привлекла внимание советских дипломатов в прибалтийской республике. В конце ноября 1932 г. полпред Федор Федорович Раскольников (1892–1939) встретился с представителем эстонских деловых кругов Иоакимом Пухком (Joakim Puhk; 1888–1942), который откровенно заявил ему, что страна находится на пути к диктатуре [Рупасов 2016, с. 133].

Выявленные на сегодняшний день документы не дают возможности понять непосредственное отношение Д.Д. Гримма к движению ветеранов Освободительной войны. Однако известное неприятие профессором на протяжении всей жизни любых проявлений радикализма – как левого, так и правого – дает уверенное основание полагать, что идеология вапсов была ему чужда. Предложенный проект изменения действующей конституции вызвал у него резкое неприятие. Свою позицию он пытался донести во время публичных выступлений на различных собраниях, а также в периодической печати.

Летом 1933 г. в двух номерах журнала «Право» (Õigus) была опубликована его пространная статья, посвященная разбору проекта новой конституции [Grimm 1933, № 7, lk. 311–326; Grimm 1933, № 8, lk. 337–347]. Площадка для выражения своего мнения была выбрана не случайно. Этот журнал был первым специализированным юридическим изданием на эстонском языке, а потому более авторитетной печатной трибуны просто не существовало. Неизвестно, правда, кто был переводчиком русского оригинала статьи на эстонский язык, ибо профессор им не владел (равно как доподлинно неизвестно, кто переводил для него проект изменений в конституцию с эстонского на

русский)¹. Обратим внимание и на тот факт, что параллельно краткое изложение идей появилось в русскоязычной газете «Таллиннский русский голос» [Гримм 1933, с. 3]. Все это говорит о намерении Д.Д. Гримма представить свою точку зрения как эстонцам, так и русскому национальному меньшинству.

Профессор проделал тщательный постатейный разбор проекта, вычленив его отличительные черты и обозначив конкретные последствия от их введения в жизнь. С точки зрения Д.Д. Гримма, предложенный Союзом участников Освободительной войны проект означал полный отказ от народовластия в пользу авторитарных начал, не связанных никакими правовыми гарантиями. Отличительной чертой новой конституции должно было стать усиление центральной власти и ее персонификация. Реальным главой страны становился государственный старейшина, он объявлялся носителем высшей власти, осуществляя ее как представитель народа (§ 57). Согласно § 58, он должен был избираться всенародным прямым и тайным голосованием на пять лет. Истинный смысл данного пункта понятен – вапсы мыслили своего кандидата на высший государственный пост. Д.Д. Гримм обратил внимание, что номинально проект сохранял разделение властей, «и все дело как будто сводится исключительно к некоторой реорганизации, к некоторому переустройству органов исполнительной власти или власти управления путем создания новой постоянной должности Главы государства с самостоятельным кругом деятельности, с самостоятельными полномочиями, причем единственной целью этого переустройства является сообщение исполнительной власти необходимой доли независимости в отношении власти законодательной в лице Государственного Собрания» [Гримм 1933, с. 3]. Иными словами, новый проект должен упрочить принцип разделения властей, а отнюдь не поколебать его. Однако Д.Д. Гримм видит в нем лишь декларативные формы и предостерегает, что сокровенный смысл совсем иной.

Профессора явно пугала концентрация власти в руках одного человека и снижение роли парламента. Ему казалось, что законодательная власть сведется на практике к простой декорации. Признаки этого он видел в предложенном сокращении числа депутатов Рийгикогу до 50 членов. По мысли профессора, это приведет к потере меньшинствами возможности защищать свои интересы в парламенте. Здесь укажем, что русское население составляло около 70%

1. По-видимому, переводами работ Д.Д. Гримма занимался его постоянный ассистент на экзаменах с эстонскими студентами доцент Э. Эйн. Он защитил докторскую диссертацию по римскому праву в 1932 г., через два года стал экстраординарным профессором римского права, в 1937 г. после ухода Д.Д. Гримма получил звание ординарного профессора. В 1933 г. был министром внутренних дел и юстиции, в 1935–1937 гг. – декан юридического факультета Тартуского университета. Эмигрировал в 1944 г., с 1950 г. жил в США.

общей численности национальных меньшинств в республике. Их доля в общей численности населения на всем протяжении межвоенного периода практически не менялась и равнялась приблизительно 8,23% [Никифоров 2017, с. 157; Шор 2010, с. 253]. Сокращение числа членов парламента, с точки зрения Д.Д. Гримма, затруднит создание подготовительных комитетов для составления проектов законов. Профессор доказывал, что недостаточный или мало-квалифицированный личный состав парламента незамедлительно отразится на качестве работы комиссий [Grimm 1933, N 7, lk. 312–313]. Кроме того, чем меньше число депутатов, тем на практике легче оказывать давление на них. Д.Д. Гримм полагал, что в силу § 46 действующей Конституции Рийгикогу правомочно принимать решения, если на заседании присутствует не менее половины членов. В случае реализации проекта речь будет идти уже о 25 депутатах. Тогда получение большинства голосов будет возможно при голосовании всего 13 присутствующих. Таким образом, намечалась тенденция ловкого манипулирования парламентом под видом сохранения демократических норм.

Д.Д. Гримм считал, что широкие права государственного старейшины порождают высокую степень зависимости от него парламента. Так, сессия Рийгикогу, ежегодно открывающаяся в первый понедельник октября, согласно проекту, будет продолжаться не более шести месяцев, причем старейшина имеет право закрыть ее раньше, если того потребуют соображения государственного характера (§ 41). Внеочередные сессии могут быть созваны лишь по письменному требованию главы государства или половины членов Рийгикогу, но срок их длительности определяется только старейшиной. Глава государства имеет право роспуска парламента, при этом новые выборы должны быть проведены не позднее, чем в течение шести месяцев. Данное право не обставлено никакими ограничениями, ибо старейшина действует исключительно из соображений «государственного характера». Д.Д. Гримма явно пугает, как старейшина будет использовать свои столь широкие полномочия, не будет ли это угрозой для нормальной деятельности Рийгикогу в любой потенциальной конфликтной ситуации [Grimm 1933, N 7, lk. 314].

Сохраняя стройную юридическую логику суждений, профессор предельно критичен в своих оценках. Он настаивает, что составители законопроекта считают Рийгикогу инородным телом в новом государственном здании. Их цель исходит из того, что по тактическим причинам нецелесообразно ликвидировать Рийгикогу, нужно лишь урезать, насколько это возможно, его власть и поставить его в зависимую ситуацию, сделать послушным инструментом в руках государственного старейшины, который станет воплощением законности и справедливости [Grimm 1933, N 7, lk. 316]. Для Д.Д. Гримма казалась неприемлемой практика отлагательного вето, при которой старейшина обладал правом по соображениям «государственного характера» не

публиковать принятых законов и возвращать их Рийгикогу для повторного рассмотрения с указанием тех пунктов, с которыми он не согласен. Запрет на опубликование законов должен действовать до того момента, пока не будет достигнуто соглашение между главой государства и парламентом. Исключение распространяется лишь на законы и акты, которые, согласно § 34 действующего Основного закона («Установление бюджета, заключение займов, налоговое законодательство, объявление войны и заключение мира, введение и снятие военного положения, приказы о мобилизации и демобилизации, так же как договоры с иностранными государствами не подлежат референдуму и не могут быть предлагаемы на разрешение в порядке народной инициативы» [Основной закон, с. 113]), не подлежат народному голосованию, а находятся лишь в ведении парламента. Однако и в этом случае, по словам Д.Д. Гримма, для главы государства есть лазейка: он имеет право оставить такие акты неопубликованными до тех пор, пока они не будут приняты парламентом с предложенными изменениями или пока парламент после очередных выборов не примет тот же закон. Профессор опасается, что в случае возврата закона, который требует неотложного принятия, Рийгикогу будет вынужден принять закон в том виде, в каком он есть. Глава государства же имеет право отложить вопрос до следующих выборов. Д.Д. Гримм резюмирует: «Большую степень давления на законодательное собрание трудно себе представить» [Гримм 1933, с. 3].

Конституционный проект он сравнивает с хорошо знакомым ему Сводом основных государственных законов Российской империи 1906 г. – и явно в пользу последнего. Д.Д. Гримм критично относился к дореволюционным порядкам, но теперь констатировал, что даже они выглядят демократичнее и юридически логичнее тех, что навязывают вапсы. Действительно § 87 Российского Основного закона гласил: «Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Государю Императору непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет» [Государственная дума, с. 144]. В эстонском проекте глава государства мог издавать указы, имеющие силу закона, в любое время, даже во время сессии Рийгикогу, если в том ему виделась насущная потребность для страны. Проект вообще не упоминал о праве законодательной

инициативы со стороны парламента. Очерчивая грядущие стеснения деятельности Рийгикогу, Д.Д. Гримм подмечал, что тот будет ограничен в деле выработки собственного наказа, т.е. регламента работы. Действительно если прежде § 44 Конституции давал право парламенту самому вырабатывать свой наказ («Рийгикогу издает свой наказ, который публикуется как закон» [Основной, с. 113]), то теперь наказ Рийгикогу должен публиковаться в виде закона. Но так как обнародование законов является прерогативой государственного старейшины, то на практике может оказаться, что в отношении выработки наказа старейшина воспользуется правом вето.

Итак, главный посыл Д.Д. Гримма направлен против всевластия государственного старейшины. В этой позиции нет ничего удивительного, если обратиться к биографии Д.Д. Гримма, который еще до революции выступал активным борцом с произволом. Ему видится, что единственная задача составителей заключается в том, «чтобы сделать печать личного режима всемогущего государственного старейшины настолько чистой, насколько это возможно» [Grimm 1933, N 7, lk. 325]. Вместо разделения властей воцаряется всевластие одного человека. Резко критикуя предложенный проект и высказываясь против придания особых полномочий государственному старейшине, Д.Д. Гримм все же вряд ли подразумевал какую-то конкретную персону из эстонской политической жизни. Ему претил сам принцип неограниченной власти. Согласно логике профессора, нельзя быть уверенным в том, что на посту старейшины окажется человек, полный благородных намерений. Когда власть не сдерживается ни парламентом, ни правительством, ни судом, безграничные полномочия ведут к большой опасности. Центральной фигурой и единственным решающим фактором становится один человек, чья власть не ограничивается реальными гарантиями законности [Grimm 1933, N 7, lk. 325–326; Grimm 1933, N 8, lk. 344–345].

Д.Д. Гримм делает вывод, что государственное здание, созданное предложенным проектом, ни в коей мере не будет являться демократическим. Конституция, о которой мечтают вапсы, полностью отвергает все основы современного правового государства и уничтожает все реальные средства обеспечения и соблюдения законности: «Надо твердо помнить: свобода, которая не гарантируется реальными обязательствами – это не свобода, а прикрытое рабство. Где можно найти такие гарантии в этом проекте? Их нет совсем» [Grimm 1933, N 8, lk. 347]. Д.Д. Гримм предостерегает от принятия проекта на референдуме, который грозит покончить с подлинным народным представительством, дарованным Конституцией 1920 г. Вместе с ним не будет гарантий неприкосновенности и основных гражданских прав, например свободы вероисповедания, слова, мнения, выбора профессии, а также возможности для национальных меньшинств на создание автономных объединений для своих социальных и культурных нужд. Потому, размышляя о поли-

тическом строе, который лелеют в мечтах вапсы, Д.Д. Гримм задавался вопросом: «Является ли этот режим достойным свободной нации?» [Grimm 1933, N 8, lk. 347].

Днем 22 сентября 1933 г. в Тарту состоялось собрание Общества юристов, в котором принимал участие и Д.Д. Гримм. Оно было столь бурным, что завершилось лишь к полуночи. Большинство из присутствовавших критиковали поправки к конституции. Д.Д. Гримм публично осудил проект, сочтя его неприемлемым как с правовой точки зрения, так и с позиций общественного спокойствия. Он вновь указал, что в случае его утверждения на референдуме, глава государства будет облечен почти неограниченной властью. Возможности вмешательства государственного старейшины в законодательный процесс более велики, чем у российского правительства в недавнем прошлом. Таким образом, принятие новой конституции будет означать конец демократического государства. Выступавший государственный судья Антон Палвадре (Anton Palvadre; 1886–1942), некогда один из лидеров Социал-демократической рабочей партии Эстонии, поддержал русского коллегу, заметив, что изменения в конституцию, конечно, необходимы, но проект вапсов может иметь непредсказуемые последствия. Государственный старейшина может завести страну в тупик, однако правовых оснований для привлечения его к ответственности не будет [Vabadussõjalaste eelnõu, lk. 2].

Публикации профессором статей в русской и эстонской печати вкупе с публичными выступлениями вызвали недовольство вапсов. Газета Союза участников Освободительной войны разразилась злопыхательствами в адрес Д.Д. Гримма, иронизируя по поводу того, что выходец из монархической России вдруг стал защитником эстонской демократии, да еще и обрел поклонников среди местных социалистов. Автор статьи упрекал профессора в неправильном толковании положений конституционного проекта, с иронией указывая на незнание им эстонского языка. Подводя черту под своей позицией, он заявлял: «Я не знаю, насколько велик эстонский патриотизм профессора Гримма, но могу заверить Вас, что люди, разработавшие конституцию борцов за свободу, жертвовали своими жизнями за Отечество и готовы делать это всякий раз...» [Grau 1933, lk. 4]. Свою пламенную тираду он закончил утверждением, что Д.Д. Гримм не имеет ни юридического, ни какого-либо другого права публично критиковать и осуждать предложенный проект.

В то же время такие персоны как Якоб Пусс (Jakob Puss), деятель местного самоуправления в Ляэнемаа (Lääne-maa), поддержал в печати позицию Д.Д. Гримма. Прибегая к библейским примерам, он говорил о том, что абсолютная власть не приносит добра. Свою статью он завершал словами, что если во главе страны окажутся вапсы, то он, вероятно, окажется в концлагере. Но даже осознание этого факта не заставит его молчать. Вот почему он при-

зывал всех, кому дорога демократия, прийти на референдум и проголосовать против проекта конституции [Puss 1933, lk. 2].

Горячие дискуссии в прессе вокруг позиции профессора Д.Д. Гримма не утихали. Накануне референдума, 14 октября 1933 г., газета «Голос земли» (Маа Нääл) обратилась с вопросом о нем к виднейшим представителям политических и общественных кругов, сторонникам разных взглядов (Й. Лайдонер, А. Сирк, А. Рей, К. Пятс, А. Хеллат, А. Пийп, Й. Питка и др.). Был среди них и профессор Д.Д. Гримм, который снова предостерег от поддержания проекта, вновь заявив, что глава государства от вапсов может воспользоваться доверенной ему властью как диктатор [Kas poolt võli vastu, lk. 1]. Одновременно «Ежедневная газета» (Päevaleht) под рубрикой «Мысли перед референдумом» поместила краткое изложение позиции издания «Эхо» (Kaia) – рупора консервативного Крестьянского союза (Põllumeeste Kogud). Здесь точка зрения профессора была подвергнута яростной критике. Его обвинили в том, что он слишком подозрительно относится к фигуре государственного старейшины и почему-то полагает, что им обязательно окажется человек, заботящийся не о правах людей и интересах государства, а исключительно о своей власти. Безвестный автор редакционной статьи не без злой иронии замечал: «Очевидно в душе русских сохраняется верноподданнический страх перед их “всемогущим царем”, глупый страх, от которого они не смогли освободиться в течение десятилетий» [Mõtteid rahvahäälletuse eel, lk. 4]. Он не согласен с Д.Д. Гриммом, что глава государства подомнет под себя парламент. Напротив, наконец-то сформируются два центра силы, напрямую избранные по воле народа. Подверглась критике и точка зрения профессора о недопустимости сокращения числа депутатов Рийгикогу. В качестве доказательства его неправоты был упомянут визит в Таллин группы британских парламентариев, которые в разговорах заметили, что эстонское народное представительство слишком велико, и что можно управиться меньшим числом депутатов. Автор ухватывается за это мнение, веря в его беспристрастность, и замечает, что «надежнее довериться стороннему британскому наблюдателю, чем одному из национального меньшинства, который опасается, что при сокращении числа депутатов Рийгикогу они могут полностью лишиться своего представительства в законодательном собрании. Это вполне простая и по-человечески понятная причина» [Mõtteid rahvahäälletuse eel, lk. 4].

Предостережения профессора не услышали. Проект был принят на референдуме 14–16 октября 1933 г. 72,7% голосов «за» и вступил в силу 24 января 1934 г. Победа вапсов была во многом предсказуема, ибо их социальная поддержка стремительно росла. На съезде участников Освободительной войны, прошедшем в Таллинне 17 декабря 1933 г., задачи нового Основного закона страны оценивались следующим образом: «Все-таки новая Конституция нацелена не на то, чтобы упрочить власть партий, а на уничтожение власти

партийной системы» [17 dets. 1933, lk. 2]. Так был брошен серьезный вызов всем существующим политическим силам.

Вапсы рассчитывали провести своего кандидата на пост государственного старейшины и с высокой долей вероятности видели таковым генерал-майора А. Ларка. Что было дальше, хорошо известно, и уже подробно описано в исторической литературе. Во избежание прихода к власти правых 12 марта 1934 г. государственный старейшина Константин Пятс (Konstantin Päts; 1874–1956), заручившись поддержкой генерал-лейтенанта Йохана Лайдонера (Johan Laidoner; 1884–1953), совершил государственный переворот, введя военное положение и объявив вапсов вне закона [Виталь 2017, с. 29–30]. Активные деятели движения были взяты под арест. Намеченные на конец апреля 1934 г. выборы были отложены вплоть до окончания военного положения, а затем вовсе отменены. 28 сентября 1934 г. была созвана внеочередная сессия Рийгикогу, однако уже 2 октября она была прекращена. Парламент не был распущен, но больше не собирался. Депутаты остались без дела, но продолжали получать жалование [Никифоров 2018, с. 185]. Все законы 1935–1936 гг. принимались в форме прямых указов государственного старейшины. Парламент больше не созывался в прежнем составе. Авторитарные методы позволили избежать установления военной, крайне правой диктатуры. Как замечено исследователями, «крах демократии в Эстонии межвоенного периода был отчасти вызван попыткой защитить ее от прихода к власти крайне правых и от угрозы крайне левых. Авторитарное правление, установившееся в стране, было своего рода предупредительной мерой и носило умеренный характер» [Самохина 2013, с. 296]. В новогоднем обращении К. Пятса по радио 31 декабря 1934 г. говорилось, что Эстонии следует дать «такое демократическое учреждение, которое было бы достойно своего народа, как в Англии, где парламент окружен почетом и уважением. Наш будущий Эстонский государственный парламент не должен быть похожим на карикатуру, но на серьезное и достойное представительство, о котором никто не может сказать ничего дурного или смехотворного» [Riigivanema, lk. 2]. В марте 1935 г. политические партии в стране были распущены и заменены партией власти – Отечественным союзом (Isamaaliit).

Однако конституционное строительство на этом не завершилось. Правовая уязвимость Основного закона 1934 г. была очевидна многим, в том числе тем, кто получил власть после переворота. По инициативе К. Пятса принимается решение о разработке новой конституции, которая должна была зафиксировать переустройство государственно-политической системы. Одновременно она должна была способствовать преодолению политического кризиса [Суслов 2012, с. 251]. Важным звеном государственной машины предполагалось сделать двухпалатный парламент, его верхней палатой должен был стать впервые созданный Государственный совет. Такая конструкция могла обес-

печить баланс сил и политических интересов, а заодно упрощала бы контроль за принятием решений.

Осенью 1935 г. министр юстиции обратился к Д.Д. Гримму с предложением принять участие в разработке проекта нового основного закона страны. Известно письмо профессора на имя декана юридического факультета от 23 сентября 1935 г.: «В виду срочного характера этой сложной и ответственной работы, которая поглощает все время, я обращаюсь к юридическому факультету с просьбой освободить меня от ведения объявленных мною необязательных для студентов практических занятий по системе римского права в течение осеннего семестра 1935 г.» [Письмо Д.Д. Гримма декану, l. 112].

Ориентиры будущей конституции были подчеркнуты результатами специального референдума 23–25 февраля 1936 г., на котором была узаконена возможность утверждения основного закона страны и поправок к нему через создаваемый двухпалатный парламент – Национальное собрание (Rahvuskogu), а не путем всенародного волеизъявления. Также было принято решение, что Эстония останется республикой. 9 декабря 1936 г. был создан специальный комитет для завершения работы над текстом новой конституции, в который, помимо уже упоминавшегося А. Палвадре, вошли Йоханнес Клесмент (Johannes Klesment; 1896–1967), Карл Террас (Karl Johannes Terras; 1890–1942), Адо Андеркопп (Ado Anderkopp; 1894–1941), Уго Кукке (Hugo Villi Kukke; 1898–1942) и Эдуард Лааманн (Eduard Laaman; 1881–1941). Этот комитет провел в общей сложности 45 заседаний с 9 декабря 1936 по 29 января 1937 г.

26 января 1937 г. государственный старейшина К. Пятс назначил десять членов Государственного совета (Riiginõukogu), верхней палаты создаваемого Национального собрания (Rahvuskogu). Д.Д. Гримм как представитель русского национального меньшинства вошел в него наряду с такими влиятельными фигурами, как министр иностранных дел Фридрих Акель (Friedrich Akel; 1871–1941), адвокат Михкел Пунг (Mihkel Pung; 1876–1941), мэр Тарту Александр Тыниссон (Aleksander Tõnisson; 1875–1941), судья Яаак Рейхманн (Jaak Reichmann; 1874–1945), глава Банка Эстонии Юри Яксон (Jüri Jaakson; 1870–1942), Э. Лааман и др. [Riigivanem nimetas, lk. 1]. Председателем Государственного совета стал М. Пунг – воспитанник юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Сложно сказать, от кого именно из эстонских политиков исходила идея о назначении Д.Д. Гримма депутатом. Получив высокое приглашение, он некоторое время колебался, поскольку его смущали преклонный возраст, ограниченная работоспособность, но еще более – незнание эстонского языка. Об этой проблеме он прямо сказал К. Пятсу во время личной аудиенции: «Он был осведомлен об этом моем лингвистическом дефекте, но заявил, что это меня не должно беспокоить, так как проект нового Осн[овного] Закона будет

переведен Госуд[арственной] Канцелярией для меня на русский язык... Что же касается прений, то суть их тоже будут мне переводить по-русски» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 4]. Рассказывая о своем назначении в письме к историку П.А. Остроухову, профессор подчеркивал, что был приглашен в состав Государственного совета не только как юрист, хорошо знакомый с конституционным правом и с действующим Основным законом Эстонии, но и как человек, который десять лет состоял членом Государственного совета Российской империи. Он полагал, что его практический опыт будет востребован, поскольку никто из действующих эстонских депутатов не знает, как на практике работает двухпалатная парламентская система. Не без самоиронии он заключал: «Вот как судьба играет с людьми. Был я в свое время выборным членом Государственного Совета, а здесь стал одним из 10 назначенных членов второй палаты Эстонского парламента» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 4 об.].

С февраля по июнь 1937 г. по понедельникам Д.Д. Гримм выезжал в Таллинн на заседания, а в пятницу возвращался домой в Тарту. Поездки сильно утомляли. По его признанию, у него развилось на почве этого «дрожание ноги и постоянное легкое головокружение» [Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову, л. 4]. Лишь в июне 1937 г. профессор смог переселиться на дачу близ столицы, чтобы облегчить свои передвижения вплоть до окончания работы над новой конституцией. Как и было обещано К. Пятсом, проект был специально переведен для него на русский язык. На заседаниях комиссии и в прениях профессор выступал по-русски, выступления на эстонском пересказывались ему другими депутатами.

Конституция прошла многоступенчатое обсуждение на заседаниях обеих палат парламента. Затем, 28 июля, ее утвердила Генеральная Ассамблея Национального собрания. 17 августа новая конституция была подписана главой государства и вскоре опубликована в официальной печати [Eesti Vabariigi Põhiseadus, lk. 1309–1332]. Она вступила в силу 1 января 1938 г. и фактически действовала до 16 июня 1940 г., когда в Эстонию был введен советский военный контингент. Конституция ограничивала практики прямой демократии. Теперь референдумы могли проводиться только по инициативе главы государства. В верхнюю палату парламента должны были войти чиновники высокого ранга, представители самоуправления, а также лица, прямо назначенные главой государства. Государственный совет имел право отклонять проекты нижней палаты. Таким образом, он получал контроль над законодательной работой. В стране вместо государственного старейшины официально вводилась должность президента, а срок его полномочий увеличивался до шести лет. Идея прямых выборов главы государства также подверглась корректировке. Право выдвижения кандидатур получили лишь обе палаты Национального собрания и советы местного самоуправления. Потому вполне законо-

мерно, что 24 апреля 1938 г. президентом Эстонии был избран К. Пятс. В научной литературе сложившийся политический порядок оценивают по-разному. Одни говорят об авторитарном режиме, другие – о «консервативной диктатуре» [Суслов 2012, с. 251], третьи – об «управляемой демократии» [Никифоров 2018, с. 251]. Но какой бы термин ни был использован, невозможно отрицать, что в Эстонии произошло укрепление вертикали власти.

На первый взгляд, объяснить участие Д.Д. Гримма в разработке новой конституции в 1935–1937 гг. непросто, ведь еще совсем недавно он выступал как энергичный и последовательный поборник демократии и критиковал конституционный проект Союза участников Освободительной войны. Но затем он включился в создание нового Основного закона, который был направлен на централизацию политической жизни. К тому же профессор пошел на сотрудничество с политиками, которые после переворота 1934 г. в значительной мере ограничили свободы в стране, введя, например, цензуру и ликвидировав многопартийность. И все же в его решении нет ничего удивительного. Критика конституционного проекта 1934 г. во многом генерировалась негативным отношением Д.Д. Гримма к идейным установкам Союза участников Освободительной войны. Он не разделял правого радикализма, а потому вапсы ему были явно не по душе. Опасность их прихода к власти заставляла его, равно как и многих эстонских интеллектуалов и политиков, делать выбор в пользу «сильной руки», способной противостоять угрозам правых и левых. Прибавим еще одно важное обстоятельство, метко подмеченное М.В. Самохиной: «Сложность сочетания задач государственного и национального строительства, с одной стороны, и укрепления демократических институтов – с другой, стала особенно очевидной на фоне непростой международной обстановки» [Самохина 2013, с. 296].

Официальное приглашение к участию в написании основного закона страны давало профессору возможность быть не простым наблюдателем, а участником важного историко-правового процесса, приложить свои обширные знания и огромный жизненный опыт. Д.Д. Гримм как поборник законности полагал, что разработкой правовых актов должны заниматься профессиональные юристы, а не популисты. Принятие новой конституции давало бы возможность вернуть страну в правовое русло. К тому же конституция создавала законодательную конструкцию, с которой Гримм был хорошо знаком и принцип которой одобрял. Следует признать, что участие Д.Д. Гримма в политической жизни республики сильно выделялось на общем фоне, ведь русские довольно слабо были представлены в эстонской политике. Такое положение вещей С.Г. Исаков связывал с «пассивностью русских избирателей» и их «разъединенностью» [Исаков 1996, с. 55]. Тем примечательнее вырисовывается личность Д.Д. Гримма, и тем важнее дальнейшее, углубленное изучение его общественно-политической деятельности за рубежом.

Библиография

- Валге Я. Содействовала ли Москва государственному перевороту в Эстонии 1934 года // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 92–114.
- Виталь В.А. Иван Яковлевич Лайдонер // Вопросы истории. 2017. № 12. С. 25–35.
- Государственная дума в России в документах и материалах. М.: Госюриздат, 1957. 646 с.
- Гримм Д.Д. Воспоминания: Из жизни Государственного совета. 1907–1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
- Гримм Д.Д. Новый проект изменения Основного Закона Эстонской Республики: Судьба Гос[ударственного] Собрания // Таллинский русский голос. 1933. № 39. 5 августа. С. 3.
- Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918–1940. Историко-культурные очерки. Тарту: Компу, 1996. 398 с.
- Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, 2015. С. 73–109.
- Ковалев М.В., Мирзеханов В.С. Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33.
- Ковалев М.В. Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183.
- Копия письма ректора университета Д.Д. Гримму, б. д. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. 19 p.
- Никифоров И.В. История русского национального меньшинства в Эстонии до 1945 г.: опыт историографии // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2017. № 2 (9). С. 154–170.
- Никифоров И.В. Впервые о первом президенте Эстонии // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2018. № 1 (12). С. 177–178.
- Николаев А.Б. Д.Д. Гримм – комиссар Временного комитета Государственной Думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142–147.
- Основной закон Эстонской Республики (принят 15 июня и обнародован 9 августа 1920 г.) // Дурденевский В.Н. Послевоенные конституции Запада. Л.: Государственное издательство, 1924. С. 108–116.
- Письмо Д.Д. Гримма в правление Тартуского университета от 23 июля 1920 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 6.
- Письмо Д.Д. Гримма декану юридического факультета от 4 февраля 1927 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 12.
- Письмо Д.Д. Гримма декану юридического факультета от 23 сентября 1935 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 112.
- Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову из Тарту от 9 июля 1932 г. // ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 2–2 об.
- Письмо Д.Д. Гримма к П.А. Остроухову из Тарту от 19 июня 1937 г. // ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 3–4 об.
- Письмо ректора Тартуского университета к Д.Д. Гримму от 8 июля 1920 г. // Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 3 a–4.
- Рупасов А.И. Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 103–139.
- Самохина М.В. Формирование политического режима межвоенной Эстонии // Политическая наука. 2013. № 3. С. 288–298.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Суслов Е.В. Институциональный дизайн как фактор институционализации политических конфликтов (на примере Эстонской Республики) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 1. С. 246–253.

Томсинов В.А. Давид Давидович Гримм (1864–1941) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 2. М.: Зерцало, 2007. С. 222–252.

Шор Т.К. Русские юристы в Тартуском университете (1919–1940) // Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Таллинн: Русский исследовательский центр в Эстонии, 2000. С. 185–186.

Шор Т.К. Парадоксы культурной автономии национальных меньшинств в Эстонии между двумя мировыми войнами // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 5. Таллинн, 2010. С. 245–266.

Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А.В. Давид Давидович Гримм и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина, 2015. С. 72–92.

17 dets. 1933. a. Tallinnas ärapeetud Vabadussõjalaste Kongressilt – Eesti rahvale // Võitlus: Vabadussõjalaste häälekandja. 1934. 2 jaanuaril. N 1 (172). Lk. 2.

Eesti Vabariigi põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu // Riigi Teataja Lisa. 1932. 9 detsembril. N 97. Lk. 2721–2724.

Eesti Vabariigi Põhiseadus // Riigi Teataja. 1937. 3 septembril. N 71. Lk. 1309–1332.

Ein E. Prof. D.D. Grimmi elukäik ja teaduslik tegevus // Õigus: juriidiline ajakiri. 1934. T. XV N 6. Lk. 283–288.

Grau K. Tõeluse kaitses. Vastuseks prof. Grimmi väidetele // Võitlus: Eesti Vabadussõjalaste Keskliidu häälekandja. 1933. 10 oktoobril. 92 (137). Lk. 4.

Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu // Õigus. 1933. T. XIV. N 7. Lk. 311–326.

Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu // Õigus. 1933. T. XIV. N 8. Lk. 337–347.

Härrale Kohtu – ja Siseministrile – Kodakondsuse David Davidi p. Grimmi, 7.2.1931 a. // Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 1.

Järveld P. Eesti õigusteaduse ja õigushariduse ajalugu. Tallinn: Argo, 2015. 268 lk.

Juristid austasid lahkuvat professorit. D. Grimmi elukäigust ja teaduslikust tööst // Postimees. 1934. 29 aprillil. N 115. Lk. 5.

Kas poolt või vastu? // Maa Hääl: maarahva ajaleht. 1933. 14 oktoobril. N 121 (137). Lk. 1.

Kohtu – ja siseministeerium, Administratiiv-osakond – Politseikomissar Tartus, 21.03.1931 a. // Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 10.

Leps A. Juristiharidusega riigimehed // Haridus. 2008. N 5–6. Lk. 31–33.

Mõtteid rahvahääletuse eel // Päevaleht. 1933. 14 oktoobril. N 239. Lk. 4.

Puss J. Teelahkmel // Lääne Teataja. 1933. 11 oktoobril. N 30. Lk. 2.

Riigivanem nimetas 10 rahvuskogu liiget // Maa Hääl: maarahva ajaleht. 1937. 27 jaanuaril. N 11 (635). Lk. 1.

Riigivanema kõne uue-aasta ööl // Pärnumaa Teataja. 1935. 3 jaanuar. N 1. Lk. 2.

Vabadussõjalaste eelnõu juristide valgustusel // Sakala. 1933. 26 sept. N 109 (148). Lk. 2.

References

Copy of the letter of the Chancellor of the University to D.D. Grimm, without date. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. 19 p. (In Russ.)

Eesti Vabariigi Põhiseadus. Riigi Teataja. 1937. 3 septembril. No. 71. Lk. 1309–1332.

- Eesti Vabariigi põhiseaduse muutmise seaduse-eelnõu. Riigi Teataja Lisa. 1932. 9 detsembril. No. 97. Lk. 2721–2724.
- Ein E. Prof. D.D. Grimm elukäik ja teaduslik tegevus. Õigus: juriidiline ajakiri. 1934. T. XV No. 6. Lk. 283–288.
- Grau K. Tõeluse kaitseska. Vastuseks prof. Grimm väidetele. Võitlus: Eesti Vabadussõjalaste Keskliidu häälekandja. 1933. 10 oktoobril. 92 (137). Lk. 4.
- Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu. Õigus. 1933. T. XIV. No. 7. Lk. 311–326.
- Grimm D.D. Eesti Vabariigi Põhiseaduse uus muutmise seaduse eelnõu. Õigus. 1933. T. XIV. No. 8. Lk. 337–347.
- Grimm D.D. Memories: From the life of the State Council. 1907–1917. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 272 p. (In Russ.)
- Grimm D.D. New draft amendment to the Fundamental Law of the Republic of Estonia: A Fate of the State Council. Tallinn Russian Voice. 1933. No. 39. August 5. P. 3. (In Russ.)
- Härrale Kohtu – ja Siseministrile – Kodakondsuseta David Davidi p. Grimm, 7.2.1931 a. Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 1.
- Isakov S.G. Russians in Estonia. 1918–1940. Historical and Cultural essays. Tartu: Compu, 1996. 398 p. (In Russ.)
- Järvelaid P. Eesti õigusteaduse ja õigushariduse ajalugu. Tallinn: Argo, 2015. 268 lk.
- Juristid austasid lahkuvat professorit. D. Grimm elukäigust ja teaduslikust tööst. Postimees. 1934. 29 aprillil. No. 115. Lk. 5.
- Kas poolt või vastu? Maa Hääl: maarahva ajaleht. 1933. 14 oktoobril. No. 121 (137). Lk. 1.
- Kohtu – ja siseministeerium, Administratiiv-osakond – Politseikomissar Tartus, 21.03.1931 a. Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375. L. 10.
- Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm and Baron M.A. Taube: Two Views on Academic Freedom. Historical memory and strategies of Russian-German intercultural dialogue. Saratov: Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University, 2015. P. 73–109. (In Russ.)
- Kovalev M.V. Professor D.D. Grimm and the struggle for academic freedom in Russia at the beginning of the twentieth century. Russian History. 2016. No. 5. P. 174–183. (In Russ.)
- Kovalev M.V., Mirzekhanov V.S. David Davidovich Grimm. Questions of History. 2016. No. 1. P. 19–33. (In Russ.)
- Leps A. Juristiharidusega riigimehed. Haridus. 2008. No. 5–6. Lk. 31–33.
- Letter from D.D. Grimm to P.A. Ostroukhov from Tartu on June 19, 1937. State Archive of Russian Federation. F. 9586. Op. 1. D. 171. L. 3–4 vol. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to P.A. Ostroukhov from Tartu on July 9, 1932. State Archive of Russian Federation. F. 9586. Op. 1. D. 171. L. 2–2 vol. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to the Administration of the University of Tartu July 23, 1920. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 6. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to the Dean of the Law Faculty on February 4, 1927. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 12. (In Russ.)
- Letter from D.D. Grimm to the Dean of the Law Faculty on September 23, 1935. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 112. (In Russ.)
- Letter from the Chancellor of the University of Tartu to D.D. Grimm on July 8, 1920. Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150. L. 3 a–4. (In Russ.)
- Mõtteid rahvahäälsete eel. Päevaleht. 1933. 14 oktoobril. No. 239. Lk. 4.
- Nikiforov I.V. For the first time about the first president of Estonia. Journal of Russian and East European Studies. 2018. No. 1 (12). P. 177–178. (In Russ.)

- Nikiforov I.V. The history of the Russian national minority in Estonia until 1945: the experience of historiography. *Journal of Russian and East European Studies*. 2017. No. 2 (9). P. 154–170. (In Russ.)
- Nikolaev A.B. D.D. Grimm – Commissioner of the Provisional Committee of the State Duma. *Questions of History*. 2005. No. 7. P. 142–147. (In Russ.)
- Puss J. Teelahkmel. *Lääne Teataja*. 1933. 11 oktoobril. No. 30. Lk. 2.
- Riigivanem nimetas 10 rahvuskogu liiget. *Maa Hääl: maarahva ajaleht*. 1937. 27 jaanuaril. No. 11 (635). Lk. 1.
- Riigivanema kõne uue-aasta ööl. *Pärnumaa Teataja*. 1935. 3 jaanuar. No. 1. Lk. 2.
- Rupasov A.I. Soviet-Estonian relations during the global economic crisis. *Petersburg Historical Journal*. 2016. No. 3. P. 103–139. (In Russ.)
- Samokhina M.V. The formation of the political regime of interwar Estonia. *Political Science*. 2013. No. 3. P. 288–298. (In Russ.)
- 17 dets. 1933. a. Tallinnas ärapeetud Vabadussõjalaste Kongressilt – Eesti rahvale. *Võitlus: Vabadussõjalaste häälekandja*. 1934. 2 jaanuaril. No. 1 (172). Lk. 2.
- Shor T.K. Paradoxes of cultural autonomy of national minorities in Estonia between the two world wars. *Transactions of Russian Research Center in Estonia*. Vol. 5. Tallinn, 2010. P. 245–266. (In Russ.)
- Shor T.K. Russian lawyers at the University of Tartu (1919–1940). Russians in Estonia on the threshold of the 21st century: past, present, future. Tallinn: Russian Research Center in Estonia, 2000. P. 185–186. (In Russ.)
- Shor T.K., Kovalev M.V., Voronezhstev A.V. David Davidovich Grimm and his memories. Historical memory and strategies of Russian-German intercultural dialogue. Saratov: Yu.A. Gagarin Saratov State Technical University named after, 2015. P. 72–92. (In Russ.)
- Suslov E.V. Institutional design as a factor in the institutionalization of political conflicts (on the example of the Republic of Estonia). *Transactions of Kazan University. Humanitarian sciences*. 2012. Vol. 154. No. 1. P. 246–253. (In Russ.)
- The Fundamental Law of the Republic of Estonia (adopted on June 15 and published on August 9, 1920). Durdenevsky V.N. Post-war constitutions of the West. Leningrad: State Publishing House, 1924. P. 108–116. (In Russ.)
- The State Duma in Russia in documents and materials. Moscow: Goshurizdat, 1957. 664 p. (In Russ.)
- Tomsinov V.A. David Davidovich Grimm (1864–1941). Tomsinov V.A. Russian jurists of the XVIII–XX centuries: Essays on life and works. Vol. 2. Moscow: The Mirror, 2007. P. 222–252. (In Russ.)
- Vabadussõjalaste eelnõu juristide valgustusel. *Sakala*. 1933. 26 sept. No. 109 (148). Lk. 2.
- Valge J. Did Moscow Promote the 1934 Coup in Estonia? *Contemporary History of Russia*. 2013. No. 2. P. 92–114. (In Russ.)
- Vital V.A. Ivan Yakovlevich Laidoner. *Questions of History*. 2017. No. 12. P. 25–35. (In Russ.)

А.В. Гизатуллина, Н.С. Зимова

**ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН
С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МИРЕ**

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы, которые возникают у женщин-матерей в сфере трудовых отношений в современном мире. К таким проблемам относятся женская безработица, дискриминация в трудовых отношениях, проблемы совмещения семейных обязанностей с трудовой деятельностью и т.п.*

Женская безработица занимает лидирующее место среди проблем в сфере трудовых отношений. Основными параметрами, влияющими на уровень безработицы женщин с детьми, являются количество детей и их возраст. Гендерная профессиональная сегрегация также является проблемой на рынке труда. В статье рассмотрены две составляющие профессиональной сегрегации: горизонтальная и вертикальная. Уделяется внимание и вопросу дискриминации в трудовых отношениях, которая может иметь различные формы проявления: неравные условия оплаты труда, найма на работу, неравенства при сокращении персонала, при продвижении в должности и т.п.

Особое внимание уделено взаимосвязи трудовой деятельности женщин-матерей с их семейными обязанностями. Показано влияние современного общества на создание приемлемых условий для матерей при совмещении ими семейных обязанностей и трудовых отношений.

Перечисленные сложности в организации трудовой деятельности женщин-матерей являются составными частями общей социальной проблемы современных трудовых отношений.

Решение данной проблемы требует участия как государства и работодателей, так и организаций, проводящих социальную политику в сфере трудовых отношений женщин. Необходим комплекс мер государственного регулирования, призванный обеспечить благоприятные условия занятости женщин, имеющих детей.

Ключевые слова: *гендерное неравенство; рынок труда; трудовые отношения; женщина-мать; рабочая сила; занятость; дискриминация; безработица; социальная политика.*

Гизатуллина Анна Владимировна – аспирант
кафедры социологии знания высшей школы
современных социальных наук, научный сотрудник
МГУ им. Ломоносова. Москва. E-mail: an2_nshastalo@gmail.com

Зимова Наталья Сергеевна – кандидат социологических наук,
доцент кафедры социального конструирования
высшей школы современных социальных наук
МГУ им. Ломоносова. Москва E-mail: nzimova@mail.ru

A.V. Gizatullina, N.S. Zimova. The Employment Problems of Women with Pre-School Children in Today's Russia and World

Abstract. *This article deals with the problems that mothers face when seeking employment in the modern world. These include women's unemployment, occupational segregation, discrimination in labor relations, the difficulties of combining family and work life.*

Women's unemployment is one of the most acute problems in labor relations. The main parameters affecting the unemployment rate of women with children are the number of children and their age. Gender occupational segregation also constitutes a problem in the labor market. In this article two components of professional segregation are analyzed: horizontal and vertical. Attention is also paid to the issue of discrimination in labor relations that occur in different forms, such as discrimination in wages, hiring, staff reduction, promotion, professional development.

Examining the relationship between mothers' working life and their family obligations, the authors focus upon the role of today's society in creating favorable conditions for women who combine their family obligations and work in the labor market.

The aforementioned problems constitute part of the broader societal issue of modern labor relations.

The solution of this problem requires the participation of the state, employers and organizations that conduct social policy in the field of women's labor relations. There is a need for a set of policies aimed at creating favorable employment conditions for women with children, which reduce risks of their unemployment and gender discrimination.

Keywords: *gender inequality; labor market; labor relations; motherhood; labor force; employment; discrimination; unemployment; social policy.*

Gizatullina Anna Vladimirovna – Postgraduate Student,
Department of Sociology of Knowledge, Sociology
and Modern Social Sciences Department, Researcher;
Lomonosov Moscow State University, Moscow.
E-mail: an2_nshastalo@gmail.com

Zimova Natalia Sergeevna – Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Department of Social Engineering,
Sociology and Modern Social Sciences Department,
Lomonosov Moscow State University, Moscow.
E-mail: nzimova@mail.ru

Женщины с детьми дошкольного возраста – это особая, наиболее уязвимая на рынке труда социально-демографическая группа. Для этой группы характерны те проблемы, который поджидают любую женщину на рынке труда.

Во-первых, это безработица. При этом во всех странах мира, в том числе и в России, продолжительность поиска работы женщинами превышает продолжительность поиска работы мужчинами.

Динамика продолжительности поиска работы безработными женщинами по возрастным группам констатирует рост этой продолжительности с увеличением возраста: в возрастной группе 25–29 лет продолжительность поиска работы составила 7,7 месяцев, в возрастной группе 30–34 лет – 8, в группе 40–44 лет – 8,6, в группе 45–49 лет – 8,7 месяцев [Рабочая сила, занятость и безработица в России 2018, с. 130].

Во всех странах мира предусмотрена поддержка безработных граждан в виде пособий по безработице. По размеру этого пособия Россия серьезно отстает от Европы: у нас безработный в среднем получает 71 евро в месяц, в то время как в Норвегии – 1502 евро, в Голландии – 1300 евро, в Германии – 919 евро и т.п. [Пособие по безработице в разных странах].

В России размер пособия по безработице во многом зависит от таких факторов, как страховой стаж и уровень заработной платы за последний год перед увольнением. Минимальный размер пособия в 2018 г. составлял 850 руб., максимальный – порядка 5000 руб., в 2019 г. он был увеличен – от 1500 руб. до 8000 руб. соответственно [Размеры минимальной и максимальной величин пособия по безработице]. При этом размер прожиточного минимума за II квартал 2019 г. на душу населения в Российской Федерации составляет 11 185 руб. [Величина прожиточного минимума на душу населения].

Во-вторых, женщин на рынке труда подстерегает гендерная профессиональная сегрегация, т.е. стабильная направленность занятости мужчин и женщин по строго определенным специальностям и служебным местам. В научной литературе выделяют два компонента профессиональной сегрегации: горизонтальную и вертикальную.

Одним из важнейших механизмов воспроизводства горизонтальной сегрегации выступает дискриминация по признаку пола. Нередко встречается распространенное мнение о том, что та или иная профессия воспринимается как «женская» / «мужская». К «женским» профессиям часто относят деятельность медсестер, нянь, учителей, а такие профессии, как водитель, строитель, банкир стереотипно воспринимаются как «мужские».

Высокая степень представительности трудоустроенных женщин во всех видах экономической деятельности служит характерной чертой их распределения по отраслям национальной экономики [Рабочая сила, занятость и безработица в России 2018, с. 50]. Для традиционно женских отраслей характерна компенсация небольшого уровня заработной платы наличием социального

пакета, возможностью совмещать основную работу с дополнительным заработком.

Вертикальная сегрегация возникает тогда, когда представители мужского пола в основном трудоустроены на более высокооплачиваемых и более ответственных должностях, чем женщины. Так, в России в 2017 г. мужчины преобладали на постах руководителей, женщины – на должностях специалистов высшего и среднего уровней, а также среди служащих, занятых информацией и документацией [Рабочая сила, занятость и безработица в России 2018, с. 72].

Работающие женщины до сих пор сталкиваются с дискриминацией в трудовых отношениях. По результатам социологических опросов, с дискриминацией сталкивались «при приеме на работу – 17,9% респондентов-женщин; при продвижении по карьерной лестнице – 27,1, при оплате труда – 21,6, при профессиональной подготовке – 12,3%». Дискриминация проявляется, прежде всего, в таких сферах, как финансы, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь (87% выявленных случаев). Наименьшее число наблюдается в образовании и здравоохранении – традиционно женских отраслях экономики [Рязанцев, Гневашева 2014, с. 112].

При анализе средней заработной платы работников различных организаций по видам их деятельности выяснилось четкое различие зарплат мужчин и женщин в пользу первых. В 2017 г. средняя зарплата женщин составляла: у руководителей – 67,8% от мужской заработной платы; у специалистов высшего уровня квалификации – 70,6; у специалистов среднего уровня квалификации – 58,6; у служащих, занятых обработкой документов – 77,3% [Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала 2017 г. Таблица 12]. Уровень оплаты женского труда во всех странах Европейского союза ниже, чем мужского. Наибольший гендерный разрыв в 2015 г. наблюдался в Эстонии – 26,9%, наименьший – в Люксембурге – 5,5%. В России он составлял 14% [Николаев, Марченко, Точилкин 2017].

Исследователи отмечают, что «гендерный разрыв в оплате труда увеличивается вместе с возрастом работников. По всем странам Евросоюза в среднем гендерный разрыв в оплате труда возрастает от 11,2% для работников младше 30 лет до 17,4% для работников старше 60 лет». Наиболее высокий гендерный разрыв в странах ЕС в 2014 г. отмечался для лиц старше 65 лет в Испании (45,3%) и Португалии (42,8%) [Николаев, Марченко, Точилкин 2017]. В России показатели иные. «В период от 20 до 40 лет гендерный разрыв в оплате труда действительно увеличивается с 21% до 33%, но после 40 лет начинается снижение гендерного разрыва в оплате труда до уровня 22–23% в возрасте старше 55 лет» [Николаев, Марченко, Точилкин 2017].

Дискриминация по половому признаку особенно ярко проявляется при приеме или увольнении с работы. Особое значение на сегодняшний день

придается, к сожалению, не профессионально-квалификационным навыкам претендента на ту или иную должность, а его возрасту, полу, семейному положению и наличию детей. Дискриминация женщин находит свое отражение уже на этапе размещения объявлений работодателем. Большинство предложений содержит в себе требования к полу, возрасту кандидата, а также могут указываться требования к внешнему виду. Каждое четвертое объявление негосударственных служб занятости и индивидуальных предпринимателей содержит условие относительно пола кандидата. Около 40% опрошенных респондентов женщин отмечают затруднения при поиске и поступлении на работу [Митягина 2014, с. 64–65].

* * *

Женщины, имеющие детей, при приеме на работу сталкиваются с дополнительными сложностями.

Основными параметрами, влияющими на уровень безработицы этой группы женщин, являются количество детей и их возраст. Исследования показывают, что с ростом числа детей в семье растет уровень безработицы: так, в 2017 г. уровень безработицы матерей в возрасте 20–49 лет, имеющих детей до 18 лет, составил при наличии одного ребенка – 4,7% от общего числа безработных женщин; при наличии двух детей – 5,9; при наличии трех детей и более – 10,5%. Таким образом, риск незанятости существенно возрастает с рождением третьего ребенка.

Особенно подвержены рискам женщины, чьи дети – дошкольники. Дошкольники нуждаются в постоянной опеке матерей, следовательно, матери таких детей не могут составить серьезной конкуренции другим социальным группам работников [Рабочая сила, занятость и безработица в России 2018, с. 22].

Возрастная характеристика самого маленького члена семьи выступает в качестве главного индикатора при трудоустройстве или безработице многодетных матерей. Наибольший уровень незанятости наблюдается у матерей, чьи дети не достигли возраста 1,5 лет. Незанятость среди таких матерей на 9% выше, чем у тех, чьим детям исполнилось от трех до шести лет, и на 15% выше, чем у матерей детей от трех до шести лет. Это вполне объяснимо: только с полутора лет дети принимаются в дошкольные учреждения в группы кратковременного пребывания и только с трех лет – в группы полного пребывания [Карабчук, Нагерняк 2013, с. 27].

Уровень безработицы матерей зависит и от возраста женщины. Чаще всего не работают матери в возрасте 20–29 лет. Среди них 1,4% являются безработными, а 28,4% даже не ищут работу. При этом молодые матери, не имеющие какого-либо профессионального образования, могут долго находиться

в состоянии незанятости. В возрастной группе женщин 30–39 лет не имеют работы 15,6%, а в группе 40–49 лет – 9,7% [Рабочая сила, занятость и безработица в России 2018, с. 120]. То есть чем старше женщины, тем меньше вероятность их незанятости, что объясняется снижением среди них доли матерей с детьми младшего возраста.

Работодатели, отмечая трудности, возникающие в ходе рабочего процесса у женщин, имеющих детей до трех лет, особо выделяют невыходы на работу по больничному листу из-за частой болезни детей – 46% респондентов; опоздание на работу, ранний уход с работы – 30,0% респондентов; выход в незапланированный отпуск – 20,0% [Хаматханова, Воробьев 2015, с. 625].

Еще одна проблема связана с необходимостью для матерей совмещать работу и домашний труд. В реальных жизненных обстоятельствах большинство женщин планируют следовать стратегии сочетания работы, материнства и дома – 81,6% [Савинская 2013, с. 150]. Их модель поведения предполагает, с одной стороны, ориентацию на традиционные семейные ценности, неразрывно связанные рождением и воспитанием детей, с другой – активную позицию на рынке труда.

Необходимым условием выхода на работу является организация присмотра за ребенком дошкольного возраста. На основании исследовательских данных можно выделить три временные точки выхода на работу. Самый ранний – это выход на службу в течение полугода с момента рождения ребенка (17,5%), второй пик выпадает на период окончания выплаты пособия по уходу за ребенком, достижения им 1,5 лет (17,6). Третий пик приходится на возраст ребенка, когда его можно устроить в детский сад в группу полного пребывания (30%). Стоит отметить, что только 9,4% женщин-матерей состояли в отпуске по уходу сроком более трех лет. Для большинства женщин основным путем организации присмотра за ребенком дошкольного возраста становится обращение к услугам дошкольного образовательного учреждения. Кроме того, участвовать в присмотре за ребенком могут другие члены семьи или няни [Савинская 2011 а, с. 83–84].

Совмещение женщинами трудовой деятельности и выполнения домашних обязанностей требуют специфических условий труда и социальной целевой поддержки. Анализ состояния данного вопроса в десяти различных странах показывает, что если цена на услуги детских дошкольных учреждений снижается на 50%, предложения рабочей силы со стороны молодых матерей увеличивается примерно на 6,5–10% [Эльборг-Войтек, Невяк 2013].

Однако, по данным Росстата, в России в 2015 г. не посещали дошкольные образовательные учреждения 9,5% детей в возрасте трех-восьми лет, в том числе 19,6% – из-за отсутствия мест, 5,9 – по причине высокой оплаты, 7,5% – по причине отсутствия подобных учреждений [Посещение дошкольных образовательных организаций детьми в возрасте 3–8 лет, с. 1]. Сегодня в России

сеть дошкольных учреждений развивается неравномерно, показатели охвата ими детей в возрасте до трех лет свидетельствуют об отставании от развитых европейских стран, таких как Англия, Исландия, Бельгия и Швеция. Однако в этом вопросе от России отстает, например, Польша [Сухова 2011, с. 229].

В России количество организаций, осуществляющих деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу за детьми-дошкольниками, снижается. Так, в 2014 г. число таких организаций – 51 тыс., в 2015 – 50,1 тыс., в 2016 – 49,4 тыс., а в 2017 г. их количество снизилось до 48,6 тыс. [Информация по дошкольным образовательным организациям].

Важным моментом в организации работы ДОУ является согласование режима их работы с графиками работы родителей. На сегодня, согласно опросам, у 40,9% работающих матерей графики полностью соответствуют режиму функционирования ДОУ, треть опрошенных отметили неполное соответствие и у каждой четвертой матери наблюдается абсолютное несовпадение графиков. В наименьшей степени с деятельностью ДОУ соотносится режим работы отцов [Савинская 2014, с. 171].

Среди необходимых матерям условий труда лидирующую позицию занимает возможность получить отпуск летом. Это связано в первую очередь с летним прекращением работы ДОУ. Заметим, что, по результатам опроса, только 54% работающих женщин-матерей имеют возможность оформить отпуск тогда, когда это удобно для всех членов семьи [Козина 2010, с. 25].

Также женщинам-матерям необходим гибкий график работы, однако далеко не все работодатели готовы пойти навстречу работающим женщинам в данном вопросе. Не больше трети трудоустроенных матерей могут использовать такой график [Козина 2010, с. 26].

Доступность рабочего места – еще одно специфическое условие труда, оно позволяет матерям с детьми экономить время на дорогу и совмещать рабочий график с расписанием ДОУ. Более 40% работающих женщин-матерей необходима возможность оформления больничного листа при болезни ребенка. Однако приблизительно 20% работающих матерей вынуждены в подобных ситуациях оформлять отпуск за свой счет, около 35% отпрашиваются с работы с последующей отработкой, а 5% вовсе не могут покинуть рабочее место ни при каких обстоятельствах [Козина 2010, с. 26].

Отпуск по уходу за ребенком дает возможность женщине подумать над своими профессиональными возможностями и желаниями. Около трети женщин (37,6%), участвовавших в опросе, после выхода из отпуска по уходу за ребенком поменяли место работы, при этом чуть большее количество продолжили трудовую деятельность на прежнем месте – 39,5%. Основными мотивами изменения места трудоустройства выступают близость рабочего места (38,5%), улучшение условий труда (38,2%). Следом идут причины, связанные

с повышением заработной платы (27,6%) и возможностью карьерного роста (22,4%). Неудивительно, что 5,3% респондентов указали, что смена места работы была вынужденной в силу нежелания работодателя продлевать трудовой контракт. 4,9% ответивших предпочли новое место работы, так как новый работодатель обеспечивал их дополнительными корпоративными привилегиями [Савинская 2011, с. 141].

Основной характеристикой мотивации к трудовой деятельности выступает заработная плата. Во многих случаях женщины осознают тот факт, что их доход помогает семье быть устойчивой в экономическом плане. «Доля доходов от основной занятости женщин-матерей в общем доходе домохозяйств составляет в среднем 42%, а в неполных семьях – 72%» [Козина 2010, с. 20]. Из чего можно сделать вывод, что традиционная модель «мужчина-кормилец» себя практически исчерпала. Собственно, именно поэтому женщины часто досрочно выходят из декретного отпуска.

Трудовые отношения женщин вообще и женщин-матерей, в частности, – серьезная проблема современных трудовых отношений. Решение данной проблемы требует участия и государства, и работодателей, и организаций, проводящих социальную политику в сфере трудовых правоотношений.

Библиография

Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации. Справочная информация // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/8bf43d584df4ac39dddec19c36e7654dce95bdb62/ (Дата обращения: 11.03.2019.)

Эльборг-Войтек К., Невяк М. и др. Женщины, труд и экономика. Макроэкономические выгоды гендерного равенства. Документ Международного валютного фонда для осуждения, 2013. URL: <http://women-peace.net/wp-content/uploads/2012/08/ZHenshhiny-trud-i-ekonomika.pdf> (Дата обращения: 03.04.2019.)

Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2017 года // Государственная служба налоговой статистики: Официальный сайт. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/isswww.exe/stg/d01/36.htm (Дата обращения: 25.07.2019.)

Информация по дошкольным образовательным организациям (по 2013 год включительно) // Государственная служба налоговой статистики: Официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/tab1.htm (Дата обращения: 18.02.2019.)

Карабчук Т., Нагерняк М. Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 25–48.

Козина И. Работающие матери: условия занятости и социальная поддержка // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: мат. конф. / отв. ред. Г.В. Михалева. М.: РОДП «ЯБЛОКО», «КМК», 2010. С. 19–28.

Митягина Е.В. Ресурсы современных рабочих в условиях российской модернизации: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2014. № 1. С. 59–68.

Николаев И.А., Марченко Т.Е., Точилкин О.С. Гендерный разрыв в оплате труда – 2017. Аналитический доклад // FBK «Grant Thornton». URL: https://grantthornton.ru/upload/medialibrary/bce/Gendernyi%20razryv%20v%20oplate%20truda_doklad.pdf (Дата обращения: 12.05.2019.)

Ножова А.С. Женщина на рынке труда // Молодой ученый. 2015. № 21. С. 363–367.

Посещение дошкольных образовательных организаций детьми в возрасте 3–8 лет по типу населенных пунктов, по отдельным социальным и возрастным группам // Государственная служба налоговой статистики: Официальный сайт. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality15/PublishData/Reports/Files/Таблица_36.1.pdf (Дата обращения: 11.09.2019.)

Пособие по безработице в разных странах // Visa Sam. Электронный ресурс. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/posobie-po-bezraboyice-v-mire.html> (Дата обращения: 24.01.2019.)

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Статистический сборник. 2018. М.: Росстат, 2018. 142 с.

Размеры минимальной и максимальной величин пособия по безработице // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115258/76d57c0dcc2c1f4beffb4a83e0066a7d65292ee/ (Дата обращения: 27.04.2019.)

Савинская О.Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2. С. 142–167.

Савинская О.Б. Работа о детях работающих москвичек // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 137–142.

Савинская О.Б. Ценность занятости и предпочтения в условиях труда московских матерей дошкольников // Женщина в российском обществе. 2011 а. № 4. С. 75–87.

Савинская О.Б. Значимость услуг детского сада как социального института // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 5 (123). С. 165–173.

Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам работников. Октябрь 2017 г. Таблица 12 // Государственная служба налоговой статистики: Официальный сайт. URL: <https://www.gks.ru/compendium?print=1> (Дата обращения: 11.09.2019.)

Сухова А.С. Обзор социальных услуг по уходу за детьми: мировой опыт // Spero. 2011. № 14. С. 227–244.

Хаматханова М.А., Воробьев Е.М. Социологическое исследование предпочтений работодателей в сфере занятости // Фундаментальные исследования. 2015. № 8–3. С. 624–628.

References

Attendance of preschool educational organizations by children aged 3–8 years by type of settlements, by separate social and age groups. State Tax Statistics Service: Official website. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/quality15/PublishData/Reports/Files/Таблица_36.1.pdf (Date of access: 11.09.2019). (In Russ.)

Elborg-Wojtek C., Neviak M. et al. Women, labour and economy. Macroeconomic benefits of gender equality. International Monetary Fund Condemnation Paper, 2013. URL: <http://women-peace.net/wp-content/uploads/2012/08/ZHenshhiny-trud-i-ekonomika.pdf> (Date of access: 03.04.2019.) (In Russ.)

Employment and unemployment in the Russian Federation in January 2017. State Tax Statistics Service: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/isswww.exe/stg/d01/36.htm (Date of access: 25.07.2019.) (In Russ.)

Information on preschool educational organizations (up to and including 2013). State Tax Statistics Service: Official website. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/tab1.htm (Date of access: 18.02.2019). (In Russ.)

Information on salaries of employees in organizations by categories of personnel and professional groups of employees. October 2017. Table 12. State Tax Statistics Service: Official website. URL: <https://www.gks.ru/compendium?print=1> (Date of access: 11.09.2019.) (In Russ.)

Karabchuk T., Nagernjak M. Employment determinants for mothers in Russia. *Journal of Social Policy Research*. 2013. T. 11. No. 1. P. 25–48. (In Russ.)

Khamatkhanova M.A., Vorobiev E.M. Sociological research of employers' preferences in the field of employment. *Fundamental research*. 2015. No. 8–3. P. 624–628. (In Russ.)

Kozina I. Working mothers: employment conditions and social support. *Women's movement in Russia: yesterday, today, tomorrow: mat. conf. Moscow: RODP «JABLOKO», «KMK»*, 2010. P. 19–28. (In Russ.)

Labour force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample surveys of the labour force). *Statistical collection*. 2018. Moscow: Rosstat, 2018. 142 p. (In Russ.)

Mityagina E.V. Resources of modern workers in the conditions of Russian modernization: the gender aspect. *Woman in Russian society*. 2014. No. 1. P. 59–68. (In Russ.)

Nikolaev I.A., Marchenko T.E., Tochilkin O.S. Gender pay gap – 2017. Analytical Report. FBK «Grant Thornton». URL: https://grantthornton.ru/upload/medialibrary/bce/Gendernyi%20razryv%20v%20oplate%20truda_doklad.pdf (Date of access: 12.05.2019.) (In Russ.)

Nozhova A.S. Woman on the labor market. *Young scientist*. 2015. No. 21. P. 363–367. (In Russ.)

Savinskaya O.B. Balance of work and family: strategies for reconciling professional and family responsibilities of working mothers in Moscow. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013. T. 16. No. 2. P. 142–167. (In Russ.)

Savinskaya O.B. Caring for the children of working Moscovites. *Sociological research*. 2011. No. 1. P. 137–142. (In Russ.)

Savinskaya O.B. Significance of kindergarten services as a social institution. *Monitoring of public opinion*. 2014. No. 5 (123). P. 165–173. (In Russ.)

Savinskaya O.B. Value of employment and preferences in working conditions of Moscow mothers of preschool children. *Woman in Russian society*. 2011 a. No. 4. P. 75–87. (In Russ.)

Sizes of the minimum and maximum unemployment benefits. *Consultant Plus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115258/76d57c0dcc2c1f4beffb4a83e0066a7d65292ee/ (Date of access: 27.04.2019.) (In Russ.)

Sukhova A.S. Review of social services for child care: world experience. *Spero*. 2011. No. 14. P. 227–244. (In Russ.)

The value of the subsistence minimum per capita and by the main socio-demographic groups of the population as a whole in the Russian Federation. Reference information. *Consultant Plus*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/8bf43d584df4ac39ddec19c36e7654dce95bdb62/ (Date of access: 11.03.2019.) (In Russ.)

Unemployment allowance in different countries. *Visa Sam*. Electronic resource. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/posobie-po-bezraboyice-v-mire.html> (Date of access: 24.01.2019.) (In Russ.)

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ. РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31249/rsm/2019.04.14

Б.А. Шмелев

ПОНЯТЬ УКРАИНУ.

**О КНИГЕ П.П. ТОЛОЧКО «УКРАИНА МЕЖДУ РОССИЕЙ
И ЗАПАДОМ. ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ»
(СПб.: Изд-во СПбГУП, 2018. 627 с.)**

Аннотация. Рецензия на книгу известного украинского ученого П.П. Толочко «Украина между Россией и Западом. Историко-публицистические очерки» убедительно показывает, что эту книгу можно справедливо рассматривать как ценный вклад в понимание событий и процессов, происходящих на Украине с 2014 г. Украинский историк, по мнению рецензента, четко излагает мнение о причинах разворачивающегося в Украине политического и экономического кризиса, а также о путях его преодоления. Отдельной темой книги является современное состояние и перспективы российско-украинских отношений. Книга, заключает рецензент, может оказаться весьма полезной для понимания истории и текущих событий, происходящих в стране.

Ключевые слова: кризис; национализм; идентичность; сепаратизм; федерализм; геополитика; элита.

Шмелев Борис Александрович – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
Москва. E-mail: boris_shmelev@mail.ru

**B.A. Shmelev. To Understand Ukraine. About the Book by P.P. Tolochko
«Ukraine Between Russia and the West. Historical and Publicistic Essays»
(St. Petersburg: SPbGUP, 2018. 627 p.)**

Abstract. The review on the book by the famous Ukrainian scientist, P.P. Tolochko «Ukraine between Russia and the West. Historical and publicistic essays» persuasively shows that the book under consideration can be justly considered as a valuable contribution to a better understanding of the events and processes that have taken place in Ukraine since 2014. The Ukrainian historian, argues the reviewer, is quite adamant in speaking his mind on the causes of the political and economic crisis unfolding in Ukraine as well as the ways of resolving it. A separate topic of the book is the current state and prospects of Russian-Ukrainian relations. The book, concludes the reviewer, might be quite helpful

for understanding the history and current events taking place in the country, providing the Russian reader with an invaluable glimpse into the psyche of the Ukrainian people.

Keywords: *crisis; nationalism; identity; separatism; federalism; geopolitics; elite.*

**Shmelev Boris Alexandrovich – Doctor of Historical Sciences,
Senior Researcher, Institute of Economics, Russian Academy
of Sciences. E-mail: boris_shmelev@mail.ru**

Причины конфликта между Россией и Украиной, истоки возникновения холодной войны между двумя постсоветскими государствами, бывшими советскими республиками, прожившими бок о бок в границах единого государства – сначала Российской империи, а затем Советского Союза – несколько столетий, рассмотрены в многочисленных статьях и монографиях российских и украинских ученых. В этих исследованиях анализируются российско-украинские отношения, намечены перспективы их возможной дальнейшей эволюции. Российские авторы с разной степенью убедительности критикуют политику Киева, обвиняя его в прозападной ориентации, русофобстве как неизбежном следствии идеологии национализма, исповедуемой украинскими властями. Украинские политологи, в свою очередь, ополчились на российскую политику, обвиняя Москву в неоимпериализме и стремлении установить свое господство на постсоветском пространстве, включая и территорию самой Украины. На этом фоне очень привлекательно выглядит книга П.П. Толочко, известного украинского историка и археолога, академика Национальной академии наук Украины, члена Президиума Национальной академии наук (НАН) Украины, почетного директора Института археологии НАН Украины, доктора исторических наук, профессора. Он автор более 200 научных работ по актуальным проблемам становления украинской государственности, построения политической нации и гражданского общества, формирования украинской национальной идеи, развития взаимоотношений Украины и России. Следует отметить, что Толочко с полным на то основанием может быть причислен к тем, кого называют «интернационалистами». Тем ценнее его оценки происходящего и на Украине, и в украинско-российских отношениях.

Толочко считает, что «уже 27 лет Украина развивается суверенно, но ее политическая элита так и не справилась с трудной задачей государственного строительства. Она не смогла объединить общество. Определить общенациональные приоритеты, структурировать институты власти, выработать нерушимые правовые основы жизни и, собственно, сама не консолидировалась в единую политическую силу» [Толочко 2018, с. 156]. За эти годы сменилось пять президентов, и каждый из них начинал свою деятельность на этом посту с отрицания того, что было сделано его предшественником. Каковы же при-

чины неустойчивости государственной власти на Украине и можно даже сказать – цикличности ее функционирования? По мнению автора книги, «реально на Украине правят бал несколько конкурирующих политико-экономических корпораций, которые, поочередно приходя к власти, принимаются строить свое государство, совершенно не сообразуясь с принципами преемственной ответственности, но обязательно с ярко выраженной региональной провинциальностью, будь то днепропетровской, донецкой или галицкой» [Толочко 2018, с. 156]. По существу Украинское государство оказалось приватизировано разными олигархическими кланами, которые использовали его в своих коммерческих интересах, очень часто весьма далеких от интересов национальных. Сложившуюся ситуацию Толочко характеризует как состояние «хаоса и распада» [Толочко 2018, с. 263], усугубляемого тем, что украинская нация до конца еще не сформировалась. Как отмечает автор, «можно говорить лишь о народе Украины, который представляет собой совокупность этнокультурных общностей с различными ценностными ориентациями» [Толочко 2018, с. 162]. По мнению автора, «фактически имеются четыре разные Украины с собственной историей, религиозной принадлежностью, традициями. 60 лет их сосуществования в современных административно-территориальных границах и 27 лет суверенного развития – небольшой срок, чтобы выработались сильные традиции государственности и произошла консолидация страны» [Толочко 2018, с. 159].

И у каждой из этих «Украин» есть свое цивилизационное самоощущение, своя цивилизационная самоидентификация, чем и определяется их ценностная ориентация. Одни осознают себя частью византийско-православной культурной традиции, другие – римско-католической [Толочко 2018, с. 162]. Поэтому, считает Толочко, Украина разделена исторически. По его мнению, «Украине нужно изменить форму государственно-политического и административно-территориального устройства, перейти от унитарной к федеративной форме государства» [Толочко 2018, с. 167].

Идея федерализма на Украине сегодня не только не поддерживается властными структурами, но и не одобряется ни одной политической партией, критикуется в украинском экспертном сообществе, к ней отрицательно относятся и в НАН. Федерализм несправедливо расценивается как сепаратизм, ведущий к распаду Украинского государства. Но федеративное устройство имеют многие государства мира, которые успешно развиваются, и они вполне могли бы послужить примером для Киева. Согласно Толочко, Украина неизбежно станет федеративным государством, она будет состоять из 10–11 земель в соответствии с историческим районированием [Толочко 2018, с. 169]. Он приходит к весьма важному для Украины выводу: «Опыт мировой истории убеждает, что унитаризм в условиях, сходных с украинскими, нежизнеспособен. Чрезмерная властно-административная централизация, про-

водимая на принципах абсолютизации ценностей (культурно-исторических, этнонациональных, конфессиональных), характерных лишь для одного из регионов, рано или поздно приводит к краху системы» [Толочко 2018, с. 169]. Однако, рассуждая о будущем федеративном устройстве, автор несколько опережает время – Украина для федеративного устройства, по-видимому, еще не созрела. Сколько-нибудь заметных выступлений в пользу федерализма в украинских регионах не наблюдается. Даже обьятый пламенем гражданской войны Донбасс, а не только ДНР и ЛНР, не выступает в качестве сторонника украинского федерализма.

В книге большое внимание уделяется анализу процессов государственного строительства, основным тенденциям развития общественно-политической жизни на Украине. Тут Толочко исходит из утверждения, что «годы суверенной жизни не принесли Украине ни экономического, ни общественного процветания. Практически потеряна и государственная независимость» [Толочко 2018, с. 331].

Этот вывод подтверждается многочисленными исследованиями и украинскими, и российских экономистов. В условиях разрыва производственных и технологических связей с российскими предприятиями ее энергоемкое и ресурсоемкое народное хозяйство оказалось в состоянии глубокого кризиса. Уровень ВВП в стране до сих пор не достиг показателей 1990 г. Экономическая ситуация в стране характеризуется резким падением платежеспособности населения и предприятий. Реформы, проводимые под эгидой МВФ и ЕС, имеют серьезные социально-экономические издержки – и эти издержки перекладываются на плечи населения. Потеря российских рынков не компенсируется расширением доступа украинских товаров на рынки ЕС. Масштабного притока западных инвестиций в страну не происходит, новые производства на основе новейших западных технологий не открываются.

На сакраментальный вопрос, кто же виноват в таком катастрофическом положении дел на Украине, автор дает однозначный ответ – украинская элита. Как отмечается в книге, «у новой политической элиты не было и нет сколько-нибудь внятного проекта развития государства и общества» [Толочко 2018, с. 355]. Автор весьма критически оценивает ее моральные и деловые качества. По его словам, «злоупотребления властью, казнокрадство... приобрели на независимой Украине неведомые ранее масштабы». Все вожди Майдана, придя к власти, разбогатели, так как «принялись воровать пуще своих предшественников» [Толочко 2018, с. 350, 352]. Толочко уверен, что после Майдана «произошла очередная самодискредитация властной элиты, показавшая ее полное несоответствие национальным интересам страны» [Толочко 2018, с. 352]. По его мнению, украинская политическая элита оказалась неспособной предложить народу объединяющие идеалы. Поочередно сменяя друг друга у кормила власти, ни один из руководителей страны не смог возвыситься

до общенационального уровня, осознать себя представителем всего украинского народа. Горизонт ответственности каждого из них не простирался дальше регионально-клановых интересов.

С другой стороны, по мнению Толочко, ситуация в украинской элите во многом отражает ситуацию, сложившуюся в обществе. По его мнению, украинское общество социально незрело [Толочко 2018, с. 333]. Оно не создало гражданских институтов самоорганизации и не стало самодостаточной силой. Среди населения преобладают иждивенческие настроения, ожидания, что жизнь улучшится «с помощью богатой Европы» [Толочко 2018, с. 334]. Согласно автору книги, «именно этим объясняются столь стойкие евроинтеграционные симпатии значительной части населения Украины» [Толочко 2018, с. 334]. Толочко искренне не понимает, почему граждане Украины поверили майданным демагогам и пошли за ними по этой дороге в никуда. В связи с этим он делает жесткий и, возможно, излишне категоричный вывод: «Создается впечатление, что у нас исчез даже естественный инстинкт самосохранения» [Толочко 2018, с. 336].

Толочко обстоятельно рассматривает геополитические последствия Майдана и произошедшего в феврале 2014 г. государственного переворота в Киеве. Он прямо пишет, что «в глобальном соревновании за Украину между Россией и США – ЕС победа досталась евро-американцам. Они были более последовательны в подготовке на Украине своих сторонников, тогда как Россия уповала преимущественно на традиционное этническое родство русских и украинцев, полагая, что оно и без дополнительных стимулов будет нерушимым и никуда украинцы не денутся. Такое представление оказалось глубоко ошибочным» [Толочко 2018, с. 187].

С этим выводом трудно не согласиться. Действительно украинская политика России была сориентирована в первую очередь на развитие контактов с украинской политической и бизнес-элитой, а целенаправленных действий по расширению связей с представителями различных социальных групп в стране, и в первую очередь с молодежью, осуществлялось не так много. Но дело не только в этом. Фактически с момента провозглашения независимого Украинского государства оно представляло собой второе Русское государство, в котором преобладала русская культура и русский язык. Для того чтобы построить собственное национальное государство и обосновать легитимность его существования, необходимо было, с точки зрения украинских элит, доказать, что Украина – это не Россия. Идеология этого строительства предполагала либо дистанцирование от Москвы в рамках так называемой политики многовекторности, которая проводилась президентами Л. Кучмой и В. Януковичем, либо противопоставление Украины России на основе галицийской модели украинства, которой придерживались В. Ющенко и особенно П. Порошенко.

Однако за все время существования независимой Украины в ней не было создано влиятельных политических партий, которые были бы однозначно пророссийски ориентированными. Коммунистическая партия Украины и Социалистическая партия не в счет, так как они не были влиятельными политическими силами, а Москва сама сторонилась их. Видимо, можно говорить о непонимании российскими политиками логики строительства украинской государственности.

В книге Толочко много внимания уделяется анализу ситуации на Юго-Востоке Украины, в Донбассе. Его симпатии на стороне жителей самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Он не сторонник сепаратизма и выступает за целостность Украинского государства. Но, по его мнению, дончанам не оставалось ничего другого, как с оружием в руках бороться против навязываемой им идеологии украинского национализма в его галицийской трактовке. Они добивались лишь культурной и административно-хозяйственной автономии своих регионов, что можно было бы достигнуть на основе предоставления особого статуса. Как отмечает автор, «ничего неестественного и тем более противозаконного в таких требованиях жителей Донетчины и Луганщины нет. Они не превышают того, что де-факто признается за жителями Галичины» [Толочко 2018, с. 279]. Но Киев не захотел идти на переговоры и решил силой подавить сопротивление проводимой им политике. Характеризуя эти действия киевских властей, автор резонно замечает, что «со своими людьми надо договариваться, а не воевать» [Толочко 2018, с. 276].

В книге украинский кризис рассматривается в координатах геополитических реалий, которые сложились в Европе и в мире. Автор пишет о том, что «Украина меньше всего интересуется Евросоюз и США как экономический партнер. Единственное, что для них важно, – обрести политического и военного союзника, получить в лице Украины такой антироссийский таран непосредственно у ее границ» [Толочко 2018, с. 193]. По словам Толочко, если бы в конце 2013 г. США и Европа не проявили бы столь откровенного нетерпения в связи с отсрочкой подписания Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС, не подтолкнули так называемый Евромайдан 22 февраля 2014 г. к вооруженному государственному перевороту, «не было бы отделения Крыма и мятежа в Донбассе» [Толочко 2018, с. 196].

Сегодня, по мнению автора, Россия рассматривается на Украине как враждебное государство, представляющее главную угрозу безопасности и независимости Украинского государства. Можно ли рассчитывать на то, что в обозримом будущем характер украинско-российских отношений изменится, и они будут развиваться на принципах добрососедства? В книге оценок перспектив украинско-российских отношений не содержится. Автору их будущее неясно. Когда он писал свою книгу, еще не было известно, что на президентских выборах 2019 г. П. Порошенко и, соответственно, вся идеология

Майдана потерпят сокрушительное поражение. К власти пришли новые люди с иной концепцией государственного строительства, с другим пониманием украинской идентичности. Но, по-видимому, сколько-нибудь существенной коррекции внешнеполитического курса Киева не произойдет. Внутриполитических предпосылок для этого нет, Запад, ведущий политику «сдерживания» Москвы, будет продолжать встраивать Украину в существующие геополитические реалии в Европе, в которых доминирует ЕС и НАТО. Поэтому реальные возможности нового президента В. Зеленского по выводу украино-российских отношений из тупика крайне ограничены.

Монография Толочко позволяет взглянуть на происходящие на Украине драматические события изнутри Украины, понять логику происходящих в стране политических процессов, проследить ее формирование на большой исторической дистанции. Книга углубляет понимание политических процессов, происходящих в этой стране, а следовательно – создает возможность проводить разумную, взвешенную политику на украинском направлении.

Библиография

Толочко П.П. Украина между Россией и Западом. Историко-публицистические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2018. 627 с.

Reference

Tolochko P.P. Ukraine between Russia and the West. Historical and publicistic essays. St. Petersburg: SPbGUP, 2018. 627 p. (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР» ЗА 2019 г.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Р.С. Асташкин.* Проблема «русского транзита» в европейской публицистике XVII в. (На примере «Записок о Московии» Де Ла Невилля)..... № 1, с. 6
- В.Н. Бабенко.* Проблемы борьбы с коррупцией в системе органов государственной власти в постсоветской России..... № 2, с. 27
- М.И. Воейков.* Огосударствление экономики: Уроки истории и идеологии (К 100-летию «военного коммунизма») № 4, с. 6
- И.И. Глебова.* О россиеведении в России и Центре россиеведения ИНИОН РАН..... № 2, с. 37
- Ю.В. Дунаева.* «Правдивый протокол текущего безумия»: Художник А.Н. Бенуа о революционных событиях 1917 г. № 1, с. 32
- Н.А. Копылов.* Выступление Чехословацкого корпуса в 1918 г.: Современный взгляд на проблему № 3, с. 6
- Б.С. Котов.* Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. (На примере хлебной торговли)..... № 1, с. 14
- Я.В. Мищенко.* Азиатско-Тихоокеанский регион в международном энергетическом сотрудничестве России в XXI веке № 4, с. 24
- А.В. Шубин.* От власти Советов к партократии № 2, с. 6
- В.Н. Чернега.* «Прорыв» или отставание? Российский проект в современном мире № 3, с. 23

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

<i>А.М. Астахов.</i> Образ России в электронных СМИ Азербайджана (февраль-март 2018 г.).....	№ 2, с. 67
<i>А.В. Белокобыльский, В.С. Левицкий.</i> Американский глобальный проект как угроза европейской демократии.....	№ 2, с. 112
<i>И.И. Болотина, А.А. Лаврикова.</i> Современные формы участия граждан в политической жизни европейских государств.....	№ 4, с. 42
<i>Н.И. Бубнова.</i> Новая стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа.....	№ 1, с. 48
<i>Н.И. Бубнова.</i> Стратегия США в зеркале иммиграционной политики Трампа.....	№ 3, с. 64
<i>Д. Бурмо, Н.Ю. Латина.</i> Движение «желтых жилетов»: Взгляд из России и Франции.....	№ 3, с. 37
<i>Д.А. Волкова.</i> Миграционный вопрос в законодательстве и программах политических партий Чешской Республики.....	№ 4, с. 57
<i>А.В. Гуцин, И.Е. Ханова.</i> Постсоветское пространство: Причины, процесс и промежуточные результаты трансформации.....	№ 2, с. 53
<i>Н.В. Еремина, А.С. Кагримаян.</i> Брекзит: Еще один исторический шанс для Шотландии?.....	№ 1, с. 84
<i>А.О. Ковалева.</i> Военно-политические аспекты сотрудничества России и Китая в современной геополитической ситуации.....	№ 2, с. 82
<i>А.С. Левченков.</i> Политика памяти в контексте внешнеполитического курса Украины в 2014 – начале 2019 г.....	№ 4, с. 111
<i>А.А. Миграция.</i> Перспективы развития торговых отношений ЕАЭС и Вьетнама.....	№ 2, с. 92
<i>О.Н. Новикова.</i> Дети халифата.....	№ 2, с. 141
<i>Г.В. Семеко.</i> Финансовое обеспечение системы образования: Глобальные тенденции и особенности России.....	№ 3, с. 89
<i>Э.Н. Соболев.</i> Социальное инвестирование в сфере труда: Механизмы, эффективность, глобализационные риски.....	№ 1, с. 148
<i>А.А. Стракевич.</i> «Старые» и «новые» правые популисты в Западной Европе. (На примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы»).....	№ 2, с. 26
<i>Ф.О. Трунов.</i> Дипломатия ФРГ на современном этапе: Российское направление.....	№ 1, с. 98

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 г.

<i>Ф.О. Трунов.</i> Позиция ФРГ по урегулированию арабо-израильского конфликта.....	№ 4, с. 75
<i>М.В. Хорольская.</i> Преодоление прошлого и переосмысление истории ГДР в современной Германии.....	№ 1, с. 133
<i>О.Ю. Шмелева, А.А. Корпусова.</i> Визуальный аспект восприятия современного государства гражданами РФ и ФРГ: Опыт компаративистского исследования	№ 1, с. 115
<i>А.В. Шурубович.</i> Белоруссия в ЕАЭС: Тенденции, проблемы, перспективы.....	№ 4, с. 91
<i>Е.Г. Энтина.</i> Приоритеты политики США, ЕС и Великобритании в Западнобалканском регионе после Брекзита.....	№ 1, с. 72

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

<i>Д.Л. Асиновский.</i> Идеология и прагматизм в ранних советских оценках революции в Иране 1978–1979 гг.	№ 1, с. 182
<i>Н.А. Белякова.</i> «Вопросы положения религии в СССР находятся под пристальным вниманием...» Стенограмма выступления заместителя председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макарецца 2 февраля 1977 г.	№ 3, с. 130
<i>С.Б. Брилёв.</i> Операция «Оранж». Загадочные испанцы – участники англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г.	№ 2, с. 190
<i>С.Б. Брилёв, Б. О’Коннор.</i> «Тоник» и «содовая»: Неудачный коктейль. Провал немцев и австрийцев – участников англо-советской разведывательно-диверсионной схемы «Ледоруб» в 1943 г.	№ 4, с. 145
<i>Е.В. Гиголаева.</i> Советская похоронная индустрия в 1920-е годы: Новый быт в контексте западных градостроительных идей.....	№ 2, с. 178
<i>О.И. Киянская, Д.М. Фельдман.</i> Одесса времен Гражданской войны в мемуарах Натальи Логуновой	№ 4, с. 127
<i>В.А. Ковалёв.</i> «Прачечная» для радикала. Трансформация взглядов Питирима Сорокина на революционный кризис	№ 1, с. 161
<i>М.А. Фельдман.</i> «Третье сражение». Вопрос о путях социально-экономического развития СССР на Ноябрьском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП (б).....	№ 2, с. 159

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 г.

- И.С. Шилкина.* Психоданализ в послереволюционной России
(1920–1930-е годы)..... № 3, с. 108

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- П.А. Анисимов.* Российско-норвежское сотрудничество
в сфере защиты окружающей среды. (На примере Арк-
тического региона)..... № 3, с. 181
- И.К. Богомолов.* Рапорты уездных земских исправников
Московской губернии о настроении населения в 1914–
1915 гг. № 2, с. 216
- Д.А. Волкова.* Трудовая миграция в Чешскую Республику
из Украины в настоящее время..... № 2, с. 236
- А.С. Гаева.* Миграционные процессы на евразийском про-
странстве № 1, с. 207
- А.В. Гизатуллина, Н.С. Зимова.* Проблемы занятости жен-
щин с детьми дошкольного возраста в современной
России и мире № 4, с. 219
- Е.Ю. Довгополов, О.А. Полюшкевич.* О природе политиче-
ской институционализации этничности. (На примере
каталонских событий 2017 г.) № 1, с. 242
- И.С. Ильин.* Взаимоотношения власти и православной
церкви в современной России..... № 2, с. 225
- М.В. Ковалев.* Профессор Д.Д. Гримм и конституционный
процесс в межвоенной Эстонии..... № 4, с. 198
- Н.А. Коровникова.* Аксиологические факторы регионально-
го развития современной России № 3, с. 171
- Л.М. Лысенко.* «Запись» в партию: Превращение РСДРП (б)
из конспиративной в массовую..... № 4, с. 186
- В.В. Прудская.* Политика Российской Федерации в отноше-
нии Европейского союза в периоды президентства
Б.Н. Ельцина и В.В. Путина № 3, с. 157
- Е.Е. Савицкий.* Декадентская эстетика и имперские иден-
тичности: Нидерландская Индия 1890-х годов глазами
русского консула № 4, с. 171
- И.Л. Соколов.* Террористические организации на террито-
рии Европейского союза: Попытка институционально-
го анализа № 3, с. 187
- Е.Ю. Трещенков.* Стрессоустойчивость в дискурсах Евро-
пейского союза № 1, с. 223

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 г.

<i>А.С. Ципко.</i> Чего мы не хотим знать о Карле Марксе?.....	№ 1, с. 194
<i>М.А. Ядова.</i> Модернизационный потенциал и модернизационный капитал: Грани взаимодействия.....	№ 3, с. 197

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ. РЕЦЕНЗИИ

<i>Т.Г. Биткова.</i> Рец. на сб.: Россия и Румыния во время Первой мировой войны. Бухарест, 2018	№ 2, с. 251
<i>Т.Г. Биткова, А.В. Манойло, О.Н. Новикова, Т.Г. Пархалина, А.С. Сидоров, Ф.О. Трунов, Ю.А. Щербакова.</i> Страны Запада против террористической угрозы в Азии и Африке: По материалам семинара Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН (8 ноября 2018 г.).....	№ 3, с. 203
<i>С.И. Коданева.</i> Институционализация социальной ответственности государства в России и за рубежом	№ 3, с. 222
<i>С.Б. Крих.</i> Испытание временем. Рец. на: Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.	№ 3, с. 237
<i>Л.А. Можяева.</i> Пространство народной дипломатии: Туризм	№ 2, с. 243
<i>И.Н. Суетин.</i> Российские (советские) преподаватели музыки в европейской эмиграции. Историографический обзор	№ 1, с. 249
<i>Б.А. Шмелев.</i> Понять Украину. О книге П.П. Толочко «Украина между Россией и Западом. Историко-публицистические очерки» (СПб.: Изд-во СПбГУП, 2018. 627 с.).....	№ 4, с. 229

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

**ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ
«РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»**

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы дается в переводе на английский язык; на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква p. – обозначение страницы и «Дата обращения» – «Data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В переведенном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Ivanov I.I. Problems of science. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; Petrov P.P. On... Russia and contemporary world. Moscow, 2011. No. 4. P. 5–25.

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп. 2. Д. 3. 3 л.; Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В переведенном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Bagritskaya L.G. Letter to V.P. Kataev dd. 7.10.1947. RGALI. F. 1399. Inv. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; Javoronkov B.I. Speech about the Moscow State History and Archives Institute. GARF. F. R8370. Inv. 2. D. 3. 3 p.; Criminal case of A.N. Harry, 1930. CA FSB. D. R-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); The Universal Declaration of Human Rights. 1948. 10 December. URL: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html> (Data of access: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов, названия и выходные данные переносятся в «References» без изменений.

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Иванов 2010, с. 38], [Багрицкая 1947, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Иванов 2010, с. 23–33; Петров 2011, с. 6]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Всеобщая декларация 1948].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 4 – 2019 (105)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н . М . В л а с о в а

Корректор
О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 06.12.2019 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,8 Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 146

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33